Сиратори Каору

Однажды, в давние времена…

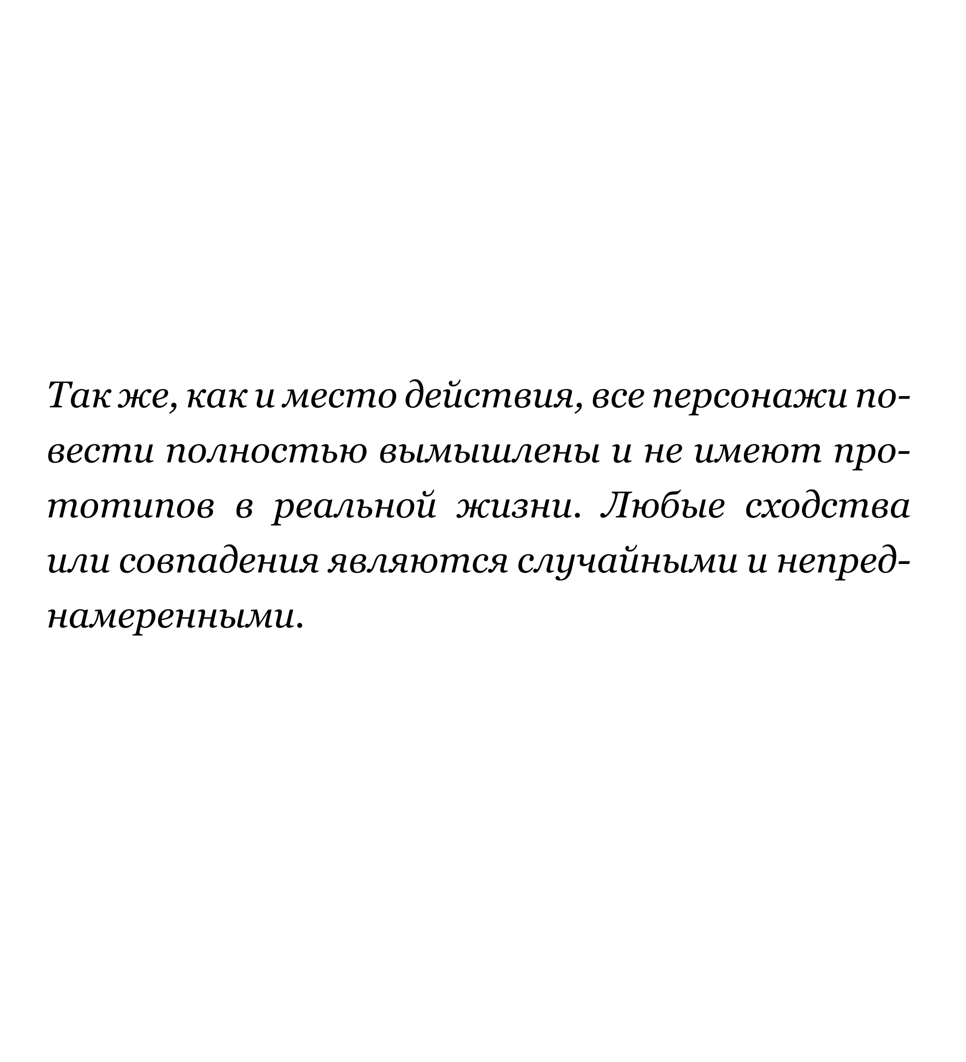
История, которая произошла в одной несуществующей стране

Сиратори Каору

Однажды, в давние времена…

История, которая произошла в одной несуществующей стране

Оглавление

Так же, как и место действия, все персонажи повести полностью вымышлены и не имеют прототипов в реальной жизни. Любые сходства или совпадения являются случайными и непреднамеренными.

Часть первая

Звёзды над волнами

Ну разумеется, я ничего этого не хотела. Как можно хотеть того, чего не может быть? Наверное, это просто судьба... А ещё мне иногда кажется, что произошло чудо — самое настоящее, как в сказке. Нет, конечно же, я в это не верю: какие могут быть чудеса в двадцатом веке... Но, может быть, они всё ещё случаются именно потому, что никто в них больше не верит? А потом оказывается уже слишком поздно им помешать...

Не самый удачный день в жизни

Жалобно охнув просевшими рессорами, старенький «Пазик» подпрыгнул на особенно глубоком ухабе и грузно плюхнулся всеми четырьмя колёсами назад, на пыльный разбитый просёлок.

— Держись, джигит, — добродушный, похожий чем-то на актёра Мкртчяна водитель ободряюще глянул на примостившегося рядом невысокого русоволосого паренька в обтрёпанных советских джинсиках-техасах и порванной на боку футболке. — Подъезжаем уже.

— Да я ничё... — потирая рукой ушибленную коленку, «джигит» опять попрочнее оседлал свой чемодан. — Нормально...

— Ну вот и молодцом. А у меня всегда так. Проход завален, бывает, и до скандалов доходит. Курортники. Барахла с собой наберут — как на случай атомной войны. Дамочки, в особенности... Да ведь и сам виноват, что опоздал.

В ответ молодой человек лишь неопределённо хмыкнул. Водителю было скучно, и он уже несколько раз пытался завести разговор — только с чего бы они ни начали, через минуту-другую неизменно заканчивали футболом. Болел шофёр за

ереванский «Арарат» и ни о чём другом, кроме сегодняшнего матча с тбилисцами, говорить долго не мог. А Андрей — как звали путешествующего верхом на чемодане парнишку — спортом интересовался мало. Ну разве что фигурное катание по телеку смотрел...

Автобус тем временем миновал очередную придорожную рощицу и свернул на какую-то совсем уж никудышную грунтовку, ведущую к обшарпанному двухэтажному особняку довоенной, наверно, ещё, сталинской постройки. Точнее, к тому, что от него осталось: всё правое крыло здания было начисто снесено, освободив место для заброшенного, поросшего бурьяном и чертополохом пустыря. Представшая перед глазами картина не слишком-то походила на нарисованный в воображении образ морского курорта — но и не сказать чтоб сильно разочаровала Андрея. Было в ней что-то не от мира сего, загадочно-тревожное, как в каком-нибудь из сумрачных рассказов Брэдбери или Эдгара По...

Эти каникулы на море были обещаны ему ещё прошлым летом, «за не слишком много троек в табеле». По такому случаю Андрей даже героически вытянул на четыре историю. Но в последний момент у отца что-то сорвалось с отпуском — и родители поклялись, что уж на следующий год, железно, кровь из носу, что бы ни случилось, как в сберкассе... Только в конце июня, встречая его с военных сборов, мать расстроенно сообщила, что вот беда, папу опять не отпускают. Из Москвы пришёл страшный разнос: институт опаздывает с расчётами плана министерства на пятилетку. И это — по крайней мере до середины сентября... От такого поворота событий Андрей совсем было приуныл, но тут она сказала, что выбила у себя в месткоме для него путёвку. Где-то на кавказском побережье, точнее не знает. И что ему совершенно не о чем волноваться: жильё, питание — всё входит. Ведь он не маленький уже, не пропадёт там как-нибудь один... Странные люди — предки. С этого же

надо было начинать!

Предвкушение почти месяца полной, ничем не ограниченной свободы приятно будоражило нервы, рождало в душе какие-то смутные ожидания, надежды... Но, увы, пока что вся эта самостоятельность не принесла с собой ничего, кроме неприятностей. И началось с обычной его расхлябанности, с забытой в купе кепки. Старая, не очень-то и жаль её — но уж если с самого утра что пойдёт не так... Перепутал стороны платформы, сел не в ту электричку. Так и уехал бы бог знает куда, не попадись рядом болтливая тётка со своими настырными расспросами... Чуть не на ходу выскакивая из вагона, зацепился футболкой за какой-то крюк... Ну а в Горячем Ключе, вот чёрт его дёрнул сигареты там покупать. Хотя с жизни такой и не захочешь — закуришь... Вид же был у него, когда, спотыкаясь, с чемоданом за автобусом бежал. Под свист и улюлюканье...

Но любым злоключениям рано или поздно приходит конец. Звучно скрипнув тормозами, «Пазик» качнулся в последний раз и замер посреди двора, в нескольких метрах от украшенного колоннами, нелепо сместившегося сейчас к самому краю парадного подъезда. Дальше уже всё пойдёт как по маслу. Андрей кивнул на прощанье шофёру, подхватил чемодан и спрыгнул с подножки на землю...

Помпезный, в стиле дворца культуры вестибюль тоже не избежал губительного влияния времени. Контраст между былым великолепием и нынешним упадком чувствовался здесь даже сильнее. Розовый мрамор стен покрылся трещинами, цветной паркет изуродован какими-то бесформенными, въевшимися в дерево пятнами. Ведущая на галерею второго этажа лестница по-нищенски ощерилась позеленевшими от сырости пустыми латунными кольцами... Но хуже всего, эта стена. Уродская, крашенная серой нитроэмалью стена, откромсавшая всю правую половину перекособочившегося в результате, как и фасад, помещения.

Хотя, какая разница: не на вестибюль же он тут любоваться собирается. А вот почему никто их не встречает? В некоторой растерянности Андрей подошёл к широким двустворчатым дверям, ведущим куда-то в глубину здания, и несмело потянул за литую бронзовую ручку. За дверью оказалось что-то вроде общей гостиной с телевизором, бильярдом и длинным узким столом, на котором неровной стопкой лежало несколько шахматных досок. Здраво рассудив, что вестибюль пока лучше не покидать, он опять осторожно прикрыл тяжёлую дубовую створку и прошёл чуть дальше, мимо большого зеркала в массивной золочёной раме — и тут же удовлетворённо хмыкнул: вот куда ему надо. В закутке под лестницей, рядом с выходом в парк, обнаружилась ещё одна дверь, украшенная многообещающей табличкой «АДМИНИСТРАЦИЯ». Решительно постучавшись, Андрей распахнул её — но в захламлённой, напоминающей склад длинной узкой комнате тоже не было ни души.

И в этот момент до него вдруг дошло, что в вестибюле он по-прежнему один. Почуяв неладное, он бросился назад, к выходящему во двор окну — и конечно же, все остальные всё ещё стояли там, собравшись в кружок возле автобуса. Чертыхнувшись, он собрался было выйти опять, если не послушать, то хотя бы прикинуться, что никуда и не уходил... Но тут кружок распался, и вся компания направилась в его сторону.

Надо было срочно что-то предпринять. В голову пришла гениальная в своей простоте мысль: выйти через заднюю дверь, обойти вокруг дома и уже вслед за всеми зайти через парадное опять... Но только если кто этот манёвр заметит... Или уже видел, как он заходил... Вот тут точно стыда не оберёшься... Хотя, разобраться если, а что он, собственно, сделал не так? Пришёл, куда надо — и раньше всех, между прочим. А что муру всякую слушать не стал, так нужна она ему как собаке пятая нога. Андрей отвернулся от окна к стоящему здесь зачем-то столу, на котором умостилась запертая на висячий замочек небольшая

стойка с открытками. Сложил на груди руки и сделал вид, будто разглядывает фотографии. При самом минимальном везении никто на него и внимания не обратит. Лишь бы только «благодетеля» какого не нашлось...

На этот раз он решил действовать наверняка: пристроиться в хвост к кому-нибудь посолиднее и повторять за ним всё, что тот будет делать. Но, должно быть, это был просто не его день. Он уже выбрал себе в «поводыри» какого-то энергичного «профессора» со старомодной бородкой клинышком — когда совсем рядом раздался удивлённый возглас:

— Андрей?!

Не перрон Катя сошла первой, сразу, как разошлись в стороны автоматические двери. Кто его знает, сколько тут электричка простоит. А с её сумками... При всей своей безалаберности — или, может, как раз по причине её — она всегда была немножко паникёршей.

Неухоженное, в ржавых потёках на давно не беленных стенах здание станции могло похвастаться лишь единственным украшением — аляповатым, почти что в стиле окон РОСТА, плакатом «Навстречу Съезду». Один уголок его отклеился и трепыхался лениво под слабыми порывами тёплого, как парное молоко, ничуть не освежающего ветерка. И казалось, это Ленин машет рукой проходящим мимо поездам... Катя опустила сумки на выкрошенные по углам бетонные плиты и огляделась по сторонам. Автобуса нигде не видно. Ещё и его искать... Шумно выдохнув, она снова взялась за свой неподъёмный багаж...

Её первый в жизни отпуск... Уже целый год, как она была не просто Катей — сумасбродной и легкомысленной студенткой пединститута — а Екатериной Максимовной Шевченко,

учителем русского языка и литературы в старших классах. Призванной сеять в душах своих подопечных разумное, доброе, вечное… Только что тут посеешь, когда перед каждым уроком у самой душа в пятки уходит. Тут не одёрнешь вовремя, там слабину дашь… Не успеешь оглянуться — и всё, прощай дисциплина, хоть плачь. Рассказы такие ходили по институту весь последний семестр как послеотбойные страшилки по пионерлагерю. А уж при её-то данных… Пигалица, росту — метр с кепкой. На сеансы «до шестнадцати» до сих пор ещё паспорт иногда спрашивают. И хоть бы дали кого помладше…

Но, тем не менее, обошлось. Устаканилось как-то само собой, без особых даже эксцессов. А может, и правда совет помог, что новая подруга дала, такая же молодая специалистка, на год старше: никогда не обращаться к ним по имени, только по фамилии. Чтоб сразу дистанцию почувствовали. И они-то почувствовали — а вот сама она… Не раз и не два за разговорами в учительской Катя ловила себя на пугающей мысли, что до сих пор ещё видит себя «по ту сторону баррикад». Хотя тут, наверное, всё дело в том, что большинство учителей она знала, сама ещё будучи ученицей…

Автобус, к счастью, нашёлся быстро, сразу же за углом. Вместо названий конечных остановок в окошечках над ветровым стеклом доисторического «Пазика» было написано «Алые паруса». И даже маленький кораблик красовался по центру. Поборов соблазн устроиться поближе, где не так трясёт, Катя протащила свои сумки в самый конец салона. Как объяснял Малышу Карлсон, тот кто берёт первым, всегда должен брать то, что поменьше. Ну вот ей всегда поменьше и достаётся…

Даже от путёвки этой она чуть было не отказалась. Когда Кикимора вытащила из вазы бумажку с её фамилией, Катя вся буквально съёжилась под завистливыми — чтоб не сказать враждебными — взглядами своих более заслуженных коллег. Путёвки на школу выделяли нечасто, а уж на море… Да ещё и

бесплатно... «Свет, они ж съедят меня сейчас, — прошептала она на ухо подруге. — Может, ну его, а?» Но та вместо ответа вскочила со стула и, не давая слова сказать, потащила её из учительской. «Ну всё, пошли, пошли скорей! Ты же обещала мне сегодня помочь.» А уже выйдя за дверь — и сменив тон на менторский — велела не быть дурой, радоваться удаче и плевать на всех. Всё равно жертвы её тут никто не поймёт и не оценит, не тот контингент. Наоборот, будут ездить потом на тихоне как на нанятой. Жизнь — борьба, в борьбе — счастье. И рвать его у жизни надо когтями и зубами... Вела Света историю и обществоведение...

Постепенно салон заполнился, и автобус, натужно кашлянув, тронулся с места — чтоб сразу почти снова затормозить, встать у самого выезда с привокзальной площади. «Испорченный телефон» тут же донёс ужасную новость: человек попал под колёса. Но на поверку оказалось, всего лишь подобрали опоздавшего. Катя опять отвернулась к окну... Только смотреть тут было не на что, даже гор настоящих, и тех не видно. Запустив руку в пластиковый пакет с изображением красавицы в кимоно, заменявший ей в последнее время сумочку, она вытащила взятую в дорогу книгу и погрузилась в чтение. Отметив боковым зрением — не без ехидного самодовольства — как полезли на лоб глаза у заглянувшей ей через плечо соседки... Так время пролетело быстро, и как раз к концу очередной главы автобус зарулил во двор пансионата. Наконец-то это утомительное путешествие подошло к концу... Катя убрала книгу обратно в пакет и стала терпеливо ждать своей очереди на выход.

— Товарищи, товарищи, не расходитесь, — собрала их в круг пожилая заведующая.

Ничего содержательного в её объяснениях не было, и Катя слушала вполуха. Регистрация... Семейные номера налево, одиночки направо... Питание четырёхразовое, столовая — из вестибюля через клуб, столики на двоих... Ну вот, приплыли.

Следующие несколько дней и без того немного пугали её: вписаться в новую компанию для Кати всегда было проблемой. А тут ещё и tête-à-tête... Хорошо бы, в соседки одна из двух других девушек попалась — вон та, с гитарой, под пажа стриженная, явно одна приехала... Эх, ну хоть бы кто знакомый, на самое первое время...

— И последним пунктом на сегодня — вечер знакомства, с танцами и настоящим «Абрау-Дюрсо». Это наша давняя традиция, с самого первого заезда. Я до сих пор помню то чудесное лето, когда только начинала здесь горничной, сразу после семилетки. Тридцать восемь лет... Сколько воды с тех пор утекло. А какие люди у нас бывали...

Катя подумала, что без исторического экскурса вполне можно было бы и обойтись. Прямо сейчас, по крайней мере, когда все устали с дороги. Но что ж тут поделаешь... Она ещё раз обвела глазами окрестности. А ведь когда-то здесь действительно было очень красиво: белоснежный, утопающий в зелени парка особняк, хрустальные струи фонтанов... «Это было у моря, где ажурная пена...» — вспомнилось ей. Дурацкие стихи: такое лирическое начало — и настолько бездарная, до пошлости, концовка. Неудивительно, что никто практически её не знает...

Окружающий народ похватал вдруг свои пожитки и нестройной толпой двинулся в сторону входа... Катя очнулась и поняла, что лекция закончилась. С трудом затащив на высокое крыльцо свои сумки, она последней зашла в вестибюль. И первое, что там увидела, было знакомое лицо.

— Андрей?!

От неожиданности он чуть не выронил чемодан. Перед ним стояла, радостно улыбаясь, какая-то совершенно незнакомая

девчонка. Две тугие белобрысые косички торчат в стороны из-под сдвинутой на затылок ковбойской шляпы. Огромные, точно фасетчатые глаза диковинного насекомого, тёмно-сиреневые очки закрывают чуть не весь верх лица... Нет, что-то знакомое в ней всё же есть. Голос. Андрею сразу показалось, он узнал его... Только кроме голоса, вот хоть убей, не вспоминалось ничего. Ни имени, ни фамилии... Где, когда встречал он её раньше? Точно не в школе... У кого-то из друзей, на дне рожденья? Должно быть, она из другого города и приезжала к кому-то в гости...

Но тут незнакомка сняла очки, и Андрей наконец понял, кто это. В джинсах и клетчатой рубашке с закатанными до середины локтя рукавами она выглядела совсем не так, как в классе.

— Катерина Максимовна?! — он был поражён неожиданной встречей ничуть не меньше её.

— Кузнецов, ты откуда здесь? Ты когда приехал?

— Вместе со всеми, на автобусе.

— А почему я тебя во дворе не видела?

— Ну... — замялся он, не представляя, что сказать.

— Понятно. Всё пропустил и не знаешь теперь, что делать дальше — так?

Андрей промолчал и только слегка пожал плечами. События разворачивались всё хуже и хуже: дурака он, выходит, на этот раз свалял уже не перед абы кем, а перед своей же собственной училкой по русскому.

— Ну ладно, — продолжила, не дождавшись ответа, Екатерина Максимовна, — давай сделаем так. Ты стой здесь, никуда не уходи, карауль мои вещи. А то у нас совсем мало времени. Давай сюда путёвку и паспорт тоже. Я скажу, что ты — мой ученик, и постараюсь, чтобы комнаты нам дали в одном блоке — тогда и столик в столовой у нас с тобой общий будет. Короче, жди, никуда не уходи, я сейчас.

Хмуро порывшись по карманам, Андрей отдал учительнице документы, с которыми та тут же упорхнула в сторону помещения администрации. Откуда вернулась через несколько минут, радостно щебеча, что всё в порядке, ни о чём даже просить не пришлось. Она была последней и комнаты им достались последние, 8-А и 8-Б, прямо у выхода на галерею. Никто их не хотел, потому что крайние, все топают мимо. Но зато столик у них — самый лучший, возле окна в парк, с видом на фонтан.

Андрея, впрочем, подобная диспозиция устраивала вполне: меньше шансов пересекаться с соседями в коридоре. Знакомиться он тут ни с кем не собирался, делать ему больше нечего. Ну а если совсем честно, просто не чувствовал себя достаточно уверенно во взрослой компании...

— Моя комната которая? — деловито поинтересовался он, подавив желание сказать «спасибо». Пусть видит, что ничего такого она для него не сделала. Он же её котомки стерёг? Стерёг. Ну вот, типа, разделение труда.

— Какая хочешь. Мне только надо будет сказать потом, как мы их поделили — для временной прописки или что-то в этом роде.

— Тогда я беру крайнюю. Вам помочь? — он взялся за одну из её сумок.

— Да, пожалуйста. Одна б я с ними, наверно, просто легла и умерла на этой лестнице.

Сумка действительно оказалась на редкость тяжёлой. Кирпичей она туда нагрузила, что ли?

— Вот что, — предложил он, взвесив в руке и вторую, — давайте, вы лучше возьмёте мой чемодан: он и легче, и нести его удобней. И идите с ключами вперёд. А я — за вами следом.

— Хорошо, как скажешь. Слава богу, не перевелись ещё джентльмены на свете.

Пройдя за Екатериной Максимовной по галерее и лишь чудом не своротив по пути ни одного из расставленных здесь по

всем углам фикусов, Андрей занёс в номер её вещи.

— Ой, спасибо, Кузнецов. Не представляю, что б я тут без тебя делала... Да, и без десяти спускайся в столовую — будут чаем поить. Наш столик — от входа справа, там будет карточка с номером. Не опаздывай.

— Постараюсь, — он поднял с пола свой чемодан. — Вы мне ещё ключ не отдали.

— Ах, да. Вот, держи.

Его собственная комната оказалось зеркальным отражением только что увиденной. Небольшой письменный стол у окна, шифоньер, широкая кровать в алькове. Перед необъятным, украшенным множеством обойных гвоздиков кожаным креслом низкий овальный столик с вычурным графином для воды. И рядом — такой же стародавний торшер под малиновым абажуром с помпонами... Одно неудобство: дверь в соседнюю комнату — почему они, надо понимать, и «блок». Если закурить, в щель мгновенно натянет...

Очень аккуратно — процесс этот всё ещё был для него чем-то вроде магического ритуала — Андрей распечатал купленные на станции «Столичные» и вышел на протянувшийся вдоль всего здания балкон. Курить вот так, чуть не под дверью училкиного номера, было, конечно, стрёмно. Но идти куда-то, место искать... Да чего там, ясно же, распаковывает сейчас эти свои тяжеленные сумки, выбирает, что б надеть. Вот есть у женщин такая странная манера, переодеваться по сто раз на дню. Он чиркнул спичкой и сделал первую затяжку. С позавчера не курил...

— Кузнецов, что это? Тебе не стыдно? — возмущённый голос за спиной заставил Андрея похолодеть. — Твои родители знают?

Резко обернувшись, он непроизвольно выдохнул облако дыма прямо в лицо Екатерине Максимовне, перепугался от этого ещё больше и от ощущения полной безысходности

окрысился на неё:

— Сейчас узнают — да?! Ну чего вы ко мне привязались? Мало вам, что весь год своими уроками жизнь портили, так ещё и здесь достали!

Со злостью отшвырнув сигарету, Андрей скрылся в комнате, громко хлопнув за собой дверью. Нет, это сто процентов был не его день! Последние школьные каникулы стремительно превращались в какой-то кошмар... И главное, сам же во всём виноват. Ну что стоило в парк спуститься, за деревья зайти... А уж хамить застукавшей тебя училке...

Ладно, сделанного не вернёшь. Надо сейчас подойти к ней и извиниться. Смять, выбросить у неё на глазах всю пачку и дать слово... Будто она такая дура и не понимает, что всё это — лишь бы предкам не стукнула. Он вспомнил висящий в вестибюле междугородний телефон-автомат. Может, вот прямо в этот самый момент им и звонит... Но, как ни странно, мысль эта сразу же успокоила его. Ну и хорошо, и пусть звонит. Заслужил. За свои поступки надо отвечать. Андрей снова увидел её ошеломлённое, испуганное лицо. Как она отшатнулась от дыма... Не ответила ничего на его злобную тираду, только в полной растерянности продолжала смотреть ему в глаза, словно не веря в случившееся...

Как вообще мог он ей такое сказать — будь оно даже сто раз правдой. При том, что ведь наоборот, в кои-то веки литру сачковать перестал... Конечно, надо извиниться. Ему почти захотелось, чтобы Екатерина Максимовна позвонила родителям — пусть не думает, что он тут какой-то выгоды ищет... Андрей бросил взгляд на наручные часы. Без восьми — она должна уже быть в столовой. Он вышел из комнаты и быстро сбежал с лестницы.

Дверь в дальнем конце гостиной была открыта, в проёме виднелись маленькие, как в уличном кафе, столики... Справа у окна — вот он, на сложенном уголком кусочке ватмана синим

фломастером жирно выведена цифра «8». Всё уже накрыто, чай, булочки… Но за столом никого нет. С отрешённым видом он сел на стул и бессмысленно уставился в стену. Почему она не пришла? И что ему теперь делать, ждать её? Или бежать обратно наверх? Может, она сидит там сейчас у себя, плачет… Видеть его не хочет…

Неожиданная развязка

Что произошло? Как, почему? Ведь ещё минуту назад всё было так замечательно… Катя бессильно опустилась в кресло… Ну с чего она набросилась на Кузнецова? Будто из её собственных одноклассников никто в школе не курил. Вполне могла бы и «не заметить»… Неужели всего за год она успела уже превратиться в одну из тех старых, занудных грымз, каких сама всегда терпеть не могла? Вот ведь дура! Себе же всё и испортила. И совершенно непонятно, как быть дальше… Может, плюнуть на этот чай, переждать, пока страсти улягутся… А там сделать вид, что и не произошло ничего. Да, наверно, так будет проще всего… Проще, ага. А Кузнецов уверен сейчас, что она на него родителям настучит.

От этой мысли Кате стало совсем тошно. Вот кому она всё испортила. Что он сейчас чувствовать должен… Даже представлять неохота. И прав ведь совершенно: ну чего она, действительно, к нему привязалась? Ах-ах-ах, маленький мальчик совсем запутался, потерялся, чуть не расплакался — а она, добрая самаритянка, кинулась бескорыстно на помощь. Помогла, ничего не скажешь. Лучше б уж и правда от путёвки этой чёртовой отказалась…

Маленькие золотые часики на запястье показывали, что опаздывает она уже минут на семь-восемь. Катя заперла за собой дверь и начала медленно спускаться по лестнице. Что она ему скажет?.. В голову не шло ничего путного. Или предоставить инициативу самому Кузнецову? Так он извиняться начнёт — и от этого злиться на неё ещё больше... Или не начнёт, из гордости или упрямства. И тогда оба будут молчать за столом как два партизана на допросе. Вполне могут до конца сезона из этой игры в молчанку не выйти...

Опаздывала сегодня не она одна, многие столики до сих пор пустовали. Но Кузнецов был тут, сидел, понуро уткнувшись взглядом в свой наполовину пустой стакан. В каком-то оцепенении Катя застыла в дверях, глядя на него... И внезапно поняла, что сделает.

Она неслышно подошла к столу, но вместо того, чтобы сесть, лишь дотронулась кончиками пальцев до спинки своего стула.

— Кузнецов...

Он вздрогнул от неожиданности и поднял на неё взгляд. Как кролик на удава, подумалось ей.

— Да?..

Нет, с самого начала она взяла не тот тон. Бесстрастный тон учительницы, прекрасно сознающей свою власть над учеником. Быстро же укореняются привычки...

— Андрей, — назвала она его по имени, смягчив голос, — я признаю, что была неправа. Пожалуйста, извини меня. Я сама не так давно школу окончила и отлично тебя понимаю. И обещаю никогда больше не учить тебя жить.

В любой другой ситуации Катя расхохоталась бы, глядя на произведённое впечатление. Кузнецов замер с открытым ртом, словно второе пришествие узрел.

— Ещё я надеюсь, — продолжила она, — что мы с тобой попрежнему останемся друзьями. Если ты не против. Но если

хочешь, я попытаюсь поменяться с кем-нибудь местами — чтоб не мозолить тебе больше глаза... Не знаю только, насколько у меня это получится... — она виновато улыбнулась.

Кузнецов наконец пришёл немного в себя и растерянно пробормотал:

— Да нет, что вы, не надо. Зачем меняться... Я тоже хотел попросить у вас прощения, я вовсе не имел в виду... Я... Вы не обижайтесь, пожалуйста... И что вы стоите, — засуетился он вдруг, вскочив со стула, — садитесь скорей. Ваш чай остыл уже совсем...

— Значит, мир? — облегчённо вздохнула Катя, усаживаясь за стол.

— Мир, — неуверенно улыбнулся он ей в ответ.

— Ну, давай тогда чай пить. Что это? — указала она на стоящую перед ней розетку.

— Джем. По-моему, из инжира, я его в Крыму один раз пробовал.

— Правда? А мне вот как-то не доводилось пока. Вкусно?

— Ничё так, есть можно. Хотя я б лично малиновое варенье предпочёл.

Катя разрезала свою булочку, намазала обе половинки маслом и джемом.

— Андрей, я тебя вот ещё что хотела спросить... Ты не подумай только, пожалуйста, что я тебя критикую, но есть у тебя с собой что-нибудь поприличнее этих джинсов и футболки?

— В каком смысле, поприличнее? Клеша есть. И рубашек несколько.

— Хорошо. А на ноги что-нибудь?

— Полуботинки... Мать сунула, хоть я и упирался.

— Это она у тебя молодец. Ну, значит, всё в порядке.

— Что в порядке? Вы это о чём вообще?

— Дело в том, что сегодня после ужина у нас танцы.

— Танцы? — Кузнецов был явно озадачен. — Какие танцы?

А идти на них обязательно?

Этот вариант Катя как-то совершенно упустила из виду и даже немного растерялась.

— Нет... Конечно, не обязательно... — её растерянность перешла в расстройство: остаться за столиком одной — вот уж точно лучший способ привлечь какого-нибудь ну прямо самого неприятного типа. От которого потом до конца вечера не отделаешься.

— А вы хотели, чтоб я пошёл?

— Ну... Мы же с тобой сидим вместе, — неуверенно ответила она. — Выходит, ты вроде как мой кавалер... И ужин будет праздничный, с шампанским.

— С шампанским? И вы... ничего?

— Ну я же сказала тебе уже, что была неправа. Ты хочешь, чтобы я это сейчас постоянно повторяла?

— Нет, нет, что вы, нет, конечно. Извините. Да и родители мне шампанское разрешают иногда — как шестнадцать исполнилось. Немного, правда.

— А много нам никто и не даст, не рассчитывай. Но зато очень хорошее, лучшее в Союзе. Так что ты решил?

— Насчёт танцев? Да пойду, конечно — раз в путёвку входит. А то пропадает, получается.

— Ну вот и хорошо. Договорились, значит.

Катя не могла понять, то ли он и правда передумал, то ли заметил, что она расстроилась — и потому передумал... Ей показалось вдруг, что она беззастенчиво манипулирует им, играет на его чувствах ради собственной выгоды... Но для того ведь, наверно, родители и отправили его сюда, чтоб привыкал к взрослой жизни. Так вот пусть и привыкает...

Они вышли из-за стола и поднялись наверх.

— Кстати, из того, что наденешь сегодня, погладить тебе ничего не надо? — спросила она, поравнявшись с его дверью.

Судя по выражению его лица, вопрос озадачил Кузнецова

едва ли не больше, чем известие о танцах.

— Погладить? Зачем?

— Чтобы глаженое было — зачем же ещё?

— Да оно, по-моему, всё и так было глаженое.

— Вот именно. Ключевое слово: «было». До чемодана. И мне же не трудно, себе тоже гладить буду. Утюжок походный специально с собой захватила.

— Не, ну тогда ясно, что у вас там за тяжесть была, — повеселевший после примирения Кузнецов, похоже, не прочь был немного попикироваться. — А швейную машинку вы, случайно, не захватили — ну, если вдруг порвётся что, или пуговицу пришить?

— Случайно, не захватила, — в тон ему ответила Катя. — Гантели думала взять и гирю пудовую — тебя вот только пожалела. Но иголку с ниткой взяла, так что футболку твою зашить могу. Если хорошо попросишь. Короче, доставай свои брюки и какую ты там рубашку на сегодня присмотрел — и тащи ко мне. И не копайся слишком: лучше всё заранее приготовить, чем спешить потом и опаздывать.

Скользнув взглядом по валяющемуся на кровати нераскрытому чемодану, Андрей решил, что до ужина ещё — уйма времени, и опять вышел на балкон. Хотелось осмотреться, подумать спокойно, разложить по полочкам мельтешащие в голове мысли. Всё произошедшее основательно выбило его из колеи... Под окном, откатившись к самой стене, всё ещё валялся его потухший окурок. Андрей осторожно, двумя пальцами поднял его — выбросить в стоящую возле двери на галерею урну — и вдруг сообразил: ведь сейчас он может курить здесь совершенно открыто, ни от кого больше не таясь. Сходив в комнату за сигаретами, он уже открыл пачку — но неожиданно для

самого себя почувствовал, что курить совершенно не хочется. Даже воспоминания о вкусе дыма вызвали скорее неприятные ощущения. Так что же, выходит, курил он только потому, что это было запрещено? Да, но ведь и сейчас оно ему разрешено ничуть не больше, чем когда он сигареты покупал. Вот не случись здесь Катерины Максимовны вообще...

— Извините, молодой человек, я понимаю, обычно это наоборот бывает, — отвлёк его от размышлений немного смущённый голос, — но не могли бы вы одолжить мне сигарету? Так вышло, остался совсем без курева, а купить поблизости негде.

Рядом с Андреем стоял незнакомый мужчина, лет, может, на десять старше его, но уже с небольшими залысинами на лбу. Видя, должно быть, что слова его не вывели собеседника до конца из задумчивости, он пояснил:

— Я — ваш сосед через комнату...

Тут до Андрея наконец дошло, о чём его просят. В руке он всё ещё держал открытую пачку с выбитой ровно на треть сигаретой — трюк этот, наравне с умением зажечь спичку одной рукой, считался у них в компании высшим шиком.

— Да-да, конечно, — поспешил он удовлетворить просьбу. — Берите, не стесняйтесь.

Мужчина вытащил предложенную сигарету.

— Очень вам признателен. Не возражаете, если я закурю тут рядом с вами?

— Пожалуйста, ничего не имею против, — Андрей достал из кармана спички и дал ему прикурить.

Неизвестный с видимым удовольствием затянулся, выпустил длинную струю дыма и протянул руку:

— Ну, давайте знакомиться. Сергей Анатольевич.

Андрей ответил на рукопожатие и тоже представился.

— Андрей... — словно раздумывая о чём-то, повторил за ним сосед. — Что ж, раз так, можете и вы меня называть просто

Сергеем... Что о сегодняшних полуфиналах думаете, за кого болеете?

Первой мыслью было ответить, за «Арарат»... Ну а если он и дальше пойдёт расспрашивать? Попасть сегодня впросак *ещё раз* — это было бы уже слишком. Лучше даже не пытаться врать...

— Ни за кого, не болельщик я. А вы?

— Да я, в общем, тоже не очень слежу... Ну а занимаетесь чем, учитесь где-нибудь?

— В десятый класс перешёл.

— Понятно... А что на будущий год, поступать куда-то думаете?

— Да, конечно. В МГУ, на мехмат. Или на ВМК, не решил ещё точно. А если не пройду, то в Киевский.

— Очень интересно, — тут же оживился Сергей. — Вы знаете, я сам с мехмата, три года, как окончил. К нам на предприятие много оттуда приходит — так что, не исключено, встретимся ещё.

— А что за предприятие, — поинтересовался Андрей, — чем занимается?

— Да как вам сказать... Вряд ли его название вам что-нибудь объяснит. Знаете, что? Давайте отложим пока этот разговор. Вот окончите, распределитесь к нам — сами всё увидите. Могу лишь обещать, что не пожалеете.

— Но где это хоть, в каком городе?

— Боюсь, Андрей, и город наш вам на карте не найти, — ещё более туманно ответил Сергей. — Можно, лучше я вас спрошу? Я вас сегодня в столовой видел. Соседка ваша по столу, она ведь вам родственница — я угадал? Старшая сестра или кузина, может быть?

— Не угадали, — отрицательно помотал головой Андрей. — Учительница. Случайно здесь встретились.

— Ах, вот оно, оказывается, как... — Сергей как-то странно

посмотрел на него.

Но это внезапное напоминание вернуло мысли Андрея в прежнее русло. Он опять достал из кармана пачку «Столичных» и протянул её соседу.

— Сергей, вы же всё равно сегодня нигде уже сигарет не купите. Так забирайте все.

— Спасибо, — удивлённо поблагодарил тот, — но как же вы сами? Или у вас с собой запас?

— Нет. Но мне больше не надо: я бросил.

— Бросили? — переспросил он с изумлённым смешком. — И давно?

— Только что.

— Хм. Да вы, Андрей, я погляжу, время зря не теряете.

— В каком смысле?

— Ну-у... — Сергей, казалось, вдруг засмущался чего-то. — В ваши годы успели уже и начать, и бросить. Подождите минутку, я сейчас за деньгами сбегаю.

— Не надо, — остановил его Андрей. И пояснил: — Если вы мне сейчас заплатите, я могу не выдержать и опять купить. А если отдам просто так, то покупая, буду чувствовать себя полным идиотом.

— Слова не мальчика, но мужа, — одобрительно констатировал Сергей, пряча сигареты в задний карман. — Рассуждение, достойное будущего мехматянина. Ну, ещё раз спасибо, будем считать, за мной должок. Сочтёмся как-нибудь... И вот ещё что, — вдруг засобирался он, — передавайте привет вашей учительнице, и желаю вам обоим всяческих благ. Очень приятно было познакомиться. Я бы с удовольствием побеседовал с вами подольше, но — хорошо, что вспомнил — обещал, как обустроюсь, сразу домой позвонить. Жене. Ну, вы понимаете.

Катя дёрнула молнию первой сумки — когда глаз уловил какое-то движение за окном. Она повернула голову, но тот, кто там был, уже прошёл мимо. Общий балкон. Идея хорошая, но не без своих недостатков… Щёлкнув выключателем, она подошла задёрнуть шторы. Вот он, нарушитель её спокойствия. Какой-то тощий долговязый парень стоял у перил, спиной к ней, в компании Кузнецова. Шторы звякнули кольцами по тяжёлому бронзовому карнизу. Это так он чемодан разбирает. Хотя, с другой стороны, и правильно: пусть осваивается поскорее…

Она открыла до конца сумку и вытащила аккуратно сложенные сверху халат и тапочки… Андрей Кузнецов… Этот неугомонный, вечно попадающий в какие-то истории мальчик запомнился ей с первого дня. Что-то сразу выделяло его из разношёрстной массы сверстников. Взгляд, может быть. Слегка ироничный, независимый, немного даже с вызовом взгляд тёмно-карих глаз из-под длиннющих — любая девочка позавидует — пушистых ресниц…

Вот только по предмету её он, мягко говоря, не блистал. Нет, с грамотностью у него всё было в порядке — хоть и писал, что говорится, как курица лапой. В сочинениях — ни ошибочки, все запятые на месте. Но при этом четвёрку, даже с минусом, ставить совершенно не за что… Как в любом другом классе, в его девятом «В» у Кати было всякой твари по паре. Отличники, хорошисты, троечники просто и «три пишем, два в уме». Кузнецов же решительно не вписывался ни в одну из этих привычных категорий. Разгильдяй и прогульщик, чей портрет с седьмого класса не сходил со школьной Доски почёта, он был единственным в своём роде. Елена с Фантомасом ну просто нахвалиться на него не могли, перечисляя многочисленные победы на математических и физических олимпиадах. Но зато уж если его что не интересовало… А литература не интересовала его вообще.

Иногда Кате казалось, Кузнецов просто из принципа не

читает ничего, что она задаёт. Но из отрывочных ответов одноклассников, из её собственных объяснений в классе — или даже просто из одного лишь здравого смысла — почти всегда умудряется наскрести чего-нибудь на не слишком твёрдую тройку. И положение это его, похоже, полностью устраивало, ни на что большее он и не думал претендовать. В одном из разговоров с Кикиморой та попросила её — без большой, впрочем, надежды в голосе — попытаться как-то повлиять на него, сдвинуть камень с мёртвой точки. Только что она может сделать — там, где до неё у Таньки уже ничего не вышло. Какой из неё, к чертям собачьим, педагог... От всех профильных спецкурсов отказалась, как работать будет, совершенно не думала. А сейчас вот это кому-то боком выходит...

Вещей у Андрея было немного, и вскоре всё уже висело по плечикам, лежало по полкам и ящикам. Осталось лишь решить, что на танцы эти дурацкие надеть... Ну, брюки-ботинки — понятно. Но вот какая к ним рубашка пойдёт... То есть мнение своё у него, безусловно, было — только опыт показывал, что оно всегда почему-то оказывалось неправильным. А сегодня главное, чтоб Катерина Максимовна осталась довольна. Ну вот пусть сама и выбирает. Он постучался в разделяющую номера дверь.

— Катерина Максимовна...

— Да?

— Не знаете, эта дверь открывается?

— Должна... Заведующая что-то говорила...

Услышав щелчок задвижки, Андрей взялся за ручку.

— Всё равно не идёт... — озадаченно сообщил он.

Замок щёлкнул туда-сюда ещё раз, дверь подёргалась.

— По-моему, у меня всё в порядке... Погоди, а ты со своей-

то стороны отпереть не забыл?

— А надо было?

— А сам как думаешь?

Сочтя за благо дальше тему не развивать, он повернул расположенную чуть выше шишечку и толкнул открывшуюся наконец дверь…

От представшего перед ним зрелища Андрей буквально остолбенел. Комната Екатерины Максимовны выглядела как после налёта полиции в буржуйском фильме. Обе уже наполовину выпотрошенные сумки всё ещё стояли по центру, а извлечённое из них содержимое заполнило, казалось, все имеющиеся в номере горизонтальные поверхности. И на фоне всего этого раздрая стояла сама хозяйка, в ярком цветастом халатике под кимоно и пушистых домашних тапочках на небольшом каблучке.

— И мне ещё говорят, это у меня в комнате бардак… — задумчиво, отведя глаза в сторону, как будто рассуждая про себя, съехидничал Андрей.

— Так правильно говорят, — насмешливо отмела его наезд Екатерина Максимовна. — У меня-то скоро порядок будет, а у тебя, поди, бардак никогда не прекращается. Ну что, всё приготовил? Давай сюда.

— Я всё распаковал, — дипломатично ответил он, — но не могу решить, какую рубашку надеть. Может, поможете выбрать?

— Ладно, покажи, что у тебя есть. Брюки — эти? Туфли тоже покажи.

Бросив скептический взгляд на небогатый выбор рубашек, она остановилась на голубом отстроченном батнике с перламутровыми кнопками.

— Вот эта, пожалуй… — Екатерина Максимовна перекинула вещи через сгиб локтя. — Всё, больше мне не мешай. Видишь, у меня и без тебя дел невпроворот.

— Вижу, — с детской невинностью в голосе согласился Андрей.

Ответом на что был взгляд, выражающий всю степень неуместности подобного комментария.

Очистив стол и расстелив на нём сложенное в несколько слоёв покрывало, Катя выудила с самого дна одной из сумок маленький складной утюжок. Очень скоро всё, требующее глажки, уже аккуратно висело на плечиках в платяном шкафу. Она подумала было занести Кузнецову его вещи, но решила, что он, наверно, в душе сейчас, и решила тоже искупаться сначала. А прибраться можно будет и потом — если вообще до ужина время найдётся...

Пансионат «Алые паруса» имел, со слов заведующей, славную — и даже героическую — историю. Первые годы отдыхали здесь, в основном, передовики производства — да ещё наезжал временами кто-нибудь из краевого начальства. А как пришла война, в нём разместили фронтовой госпиталь. Затем полуразрушенное здание с год простояло заброшенным, пока кто-то где-то не вспомнил о нём. Одно крыло снесли, другое подремонтировали — и пансионат зажил новой, пусть и более скромной жизнью. Сохранив, однако, какие-никакие остатки прежней фешенебельности: просторные комнаты с «удобствами» в каждом номере и отдельный, закрытый для посторонней публики пляж...

Облачившись опять в халат и намотав на голову полотенце, Катя постучалась к Кузнецову.

— Открыто, — раздалось из-за двери.

— Ваш фрак готов, сэр, — шутливо доложила она, зайдя к нему с парой плечиков. — Я в шкаф повешу?

— Да, конечно, спасибо большое.

— А почему у тебя голова сухая? Ты, что, в душе не был ещё?

— В душе? — на лице Кузнецова отразилось тревожное непонимание.

— Ну, обычно люди после поездки душ принимают. Хотя дело твоё, конечно...

— Да нет, нет, я схожу, обязательно, — забавно было смотреть, с какой поспешностью пытается он исправить промах. — Просто не успел ещё.

— Ну так давай, не тяни. А я пошла. Мне ещё надо волосы завить, причёску сделать, ногти накрасить, одеться, самой накраситься... Ну и прибираться закончить тоже — чтобы некоторые не злобствовали тут, — она показала ему язык. — Да, кстати, у меня фен есть, тебе не надо? Могу одолжить, как себе высушу.

— Фен? Зачем? У меня и так всё за полчаса сохнет.

— Хорошо тебе.

— Как будто постричься кто-то мешает...

— Не дерзи! — Катя шутливо погрозила ему пальцем.

— На вас не угодишь, — Кузнецов скорчил в ответ недовольную гримасу.

— Привилегия пола. Привыкай, большой уже мальчик.

Светские разговоры

Без минуты семь раздался стук в дверь.

— Кузнецов, ну что, готов уже?

— Входите, — Андрей поспешно захлопнул книжку и положил её на журнальный столик. — Давно уже. Сижу, вас жду.

— Ну как? — Екатерина Максимовна вышла на середину комнаты и стремительно крутанулась на каблуках.

На ней была розовая, с кучей рюшечек блузка и переливающаяся зелёно-голубыми блёстками юбка до колен.

— Класс! А жемчуг это у вас настоящий?

— Речной. Бусы — бабушкины ещё, а серьги сама тем летом купила. Подходят, как считаешь?

— По-моему, да.

— Вот и мне так показалось. Пошли? — она прикрыла дверь в свою комнату и направилась к выходу. — Нет, подожди. Подойди сюда, встань рядом.

Он остановился возле неё, и Екатерина Максимовна критически оглядела их отражение в высоком, в полный рост зеркале.

— А знаешь, мы с тобой так очень даже ничего смотримся,

— заключила она. — Вот теперь пошли.

Андрей пропустил её вперёд и запер за собой дверь.

— А предложить даме руку?

Он вопросительно взглянул на неё.

— Кошмар! И чему их только сейчас в школе учат, — Екатерина Максимовна картинно закатила глаза и схватила его под руку, увлекая к лестнице. — Ох, опаздываем, давай, скорей. Надо было тебе, как сам готов был, меня поторопить.

— Мне — *вас*?

— Ну да, а что такого? — беззаботно ответила она, на удивление ловко цокая по мрамору босоножками на высоченной платформе.

Когда они вошли, все уже сидели за столами, две официантки заканчивали обносить публику шампанским. Выйдя на середину прохода, заведующая подняла свой бокал и произнесла длинный витиеватый тост, сводившийся в конечном итоге к «за знакомство». После чего столовая наполнилась невнятными отголосками разговоров и негромким стеклянным звяканьем. Андрей тоже чокнулся с Екатериной Максимовной и залпом выпил содержимое своего бокала. Пробовал он этот напиток в общей сложности третий раз в жизни, и опять он показался ему ужасной кислятиной. Зато учительница, похоже, была в полном восторге. Она отпила лишь маленький глоточек и блаженно прикрыла на секунду глаза ресницами. А открыв их опять, удивлённо взглянула на скривившегося Андрея.

— Тебе, что, шампанское не понравилось?

— Да кислое оно какое-то. Кислее даже, вроде, чем я раньше пил.

— Это потому, что раньше тебя, наверное, полусухим поили. Или даже полусладким. А это — брют.

— А что такое брют?

— Это значит, что сахара совсем почти нет.

— Оно и заметно...

— Так мне бы отдал, если не нравится.

— Так попросить надо было.

— И ты б опять решил, что это я тебя таким образом ущемить пытаюсь?

— Ну...

— Ладно, давай начинать, — Екатерина Максимовна взяла в руки нож и вилку. — Ты-то бездельничал, а я работала. И сейчас голодная как волчица.

На ужин был бифштекс с яйцом и жареной картошкой. Андрей вспомнил, каких нервов стоило родителям заставить его научиться есть с ножом — «как положено культурному, воспитанному человеку». А так бы опять сел в лужу. Может, его сегодняшнее невезение наконец-то закончилось?

Некоторое время они сосредоточенно жевали, пока молчание не было нарушено довольно-таки неожиданным вопросом:

— Андрей, мы ведь помирились с тобой?

— Да, — он удивлённо посмотрел на учительницу. — А что случилось?

— Ничего. Просто мне хотелось бы поговорить с тобой. Спокойно, без обид обсудить наши с тобой разногласия. Вот ты говоришь, только в пику мне, сгоряча сказал, что я тебе жизнь порчу. Но ведь учишься ты всё равно из рук вон плохо — при том, что умный же парень, не двоечник какой. Ну так и помоги мне понять, что я делаю не так, что не могу тебя заинтересовать?

В который раз за этот вечер она своими словами поставила Андрея в тупик. Никогда раньше он не рассматривал учителей под *таким* углом.

— Да всё так, по-моему... — не очень уверенно ответил он после небольшого раздумья. — И вы-то уж точно в сто раз лучше всех других. Просто не нравится мне ваш предмет — и всё тут... Извините, сами ж спросили...

— Но ведь это как раз и есть моя задача: привить тебе

интерес к литературе, — возразила Екатерина Максимовна. — Чтоб ты полюбил читать.

— Так я и люблю — просто не то, что вы задаёте.

— Ну а что ты любишь? Вот сегодня, пока меня ждал, ты читал что-то.

Андрей замялся:

— Да это так, не важно. А вообще я больше на фантастику налегаю — но вы ж её, наверно, вообще за литературу не держите. Глупость, типа, пустая трата времени.

— С чего ты взял? Вовсе я так не считаю. Я вот даже прямо сейчас... Хотя нет, это не фантастика, конечно, но автор тот и фантастику тоже пишет.

— А кто? Что за книга?

— Абэ Кобо. Там про одного человека, который решил жить в большой картонной коробке, не вылезая из неё никогда. Так и таскал её повсюду на себе, как улитка ракушку.

— Странная книжка... А называется как?

Екатерина Максимовна на секунду задумалась.

— «Человек-коробка».

— Не попадалось. Я у Абэ Кобо только «Четвёртый ледниковый период» читал.

— Ну и как тебе?

— Понравилось.

— Мне тоже.

— А вы тоже читали?

— В школе ещё — у меня мама как раз тогда на БСФ подписалась. Второй том, кажется.

— Здорово. Мне б так...

— Можешь, как вернёмся, у меня брать — не теряй только.

— Спасибо. Вот если бы вы нам *это* на уроках давали...

— Ну, что поделаешь, не я же программу составляю... Хотя, постой! — загорелась она вдруг. — А может, попытаться договориться с Кимой Родионовной и организовать факультатив по

научной фантастике? Или даже ещё лучше, клуб — собираться раз в неделю после уроков, обсуждать, у кого какие мысли возникли... Если, конечно, желающие найдутся... Вот ты, например, записался бы?

— Про книжки трепаться? Так мы с пацанами и так... Нет, я не отказываюсь, конечно. Ясно, записался бы. И ещё человек четыре-пять сагитировал, железно.

— Ну ладно, это всё у нас мечты прекраснодушные, — вернулась она к прежней теме. — А вот как нам, всё же, с программой-то быть? Я понимаю, Тургенев — не Гарри Гаррисон. Но ведь и совсем плохих произведений в ней тоже нет.

В ответ Андрей лишь молча взглянул на неё, скривив иронично губы.

— Хорошо, уговорил, — уступила собеседница, — почти нет. Но большая-то часть — вполне ведь ничего так.

— Ну, в принципе, да... — нехотя согласился он. — Вы знаете, на самом деле, я много чего из программы даже сам потом читал.

— Правда? А что именно?

— Да всё почти... Тургенева, вот, кстати. «Отцы и дети»... Грибоедова тоже... Лермонтова...

— Так а что ж тогда вовремя не читал?

Андрей опять задумался. А действительно, почему?

— Ну как... — неуверенно протянул он, — от нас ведь даже и не хотели особо, чтоб мы все эти книжки прочитали. Только положенные отрывки из хрестоматии — и как их надо понимать. А я читаю медленно и всё равно в срок не успевал, даже пока пытался. Ну и чего тогда вообще стараться?

— Андрей, — обескуражено отозвалась Екатерина Максимовна, — но ведь я всё совсем не так делала. Сразу на весь год список вывесила, что когда проходить будем. И всегда, прежде чем из учебника задавать и объяснять, открытую дискуссию устраивала. Специально, чтоб... — она не договорила и с

расстроенным видом отвернулась к окну в парк.

— Ну да, всё так... — Андрей почувствовал себя полной скотиной. Она же и правда — классная училка, даром что по русскому. А сейчас будто оправдывается перед ним за то, что он — лодырь... — Наверно, я просто привык уже... Но вот честно скажите, вот, допустим, прочёл бы я всю книгу в срок и как есть написал в сочинении, что я о ней *на самом деле* думаю. Так вы б мне за это сто процентов банан вкатили — нет, что ли? В конце-то концов вы ж всё равно от нас учебник своими словами пересказать требуете...

Екатерина Максимовна не сразу нашлась, что ответить и на какое-то время за столом опять воцарилось молчание. Наконец, она проговорила погрустневшим голосом:

— Мне кажется, ты пытаешься сказать, что я вас лицемерить учу... Ну да, ты прав, так оно, наверно, и есть... Но если ты думаешь, мне это удовольствие доставляет... А сам бы ты на моём месте, интересно, что делал? И взгляни на это с другой стороны: ну не научу я тебя, что в сочинениях писать надо — а в результате пролетишь ты мимо института белым лебедем. Считаешь, лучше будет?

Довод показался Андрею настолько очевидным, что даже непонятно, как он ему самому ни разу в голову не приходил.

— Нет, конечно, кто ж спорит... — он тоже помрачнел. — Выходит, я сам — осёл...

— Прости, я не хотела тебя обидеть...

— Да чего там, какие обиды. Всё ж правильно...

Оба снова уткнулись в свои тарелки...

— И это же нетрудно совсем — для тебя, по крайней мере, — возобновила разговор Екатерина Максимовна. — Вот ты сказал, вы с мальчиками книги обсуждаете. Ведь не всегда же вы друг с другом согласны?

— Не то слово...

— И если бы я тебя попросила точку зрения, ну, к примеру,

Чижова изложить?

Но вместо ответа Андрей неожиданно сам задал вопрос:

— Катерина Максимовна, а вы Сэлинджера читали?

— «Над пропастью во ржи»? Конечно. А к чему ты это?

— Я что думал в последнее время... Вот у них всё по-другому, ясно, чем у нас. Но как я смотрю... У нас ведь, если разобраться, тоже ничуть не лучше. Ну да, понятно, вызубрить и оттарабанить, что положено — невелика трудность. Но кому надо, что б мы ещё и вид при этом делали? А вы сейчас говорите, сами тоже не по своей воле лабуду всю эту с нас требуете...

— Ну ты, Кузнецов, и выдал, — со смешком фыркнула она. — Ты б у меня ещё спросил, зачем надо на комсомольские собрания ходить.

Опять она говорила вещи, которые ни от одной другой училки не услышишь...

— Вы знаете, вы правда какая-то совсем не такая... Не как все. Даже в классе. А сейчас и вообще...

— Ты тоже... Может, это просто потому, что оба мы сейчас не в классе?

— Может... Не знаю, вам говорили или нет... Вот у вас я ни одного урока не просачковал... ну, если перед олимпиадой не считать. А у Таньки постоянно...

— Таньки? — тут же встрепенулась Екатерина Максимовна. — Это кто ж такая эта Танька? Уж не Татьяна ли свет Ивановна?

— Извините, я случайно, — смутился Андрей.

— Да ничего-ничего, забавно даже. Но, — победоносно глянула она на него, — этот грех тебе придётся искупить. Признавайся, как вы *меня* за глаза называете.

— А вот не стану, — откинулся на спинку стула Андрей и демонстративно скрестил руки. — Это нечестное требование.

— Почему нечестное?

— Потому что за один грех вы требуете совершить другой — и точно так же, заметьте.

— А за второй я тебе уже заранее индульгенцию выписала, — рассмеялась учительница. — Так что всё честно. Признавайся как на духу. Катькой?

Андрей посмотрел на неё с деланым неодобрением и нехотя ответил:

— Ну, и так тоже... Но вообще, по-разному, кто как.

— А вот ты, например?

— А это уже следующий вопрос.

— И вовсе даже нет.

— Ну вот зачем это вам?

— Интересно, — с невозмутимым лицом пожала плечами Екатерина Максимовна.

— Я ведь могу и соврать.

— Можешь, — согласилась она. — Но тебе тогда стыдно будет.

— А откуда вы знаете, может мне как раз стыдно будет, если я *не* совру?

Екатерина Максимовна отстранилась в притворном ужасе.

— Никогда не поверю, что ты меня *настолько* плохо называешь. Даже за глаза.

— Ну ладно, вот же ж прицепились... — вздохнул Андрей. — Русалкой. Училкой по русскому, в смысле. Учительницей, хотел сказать...

Но Екатерина Максимовна этим объяснением не удовлетворилась.

— Неправда, — возразила она. — Училка по русскому будет русачка. Это все знают — я ведь тоже в школе училась. И у той же самой Таньки, между прочим.

Видя, что отступать дальше некуда, Андрей вздохнул совсем горестно и со смущённым видом начал:

— Первого сентября... нет, второго: первое — воскресенье было... И вы тогда были совсем как сейчас... — он запнулся.

— И что?

— И мне показалось, что вы очень похожи на русалку. А потом ещё выяснилось, вы у нас вместо Татьяны Ивановны будете...

Катя с интересом оглядела себя.

— Как сейчас, говоришь? Так значит, я и сейчас на неё похожа — на русалку?

— Ну да...

— Ты думаешь? Хм... Пожалуй, и правда что-то есть. Но я ведь с тех пор ни разу больше так не одевалась. Вот уж не предполагала, что кто-то запомнит.

За этот наряд она получила тогда свой первый — и последний пока — выговор. Ну, не то чтобы совсем уж выговор, но в конце дня Кикимора отозвала её в сторону и достаточно строго указала, что хотя для первого звонка и допустимы, конечно, определённые послабления, впредь ей надлежит являться на работу в чём-нибудь поскромнее...

— Почему, ни разу? На Новый год ещё.

— Новый год?

— Ну, во Дворце культуры.

— Так ты там был? А почему не подошёл?

— Ну а чего б я подходить стал? Сказать: «С Новым годом, Катерина Максимовна»?

— Хотя бы. Для начала.

— Так я и сказал... Но вы не расслышали. Ещё с кем-то разговаривали...

— Ой, извини. Но там, правда, так шумно было...

— Да нет, понятно же... И я за вас проголосовал...

— Правда?! Не врёшь? — она с улыбкой помотала чуть-чуть головой. — Так вот, оказывается, кому я спасибо сказать должна.

На вечер этот Катю — не без коварного умысла — затащила всё та же Света. Пять лет назад она, практичная деревенская девушка, познакомилась на таком же балу со своим будущим мужем — на одиннадцать лет старше её, «но зато с квартирой, машиной, дачей». И с тех пор считала это мероприятие большим подспорьем в деле обустройства личной жизни одиноких подруг. Так билет её благоверного достался Кате — но тот не очень-то расстроился, высаживая их у Дворца культуры, шепнул ей, чтоб не чувствовала себя виноватой: танцам он всегда преферанс предпочитал.

Гвоздём праздничной программы был конкурс на титул Снежной королевы — серебряная корона из папье-маше до сих пор пылилась где-то у неё на шкафу. Когда подсчитали голоса во втором туре, у Кати оказалось ровно на один больше, чем у жгуче-цыганистой соперницы...

— А почему именно за меня? — поинтересовалась она, кокетливо склонив набок голову.

— Ну а за кого? Не за ту же выдру.

— Да какая же она выдра, когда за неё, считай, столько же проголосовало?

— Так это у некоторых людей просто вкуса нет.

— А по-моему, это просто у некоторых льстецов стыда нет.

— И ничего подобного. Правду говорить легко и приятно.

От столь откровенных похвал Катя почувствовала себя немного неловко и, опустив взгляд в тарелку, поспешила перевести разговор на подвернувшуюся кстати тему:

— Так ты, выходит, и это читал?

— Не, ну тоже ж фантастика. В своём роде... А вам там кто больше всех нравится?

— Маргарита, естественно. А тебе? Нет, постой, не говори. Я сама догадаюсь.

Она задумалась... Единственное, пожалуй, что сомнений не вызывает, *покой* ему и даром не нужен...

— Бегемот?

— А как вы угадали?

— Да слишком уж вы, молодой человек, характером на него похожи...

К этому времени все уже покончили со своими бифштексами и официантки подали десерт — кофе с тортом. А ещё через минуту в дверях опять появилась заведующая, на этот раз в сопровождении какого-то молодого парня с видавшей виды «Яузой» в руках.

— Товарищи! — объявила она, пока её помощник налаживал на сервировочном столике магнитофон. — Начинаем нашу танцевальную программу. Кавалеры приглашают дам, дамы приглашают кавалеров. Никто не скучает!

Андрей подумал, что раз уж его привели сюда в качестве «кавалера», то надо бы пригласить Екатерину Максимовну. Вот только когда, прямо сейчас или лучше подождать, пока она кофе допьёт... А может, он чего-то не так понял, и она зазвала его сюда просто из вежливости — и тогда не стоит высовываться вообще?.. Но сомнения его разрешились буквально через секунду. Отпив из чашки всего пару глотков, Екатерина Максимовна вернула её на блюдце и с весёлой искоркой в глазах взглянула на Андрея.

— Не желаете ли развлечь вашу даму? А то что-то заскучала она у вас...

— Да, конечно! — поспешно вскочил он на ноги, чуть не опрокинув свой стул.

— Ну тогда помоги мне выйти из-за стола и подай руку.

Андрей слегка поклонился и произнёс фразу, которую слышал в каком-то фильме «из прежней жизни»:

— Позвольте пригласить вас на танец, мадемуазель?

Екатерина Максимовна томно улыбнулась и слегка склонила голову. Андрей отставил её стул и протянул руку, которую она взяла, едва ощутимо сжав его пальцы…

Под первые аккорды они вышли в свободный от столиков проход — и тут Андрей с ужасом сообразил, что танцевать-то он совершенно не умеет. На всех их школьных вечерах — включая недовыпускной после восьмого класса — танцев на выбор было ровно два: быстрый и медленный. Правда, на том, *взрослом* балу в ДК многие именно их и танцевали, но чего от него ждут *сейчас*? Что, если вальса какого или что там ещё бывает…

Очевидно, Екатерина Максимовна почувствовала его затруднения — потому что поспешила взять дело в свои руки. В самом буквальном смысле слова, сомкнув их вокруг его шеи.

— Ну что же ты, Кузнецов? — шёпотом подбодрила она его. — Смелее, ты же не на утреннике для младших классов.

Андрей нерешительно положил руки ей на талию и немного успокоился: в итоге это получился примерно тот же медленный танец. Если не считать, что вряд ли хоть одна из его знакомых девчонок стала бы танцевать с ним на *таком* расстоянии… Да он бы и пытаться не стал…

— Вот и хорошо. Видишь, я совсем даже не страшная. Можешь сейчас тоже шепнуть мне что-нибудь на ушко.

— Что-нибудь, что?

— Что хочешь. Что к случаю подходит.

Андрей подумал, но в голову ничего не приходило.

— Я не знаю, что подходит к случаю, — честно признался он.

— Можешь, например, похвалить, как я танцую.

— Катерина Максимовна, вы очень хорошо танцуете.

— Спасибо. Ты тоже.

— Издеваетесь?

Ему показалось, он пожалел об этом невольно вырвавшемся слове ещё до того, как успел закончить его. Вот уж точно

к случаю абсолютно не подходит…

— Вовсе нет. Ну не думаешь же ты, что этому танцу и правда учиться надо. Тут важно не как, а с кем.

— А вам правда нравится со мной танцевать?

— Ну а с чего бы я тебе врала?

— Не знаю… Чтоб сделать мне приятное, например…

— Тогда, может, и ты мне наврал — про конкурс и вообще всё?

— Нет. Зачем вы так говорите? Вы же знаете, что нет.

— А почему тогда ты мне не веришь?

— Я верю…

Вопросы без ответов

— Давай допьём сейчас кофе, пока совсем не остыл, — предложила Катя, когда они вернулись к столику, — и можешь ещё кого-нибудь пригласить.

— Опять вы смеётесь...

— Да нет же, с чего ты взял?

Кузнецов ничего не ответил и молча принялся за кофе с тортом.

— Ну извини, если тебе так показалось, — попыталась она исправить положение, — но правда, я и не думала даже над тобой смеяться.

— Вы же видите, что я не умею танцевать.

— Почему, не умеешь? Со мной же как-то сумел.

— Вы — другое дело... И потом, с чего вы взяли, что они вообще со мной танцевать захотят...

— Да чем же это я — другое? И я же ведь захотела.

— Ну вот этим и другое...

— Так может, и они хотят.

— Может, хотят... А может, не хотят — откуда мне знать...

Он опять замолчал, и Катя тоже не стала настаивать.

Действительно, чего она привязалась к нему с этими танцами? Он вообще на них идти не хотел, это она его сюда чуть не силком затащила. Себе для компании, вместо подружки…

Они продолжали молча есть торт, запивая его полуостывшим кофе.

— Катерина Максимовна, — опять заговорил Кузнецов, — можно, я лучше вас потом ещё раз приглашу?

— Можно, конечно. Что за вопрос.

Но тут он вдруг неуловимо изменился в лице и сказал уже совсем другим тоном:

— Подождите, я всё понял. Я же вам просто мешаю тут. Ну не со мной же возиться вы сюда приехали. Давайте, я просто уйду — чего я здесь забыл? Вот только торт доем. К морю схожу, как с самого начала собирался…

Здравствуйте… От неожиданности Катя чуть не поперхнулась кофе. И что ему прикажете на это сказать, «иди, конечно»? Так выглядеть будет, что она его и правда прогоняет… Но удерживать против воли — тоже ведь свинство порядочное…

— Да, и забыл же совсем, — неожиданно спохватился он. — Меня сегодня спрашивали о вас, привет просили передать.

Эта внезапная новость совсем вывела её из равновесия. Да пусть катится ко всем чертям! Чешет тут о ней языком. Ну кто его просил? Но поднявшаяся было обида тут же сменилась уколом совести. Он-то чем виноват? Да и что он сделал такого, привет согласился передать? Опять она перекладывает с больной головы на здоровую…

Должно быть, Кузнецов заметил её расстроенный взгляд, потому что спросил:

— Катерина Максимовна, я что-то не то сказал?

— Да нет, всё то… — произнесла Катя в ответ усталым голосом, — Просто вы как сговорились все. Света… Светлана Алексеевна… — машинально поправилась она. — А теперь вот и ты

ещё… Ну с чего вы все решили, что я только и мечтаю здесь роман завести? А ты так и вообще, похоже, просватал меня уже… — она вдруг опять начала распаляться. — Вот спасибо! Самой ведь мне ну точно не справиться. Так старой девой и помру — без самоотверженной помощи коллектива!

Катя резко замолчала и уставилась на свои сжатые до белизны руки. Это было совершенно непохоже на неё, сорваться вот так, на пустом месте. Спустила на человека собаку… А может, в том и дело, что сказанное прозвучало слишком уж похоже на правду — которую она всё никак не хочет признать?..

Нет, она вовсе не была такой уж нелюдимой букой — хотя застать её в библиотеке или лингафонном кабинете было действительно намного проще, чем на вечеринке в общаге. И недостатка внимания Катя не испытывала. Преодолев первоначальный барьер знакомства, она быстро превращалась в милую общительную девушку, в чьей компании приятно было провести время… Но вот дальше этого почему-то никак не шло. Ни одно из её немногочисленных институтских увлечений так и не переросло во что-то большее — и после пары-тройки культпоходов в кино или кафе отношения сами собой сходили на нет. Или превращались в чисто приятельские.

Ну а первый год в школе было и вовсе не до того. Подготовка к урокам, тетради, отчётность… Всё это навалилось на неё как снежный ком с горы. Какая уж тут личная жизнь, когда и выспаться-то нормально удаётся не каждый день. При том, что мужчина в учительской — исчезающий вид, впору в «Красную книгу» заносить. А чтоб ещё и неженатый… Вдовец-пенсионер по труду да военрук — которого половина его за пьянство из дома выгнала.

Был, правда, у неё один случай… Ближе к концу четвёртого курса, вскоре после распределения. Случай, о котором Катя предпочитала не вспоминать. Красавчик один, из параллельной группы — не сказать даже, знакомый, так, на танцах раз

или два приглашал — подошёл в коридоре, прямо в перерыве между парами, и с места в карьер: «Люблю, жить без тебя не могу. Выходи за меня замуж.» Чисто как гром с ясного неба. При всей своей доверчивости, первое, что Катя подумала, не она ему нужна, а квартира её. Ну и освобождение от деревни в придачу. Только в результате всё равно поверила — от тоски и одиночества, наверное. Очень уж подходящий момент он для уговоров выбрал...

Хотя, поверила — не значит, что вот так сразу и согласилась. Первое время она скорее сочувствовала незадачливому «кандидату в женихи». Но прошло недели три, и Катя начала уже как-то свыкаться с мыслью о замужестве. Что она, в самом деле, против него имеет? И все же говорят, главное в браке — это чтобы любили *тебя*... А вёл себя претендент на руку и сердце на редкость скромно. Не робко, нет, просто не нахально. Как, ей казалось, и должен себя вести серьёзный порядочный парень. С ответом не торопил, приставать не пытался, на частых свиданиях не настаивал. Когда же она соглашалась, всегда ждал с букетом — простеньким, из полевых цветов. Но ей они, своими руками собранные, были дороже самых расшикарных рыночных... И тянуть-то дальше некуда уже: ему ведь действительно перераспределиться надо успеть, пока ещё возможность есть.

Так в конце концов и сказала «да». Ну, почти: к родителям его на выходной согласилась съездить — после чего отказать совсем уж неудобно будет. Переволновалась из-за предстоящего визита просто дальше некуда. В субботу долго заснуть не могла — а наутро подскочила чуть свет и, пока кофе на кухне пила, подумала: ну чего ему на такси тратиться, за ней заезжать? Крюк такой... Преспокойно и сама до общаги на троллейбусе доберётся, не принцесса. Разбудит его, кофе из термоса напоит, будет ему сюрприз. И погода сегодня — просто чудо, до автостанции пешком прогуляться можно...

Сюрприз, что и говорить, вышел на славу — не совсем, правда, тот, на какой она рассчитывала. Но как без особой радости роман этот начался, так без большой печали и закончился. И через несколько дней Катя сама уже не могла взять в толк, как умудрилась вляпаться в столь малоприятную историю. Хорошо ещё, оставшуюся без продолжения...

— Катерина Максимовна, — напуганный, похоже, её неожиданным всплеском эмоций, начал оправдываться Кузнецов, — но вы же всё совершенно не так поняли. Я вообще ничего такого в виду не имел. Ну зачем вы навыдумывали?

Не ты, так другие — чуть было не ответила она... Но за других-то он уж точно не отвечает... Ей вспомнилось, как Света напутствовала её на перроне: «Ты, главное, не затворничай там. Но и не спеши, присмотрись для начала хорошенько. Если сеть пошире раскинуть, вполне может попасться что-нибудь стоящее.» Такой практично-утилитарный совет подруги Катю лишь расстроил. Но ещё больше расстроила её мысль, что Света, возможно, права. Что вот так оно и выглядит в реальности, это маленькое женское счастье. И ничего другого в жизни просто не бывает. Глупо забивать себе голову красивыми сказками для взрослых...

— А который привет передавал, — продолжал Кузнецов, — так у него и вообще жена есть, если хотите знать.

— Тем хуже. Будто это кого-то когда-то останавливало... — уже почти без сарказма, скорее с грустной иронией заметила в ответ Катя. — Это, что, тот тип, с которым ты сегодня на балконе трепался?

— Ну да...

— И это он сейчас на нас пялится — за столиком у тебя за спиной?

Кузнецов оглянулся. Мужчина, о котором она говорила, подмигнул и помахал ему рукой.

— Он...

— Как видим, приехал-то один, без жены. А в соседки старушенция попалась — ну не жалость ли? — с едкой усмешкой заметила она. — И с чего ты, кстати, взял, что он женат? Он, что, кольцо тогда ещё не успел снять? Так подсуетился уже.

— Нет. Кольца у него, по-моему, вообще не было... Не обратил внимания. Он мне сам про жену сказал.

— А ты его, значит, спросил. Ну и зачем же, если не секрет?

— Катерина Максимовна, вот за что вы на меня так? Я же правда ничего плохого не хотел. Ничего я у него не спрашивал, только откуда он. Он вообще ко мне сигарету подошёл стрельнуть — и мы поговорили про то, куда я поступать собираюсь. А он тогда сказал, что после окончания я, может, к ним попаду. И в самом конце уже только про вас спросил.

— Ну и что же ты ему про меня наплёл? — уже добродушно, чуть скривив губы, поинтересовалось Катя.

— Ничего. Сказал, что вы — моя учительница. А он думал, старшая сестра. Но тут он вспомнил, что ему надо срочно жене позвонить, и сразу ушёл, только привет просил передать. Всё.

— Что, вот так прямо и сказал: надо позвонить жене?

— Ну, я точно слов не помню, но, в общем, да.

— Хм, надо же. Так глупо проколоться...

— Да почему проколоться? Вы просто настроились зачем-то сразу против него. Все же тут, наверно, познакомиться друг с другом хотят... Кроме меня.

— Ну, может быть, — всё ещё немного скептически согласилась она. — Так и откуда он, говоришь?

— А он не сказал. Только, что из дыры какой-то, что её даже на карте нет. Но вообще, это странно, если они из МГУ набирают.

— Из МГУ? Так ты, значит, в Москву собрался? — сразу же заинтересовалась Катя. — Я не знала.

— А я никому не говорил ещё, даже Елене Николаевне. Родителям только. Но они не очень верят, что меня с моими

тройками возьмут.

— Ну а сам-то как?

— Не знаю… Но попытаться ведь можно — вы как считаете? К тому же, экзамены там в июле. Если не пройду, успеваю ещё в Киев подать.

— Не просто можно, нужно! — Кате вдруг ужасно захотелось, чтобы всё у него получилось, чтобы он обязательно поступил и вообще… — Это я тебе не как учитель, как «старшая сестра» говорю. Хуже нет, чем испугаться заранее и бросить, не начав даже. А потом всю жизнь гадать, что могло бы быть, если…

Покончив с тортом, Андрей вытер губы салфеткой и неуверенно спросил:

— Так может, я всё-таки, того, пойду?

На что Екатерина Максимовна шутливо надула губки:

— И бросишь свою даму на произвол судьбы, одну, средь шумного бала? Не очень-то по-джентльменски. — Затем безнадёжно махнула рукой. — Эх, ни черта ты не понял… Но оно, пожалуй, и к лучшему. Вот что, Кузнецов. Ты к морю хотел? Так пошли вместе, воздухом подышим. За тебя не скажу, но мне после таких бесед проветриться точно не помешает. А натанцеваться сегодня мы ещё успеем.

Андрей встал и опять помог ей выйти из-за стола.

— Мадемуазель, разрешите вас сопровождать?

— Да с такими темпами из тебя скоро форменный дон Жуан выйдет, — прыснула Екатерина Максимовна, беря его под руку. — А ещё говоришь, не умеешь чего-то.

— Стараюсь, — довольно ухмыльнулся он. — А главное, учительница у меня хорошая.

Короткая широкая аллея вывела их к большой

асфальтированной площадке, ниже которой, за балюстрадой, лежал небольшой, но не так уж плохо оборудованный пляж: пара кабинок для переодевания, шезлонги, несколько зонтиков-грибков... Низко стоящее над горизонтом солнце уже не слепило глаза, а лишь окрашивало окружающие предметы в сюрреалистические цвета, придавая всему пейзажу какой-то фантастический, неземной вид. Положив руки на перила, они просто молчали, глядя на мерно набегающие на песок янтарные волны под отливающим чернёным золотом небом... Интересно, что это — аи? Андрей скосил глаза на стоящую рядом учительницу, мечтательно улыбающуюся сейчас каким-то своим, неизвестным никому мыслям... Нет, лучше потом как-нибудь спросить, к слову. Чтоб не подумала...

— Кури, если хочешь... — не отрывая взгляда от горизонта, предложила она.

Кури... Такое чувство, что всё это было когда-то давным-давно, в позапрошлой жизни. Трудно поверить, что прошло с тех пор всего несколько часов...

— Я бросил...

Екатерина Максимовна удивлённо повернула к нему голову.

— Из-за меня?

— Нет, — быстро ответил он. — Ну, в общем, да...

— Но почему? Я же согласилась, что это не моё дело. Извинилась даже...

— Наверное, именно поэтому...

— Не понимаю.

— Ну вот простили бы вы меня, «на первый раз». Стребовали пообещать, что не буду больше. Так и курил бы дальше тайком... А вас... — он замешкался, пытаясь подобрать не слишком грубое слово.

— Дурой считал?

Андрей неопределённо двинул плечом.

— А сейчас... Дальше скрываться — глупо, а не скрываться — только вас расстраивать...

— Но почему ты решил, что я бы расстроилась?

— Не знаю... Мне так показалось. Но даже если и нет... Я-то всё равно считал бы, что да — так какая разница?

— А меня спросить нельзя было?

— Можно. Но вы бы в любом случае сказали, что нет — ведь так?

— То есть вообще никаких вариантов... Боже, ну что я говорю. Будто уговариваю тебя опять курить начать. Конечно, я рада, что ты бросил...

Екатерина Максимовна в задумчивости опять отвернулась к морю.

— Андрей, — вновь заговорила она через минуту, не глядя на него, — я, наверное, объяснить должна... Ведь я тебе действительно навязалась, эгоистично вполне. Понимаешь, я... Мне трудно сходиться с людьми. Не умею, вероятно, знакомиться, упускаю подходящий момент. А потом, бывает, время идёт — и вообще непонятно уже, как быть... Знаю, смешно звучит, для училки в особенности... — по лицу её пробежала жалкая улыбка. — Ну и когда увидела тебя в вестибюле, обрадовалась, как ненормальная: хоть кто-то знакомый, всё легче будет... А «в благодарность» устроила тебе этот скандал...

Её профиль нежно золотился в лучах заходящего солнца, глаза опущены на неровную поверхность перил, пальцы то и дело сметают с камня воображаемые песчинки. Екатерина Максимовна казалась сейчас растерянной и беззащитной, совсем непохожей на ту невозмутимую, уверенную в себе учительницу, какой Андрей привык видеть её в классе...

— И вот теперь не знаю, что делать. Чувствую себя лишней здесь, как зануда-пионервожатая в лагере.

— Катерина Максимовна, ну какая пионервожатая. Скажете, тоже... На линейку же вы меня по утрам гонять не будете.

— Он сделал потешно-испуганное лицо. — Ведь вы не будете, нет?

— А что? — рассмеялась она. — Неплохая идея. Только я серьёзно... Послушай, а может, мне лучше с тобой совсем как со взрослым, на «вы» и... — она вдруг осеклась. — Ну вот, опять ляпнула, только всё ещё больше испортила... Ты же и так уже взрослый совсем, в другое время вполне мог бы жену и детей иметь. Что я хотела сказать...

Но Андрей перебил её:

— Не, ну эт вы уж вконец загнули.

— И вовсе нет, — возразила она. — В прошлом веке ещё, у нас, в России, брачный возраст для мужчин был пятнадцать лет, а для девушек — и вообще тринадцать. Вот ты какого числа родился, тебе ведь шестнадцать сейчас, ты говорил?

— Двадцать четвёртого сентября.

— Значит, — Екатерина Максимовна быстро прикинула на пальцах, — если бы вы обвенчались вскоре после твоего дня рожденья — что очень даже вероятно: страда ведь у них как раз когда-то тогда заканчивалась — уже имели бы годовалого наследника. И второго на подходе.

— Не, ну вы это, что, всерьёз, что ли? — недоверчиво выслушал её объяснения Андрей. Но видя, что она, похоже, не шутит, заключил: — Да хоть бы даже и так — что за разница, как оно там при царе Горохе было. Я вот вам тоже совершенно серьёзно скажу: нашли из-за чего переживать. Сами ж говорите, что вам со мной повезло. Ну так и мне не меньше. Представьте, стоял бы я здесь сейчас один, скучал, поболтать совершенно не с кем. Давайте сойдёмся на том, что всё случившееся — к лучшему. И незачем вам из-за всякой ерунды настроение себе портить.

А правда, чего она так всполошилась-то? Сочинила сама

себе драму на пустом месте... Катя согласно кивнула в ответ, решив для себя не думать больше об этом. Такой чудесный вечер... Солнце спустилось ещё ниже, небо окрасилось в тёмно-оранжевые тона, а вода почернела и лишь редко-редко вспыхивала ещё тут и там последними осколками золотой дорожки. Словно утонувшая дорога из жёлтого кирпича... И Кузнецов же сам сказал... Что расстраивать её не хочет, вот что он сказал. А всё остальное — из той же самой оперы, что и её «кури, мне без разницы». С вожатой, если уж так подходить, поболтать тоже можно. С оглядкой. Пионерлагерь как он есть...

Ну а на «вы» ему предлагать — и совсем уж глупо было. Как это вообще могло бы выглядеть? «С добрым утром вас, Андрей... Батькович.» Она и отчества-то его не помнит. Да и сегодня прямо, несколько раз уже на «вы» к нему обращалась — подурачиться, как с малышами делают. Так он, наверное, это и воспринимает, что его за малыша держат... Вот если бы... Катя резко выпрямилась, наморщила в сомнении лоб. Родившаяся в голове шальная мысль испугала её саму... Хотя, чего там. В самом крайнем случае, хуже только ей одной будет...

— Андрей, послушай...

Глядя на неё, он тоже снял руки с балюстрады — решил, должно быть, что она собралась уходить. А может, действительно, лучше просто вернуться? Всё же и так не столь плохо...

— Ты ведь после ужина искупаться хотел, я правильно поняла?

— Ну да... — неуверенно ответил он, явно не видя, куда она клонит.

— Тогда — если не расхотел ещё — как насчёт переодеться сейчас и на пляж рвануть?

— На пляж? Вы это серьёзно? Я думал, вы...

— Что ты думал, что я сюда из окна на море смотреть приехала? Так пошли?

Они быстро пересекли парк, поднялись к себе. Катя не

успела ещё распустить до конца причёску, как из-за двери уже раздалось:

— Я — всё.

— Хорошо, иди вперёд, — ответила она, — я догоню... И знаешь, что? Не запирай, оставь ключ на столе. Я свой опять брать не буду, для сохранности. А то, как потеряем оба в песке...

Закончив, она босиком сбежала с лестницы, неслышно подошла к ждущему на том же месте Кузнецову... Солнце было уже почти над самой линией горизонта, ещё чуть-чуть — и оно коснётся воды своей нижней кромкой... В душу опять закралось сомнение. Что она делает... Ведь пожалеет завтра... А, сколько той жизни...

— Привет...

Он повернулся на её голос.

— Андрей? — Ей даже не пришлось изображать смущение, скорее уж отчаянно подбадривать себя... — Тебя ведь так звать, да? А меня — Катя...

Он молчал, очумело глядя на неё, и только часто-часто хлопал своими бесподобными ресницами. Пауза начала затягиваться, и она прибавила, чувствуя себя совсем уже круглой дурой:

— И ещё у меня прозвище есть. Русалка... Будем дружить?

Наваждение

На несколько секунд Андрей потерял дар речи. Перед ним стояла стройная синеглазая девчонка в коротком белом сарафане. Плечи полускрыты белокурыми, слегка перепутавшимися локонами... Та самая, что окликнула его сегодня в вестибюле. Не думая, почти рефлекторно он ущипнул себя за руку — но видение не исчезало.

— Привет... — всё ещё не вполне отдавая себе отчёт, что делает, ответил он, когда смущённая улыбка уже начала сходить с её губ. — Конечно... Катя...

— Так чего мы тогда стоим? — она снова заулыбалась во весь рот, чуть-чуть пружиня на носках от нетерпения. — Бежим к морю?

Они сбежали по круто спускающимся ступенькам. Стянув на ходу футболку и джинсы, Андрей первым влетел в воду. Но заметив, что Кати рядом нет, удивлённо обернулся.

— Ну ты что, передумала?

— Подожди, я шапочку забыла...

Как заворожённый, он смотрел на неё, пока она собирала волосы в узел, пытаясь как-то закрепить их голубым пояском

от сарафана... И очнулся лишь когда Катя, ударив рукой по воде, обдала его дождём сверкающих закатным пламенем брызг.

— А меня нельзя, у меня волосы намокнут! — крикнула она через плечо, убегая дальше, навстречу катящимся к берегу волнам.

Он кинулся за ней следом... Солнце только-только начало погружаться в море, и они медленно плыли навстречу этому огромному, пылающему на фоне багряного неба золотому диску...

— Кать, стой, — вдруг схватил он её под водой за руку. — Ты зелёный луч видела когда-нибудь?

— Я вообще на море в первый раз.

— Я в третий, но тоже ни разу ещё. Говорят, надо чтоб волн почти не было. Вот как сейчас...

— Ты думаешь? Я слышала, это бывает так редко, что шансов у простого человека почти никаких.

— Это д-дубли у нас простые! — Андрей отпустил её руку и хвастливо ухмыльнулся. — А мы с тобой, может, особенные. Давай подождём, совсем скоро уже.

Они неподвижно повисли в воде и молча смотрели, как последние остатки солнца быстро опускаются за горизонт. Вот от него осталась одна только узенькая полоска, вот уже почти совсем ничего... И в этот момент, когда, казалось, оно окончательно скроется из глаз, на самой линии горизонта, там, где море сходится с небом, как будто вспыхнул изумрудный прожектор...

В наступивших сумерках они ошарашенно глядели друг на друга...

— Ты видела, нет, ты видела?! — первым опомнился Андрей. — Кать, ну скажи, что ты тоже видела. Что это — не галлюцинация.

— Я видела... — прошептала она в ответ.

— Ну вот! Я же говорил, а ты не верила!

Не сговариваясь, они развернулись и поплыли назад, к чернеющему вдалеке берегу — где с ходу повалились на ещё тёплый после дневного зноя песок...

— А они там всё пляшут... — как показалось Андрею, с сожалением, отметила Катя.

В ночной тишине со стороны пансионата по-прежнему доносилась едва слышная отсюда музыка.

— Хочешь вернуться?

— Вернуться? А, нет... Я косметику всю смыла уже. Да и волосы таки намокли слегка. Подумала просто, вот не поцапайся мы тогда, тоже сидели бы там со всеми. Или одна я осталась, а ты б ушёл... Прав ты, наверное: всё, что случилось — к лучшему...

Какое-то время они лежали молча, думая каждый о своём...

— Ну, чего уставился? — Катя заметила краем глаза, что Андрей смотрит на неё, и скорчила ему рожицу.

Он тут же отвёл глаза в сторону, словно смутившись.

— Ты... — И опять повернулся к ней, перешёл на свой обычный беззаботный тон: — Слушай, а я чего понять не могу: почему русалки есть, а русалов нет? Вот ты как думаешь?

— Что значит, нет? Сказку «Русалочка» помнишь? Папа её, морской царь, кто, по-твоему, был? А по-английски для них даже слово специальное есть, merman.

— Хм, действительно... А русалка тогда, значит, merwoman будет?

— Mermaid. Морская дева. Правда... если она замуж выйдет... Нет, нигде не встречала, как замужних русалок зовут.

— Ну ладно, это у них. А у нас почему тогда одни русалки?

— Так кто ж его знает, — пожала плечами Катя. — Или вот,

поняла! Потому что у них русалки морские, натуральные. А наши — пресноводные и получаются из утопленниц.

— А из утопленников тогда кто получается? — ехидным голосом поинтересовался Андрей.

— Никто. Не заслуживают они. Хотя, нет, получаются. Водяные. Зелёные, склизкие и все в тине — съел? Но ты ведь о чём-то другом начал — перед тем как на русалов переключился.

— Да нет, ни о чём... — казалось, он опять ищет тему. — Цвет у тебя неправильный, не русалочий.

— У купальника, что ли? Так это от породы зависит. Вот в Японии, например, русалочья чешуя как раз золотая, как у карася. Они у них, правда, другие немножко... Но зато, говорят, — Катя плотоядно облизнулась, — довольно вкусные.

— Японцы русалок едят?! — Андрей вытаращил на неё глаза. — Врёшь!

— Ничего не вру. То есть они их не то чтобы регулярно едят — это очень плохой приметой считается, даже и просто ловить. Но вот есть такая легенда. Поймал однажды один рыбак странную рыбу, какую ни разу в жизни ещё не видел. И позвал всех друзей на ужин. Но те заметили, что у рыбы этой — человечье лицо, и договорились не есть её, а незаметно спрятать угощение и по дороге домой выбросить. Только один из гостей напился пьяным и всё позабыл, а когда вернулся домой, накормил этой рыбой свою маленькую дочь. И в результате, когда та выросла, то совсем не старилась — оставалась всё такой же молодой и красивой.

— Так а плохого-то в этом что?

— Ну как... Вышла она замуж, муж состарился и умер. Дети со временем тоже. И так — несколько раз. В конце концов она стала монашкой и дожила до восьмисот лет.

— Так надо было просто ещё одну русалку поймать, на всю семью. Странные люди японцы. А где ты это вычитала всё?

— Не помню уже точно. Я с детства всем японским увлекалась. И, меж-ду про-чим, — Катя сделала горделивое лицо, — язык учила.

— Японский?! — в глазах Андрея застыло восхищение. — Не врёшь? Класс! А напиши что-нибудь иероглифами.

Она села и не без самолюбования изобразила пальцем на песке стрелочку вверх и что-то вроде избушки на курьих ножках.

— Ningyo. Русалка.

— Здорово!.. Кстати, о японцах. Песня, под которую мы танцевали — ты знаешь, что на самом деле она с ихней драная?

Ну правильно. Вот откуда взялся тот секундный приступ неловкости, что она испытала тогда. И который слишком, быть может, старательно поспешила подавить…

— Знаю… «Koi no bakansu»…

— Что ты сказала? — не понял Андрей.

Катя решительно тряхнула головой. Да ладно, ещё из-за таких глупостей волноваться будет.

— Песня так называется, по-японски. А по-нашему — «Каникулы любви».

— Точно! Так она у меня на кассете есть. А напиши название.

— Koi… — вывела она замысловатый иероглиф. — Это — «любовь». No… Окончание родительного падежа — японский в этом больше на русский похож, чем на китайский или английский. Bakansu. Это пишется по слогам, потому что иностранное слово. Искажённое французское «vacances». И знаешь, что ещё смешно? Точно так же — «koi», — Катя быстро написала рядом ещё один иероглиф, — произносится по-японски «карп». И потому он считается символом любви. Только я думаю, это сравнительно недавно пошло — после того, как цветных карпов вывели.

— Цветных карпов? — недоверчиво переспросил Андрей.

— Синих, жёлтых, красных, в разноцветных пятнышках. Очень дорогие бывают, если окраска редкая. Их в специальных прудах держат — с лотосами, водопадиками, всякими разными мостиками красивыми. Я фотографии видела.

— Ха, надо же... Интересно... Слушай, а слов той песни ты не знаешь случайно? От русских они сильно отличаются?

— Довольно сильно... кажется... — Катя почувствовала, что краснеет... Зря она, пожалуй, так расхвасталась-то... — Но тоже, вроде, о море.

— Перевести не сможешь?

— Нет, Андрей, не настолько я хорошо японский знаю. А тут — на слух, без словаря...

— Жаль... И чего я тебя ещё спросить хотел. Тебе там много дочитывать осталось, про того типа в коробке? Мне дашь, как закончишь?

— Конечно дам... — Лицо её стало пунцовым. Хорошо хоть, в сумерках не так заметно... — Ой, сейчас сообразила только... Прибиралась когда сегодня, нигде эту книгу не видела. Помню, в электричке её читала, но вот куда потом дела?.. Похоже, я её в вагоне забыла... — И поспешила поскорее закрыть тему: — Ну, что поделаешь, бывает. Да и книженция-то, честно говоря, так себе... Скажи лучше, как насчёт ещё поплавать?

Зыбкая, туманная гряда облаков протянулась из конца в конец через ночной небосвод. Андрей смотрел на них и всё пытался понять, откуда они взялись. Ведь только что небо было совершенно чистым... И почему он раньше никогда по ночам облаков не замечал? Или просто не обращал внимания?..

— Ой! Это же не облака совсем! — неожиданно нарушил тишину радостный Катин голос.

— Не облака? А что? — повернул он к ней голову, чуть

приподнявшись на локте в скрипнувшем от этого движения шезлонге.

— Млечный Путь! Красота какая... Жаль, у нас его никогда не видно.

— У нас тоже... — как-то совершенно непроизвольно вырвалось у него.

Они удивлённо переглянулись и дружно рассмеялись.

— Но заметь, — Андрей опять лёг на спину, глядя в небо, — насколько правильнее украинское название. Выглядит в точности как просыпанная соль — а на молоко совершенно не похоже.

— Да, пожалуй... А вот в Японии... Я тебе с ней не надоела ещё?

— Да вроде нет пока.

— Так там считается, что Млечный Путь — это серебряная река. И на одном её берегу живёт небесная принцесса Орихимэ, а на другом — пастух Хикобоси. Вега и Альтаир — видишь?

— У нас астрономии не было ещё.

— Вон — и вон, — Катя ткнула пальцем в две яркие звезды. — Орихимэ целыми днями ткала всякие красивые вещи и очень грустила, что нет рядом с ней никого, кого она могла бы полюбить. И тогда отец познакомил её с Хикобоси. Они, понятно, тут же влюбились друг в друга по уши и вскоре поженились. Только дела свои при этом совершенно забросили: ткацкий станок пылью покрылся, коровы по всему небу разбежались... Небесный царь терпел-терпел это, терпел-терпел, не выдержал — и прогнал зятя назад на другой берег. Но потом сжалился слегка и разрешил им встречаться раз в год. Если работать хорошо будут.

— Сур-ровые, скажу тебе, у самураев нравы... — подытожил Андрей её рассказ.

— Ну, всё ж не в бочку, как при царе Салтане... Смотри!

Он проследил за её вытянутой рукой и тоже увидел две

летящие в небе звёздочки.

— Думаешь, они? — в голосе его прозвучало сомнение.

— Ну а кто это ещё может быть?

— Да кто угодно. Будто спутников мало.

— Так близко друг от друга?

— Тоже верно... Интересно, который из них наш?

Они следили за плывущими среди звёзд кораблями, пока те не скрылись из виду...

— А ты бы хотел в космос полететь?

— Конечно. А ты — нет, что ли?

— Хотела бы... А насовсем, на другую планету?

— Не знаю... Если не один... А ты б на какую хотела?

— Красивую. И чтоб зверушечки какие-нибудь диковинные. Динозаврюшечки.

— А почему не люди? Смотри: раз не они к нам, а мы к ним, значит они — дикари. Ну, более-менее. И нас бы за богов считали. Вот ты б, к примеру, Афродитой была.

— Да ну их, людей. С моим везением мы вместо Греции прямиком к ацтекам попадём. Которые в нашу честь тут же кого-нибудь в жертву принесут. Вот уж радости-то.

— И что ты за человек? — Андрей театрально взмахнул руками. — Такой отличный план испортила. Хотя, может, ты и права: с динозаврами оно правда поспокойнее будет... Да без разницы. Всё равно дальше Марса нам в этой жизни не светит. На Марс согласна?

— Ну вот все вы так. Сначала обнадёжите девушку, а потом — на Марс. Согласна, чего уж там...

Луна давно зашла за горизонт, и только искры отражённых звёзд загадочно вспыхивали на едва заметных волнах...

— Кать, а вот представь, что мы уже на другой планете. И

вокруг нас, на сотни световых лет, ни одной живой души...

Скалы по сторонам пляжа почти сливались с небом, ночной бриз шевелил над ними какие-то таинственные, чёрные на чёрном силуэты...

— ... не считая кошмарных кровожадных чудовищ, — продолжила она замогильным голосом, — выползающих по ночам из пучин первобытного океана...

— ... от которых мы отчаянно отстреливаемся из фотонных бластеров...

— ... развалившись на старых скрипучих шезлонгах, оставшихся от предыдущей экспедиции. Которую съели, — со смехом закончила Катя, вставая. — Ладно, пойдём, спать давно пора. У меня уже глаза слипаются.

В здании царила мёртвая тишина, не светилось ни одно окно. Андрей попытался открыть заднюю дверь, но та оказалась заперта.

— Попробуем переднюю? — прошептала Катя, вопросительно взглянув на него.

— Скорее всего, то же самое, — ответил он также шёпотом. — Какой смысл запирать только одну дверь? Или даже ещё хуже: там какой-нибудь вахтёр или ночной сторож — а тебе объясняться охота?

— Нет.

— Ну вот и мне нет. Надо было с самого начала об этом подумать. Ясно ж, не могут они тут всю ночь дверь нараспашку держать. Стянут же всё, что плохо лежит.

— Кто? И что тут вообще красть?

— Откуда я знаю... Фикусы?

Катя сдавленно хихикнула.

— Нет, что раньше думать надо было — это ты, конечно, здорово сообразил, — съехидничала она. — Но сейчас-то нам что делать?

— Ясно, на пляже ночевать, — последовал невозмутимый

ответ. — Других вариантов не просматривается.

— Андрей, ну ты шутишь, что ли? — жалобно спросила она. — Где мы там спать будем?..

— Ну а чего? Свернёшь платье под голову... Ладно, ладно, — уже насмешливо продолжил он. — Распереживалась, кисейная барышня. Я там, на торце, лестницу пожарную видел, можно попробовать с неё на балкон перелезть. У меня окно приоткрыто осталось... Ты не закрыла, надеюсь?

— Нет. Хотя могла бы — если б заметила. Должен же порядок какой-то быть...

Они зашли за угол. Лестница оказалась на месте, меньше, чем в полуметре от забранного арматурой конца балкона. Подпрыгнув, Андрей ухватился за нижнюю ступеньку, дёрнул хорошенько, упёршись ногами в стену, качнулся из стороны в сторону.

— Нормально, можно лезть, — сказал он, спрыгивая. — Ты — первая.

— Почему я? — не без некоторого кокетства поинтересовалась Катя.

— Чтобы я тебя подхватить мог, если падать будешь.

— Ах-ах, какие у них, оказывается, мотивы благородные, — глядя в сторону, как будто про себя заметила она.

И, чуть присев, прыгнула. Но пальцы лишь слегка скользнули по перекладине. Немногим лучше кончились и вторая, и третья попытки...

— Или чтоб подсадить... — с видом незаслуженно оскорблённой невинности, словно продолжил своё объяснение Андрей. — Но некоторые же разводят тут инсинуации...

— Ну так и подсадил бы, чего стоишь как истукан? — Катя с трудом сохраняла на лице подобие серьёзного выражения. — Не видишь, девушка мучается?

Через минуту оба уже были на балконе. Пригнувшись на всякий случай, они прошмыгнули мимо стеклянной двери на

галерею. Андрей открыл окно пошире, влез сам и протянул руку Кате.

— Уф, пронесло! — с размаху плюхнулась она в кресло, когда он опять задёрнул шторы и включил свет. — Фен мой не принесёшь? В шкафу, в нижнем ящике. Пожалуйста.

На журнальном столике всё ещё лежала, тыльной стороной вверх, оставленная перед ужином книга. Катя с интересом взяла её в руки, взглянула на обложку. Александр Блок. Вот уж действительно неожиданность...

— На, держи.

Вернувшийся из её комнаты Андрей положил перед ней фен. Голос его прозвучал резко, почти грубо. Она удивлённо подняла глаза, но он уже отошёл к заваленному кассетами столу в углу, повернулся к ней спиной, начал зачем-то перекладывать их с места на место.

— Андрей, ты что?.. — отложила она книгу. И тут поняла. — Из-за книжки, что ли? Ну ты даёшь. А я как раз комплимент тебе собиралась сделать, за хороший вкус. Мне, представь себе, нравятся мальчики, которые стихи любят. Время сколько сейчас?

— Третий час уже. — Он отвернулся наконец от своих кассет, зыркнул неуверенно ей в глаза, опять отвёл взгляд. — Мы завтра не проспим?

— У меня будильник есть. Тебя разбудить?

— Если не трудно... Я сплю крепко.

— А я тебя водой оболью, — с подчёркнутым злорадством заявила Катя. Ничто так не снимает натянутости, как хорошая пикировка. — И она здесь холо-одная...

— Это негуманно, — с готовностью возразил ей сразу приободрившийся Андрей. — Передовая международная общественность в моём лице тебя не одобрит.

— Не более негуманно, чем предлагать даме на песке спать.

— Ну вот нет в тебе романтики.

— Тоже мне, романтику нашёл. Ладно, не беспокойся, обойдёмся не столь радикальными средствами.

Она выдернула фен из розетки и встала.

— А будильник ты на когда ставишь? Завтрак, кстати, во сколько, не знаешь?

— В восемь. Ты, что, расписание в столовой не видел? Завтрак — в восемь, обед — в двенадцать, полдник — в три, ужин — в семь.

— Так это они нас, что, каждый день по четыре раза кормить будут?

— Так на то ж и пансионат, что полный пансион. Двадцать минут на сборы тебе хватит? Значит подъём — в семь-сорок... Да, ключ твой я под фикусом спрятала. Тем, что за диваном на галерее. Сам найдёшь?

— Ну не совсем же идиот, наверное.

— Тогда... спокойной ночи?

— Спокойной ночи, — Андрей тоже встал и проводил её до двери. — Слушай... — спросил он вдруг, — а что такое аи, не знаешь случайно?

— Золотое, как небо сегодня? — насмешливо сверкнула она зубами, уже затворяя за собой дверь. — Знаю, конечно. Что мы с тобой, по-твоему, за ужином пили?

Андрей повернул выключатель и снова раздёрнул шторы. Странно, но спать совсем не хотелось. Он подошёл к двери, сходить за ключом, но передумал: и утром успеется. К тому же, а вдруг там и правда вахтёрша... Не раздеваясь, улёгся прямо поверх покрывала... В комнате было темно, и лишь узкая полоска света под дверью в соседний номер чуть рассеивала мрак. Но скоро погасла и она, остались одни только звёзды за окном...

Перед глазами, беспорядочно тесня друг друга,

проносились картины этого длинного, сумбурного дня... Поезда, вокзалы, люди, люди, люди... И возникшая внезапно из этой скучной, безликой череды девчонка с упрямыми белобрысыми косичками. В сиреневых фасетчатых очках... Андрей хотел заговорить с ней — но она уже летела, раскинув руки, навстречу бирюзовым, в ярких солнечных бликах, волнам. Скрылась в них, подняв фонтан брызг ударом золотого плавника... Они шли по лунной дорожке, между стекающих водопадами колонн — и он сорвал ей розу, жемчужные капли росы застыли на ночном бархате лепестков... А под ногами, среди цветущих лотосов, бесшумно скользили странные разноцветные рыбы... Музыка неслась, кружилась в танце вместе с ними, отражалась россыпью звёздной пыли в чёрном зеркале неба. Замирала в бездонной синеве её широко распахнутых глаз... Андрей чувствовал на щеке её дыхание, волнующий аромат духов, лёгкое, почти невесомое прикосновение тонких нежных пальцев... Она смеялась и шептала ему что-то на ухо — но слова терялись в шелесте набегающего на пустынный берег прибоя...

Замки на песке

Будильник, вот что это такое... Противный, дребезжащий звук обрёл свои контуры в постепенно возвращающемся сознании. Вчерашний день настолько утомил Катю, что она заснула, едва коснувшись головой подушки. Поспать бы ещё часиков несколько... Ну или хотя бы только поваляться минут пять-десять, просыпаясь... Ой! Ей же ещё Кузнецова будить. Надо вставать...

Катя нехотя откинула простыню и, зевая, поплелась к раковине. Из зеркала на неё смотрело миловидное заспанное личико с аккуратным, чуть заметно вздёрнутым носиком... Ледяная струя воды из крана мгновенно прогнала остатки сна. Сейчас только космы слегка пригладить... Ладно, сойдёт для сельской местности. Она накинула поверх рубашки халат и осторожно постучалась в соседнюю комнату... Реакции не последовало никакой. Она постучалась немного громче... И ещё чуть громче... Нет, так она скорее всех соседей перебудит.

— Андрей... — вполголоса позвала она, слегка приоткрыв дверь.

Через щель ей был виден дальний угол комнаты, настежь распахнутое окно. Похоже, сам уже встал... Чтобы убедиться

окончательно, Катя открыла дверь пошире и просунула голову внутрь. Андрей лежал на кровати полностью одетый — и не подавал ни малейших признаков жизни. Ну вот. Здравствуйте-пожалуйста...

— Андрей, вставать пора, утро уже... — не слишком рассчитывая на успех, позвала она ещё раз.

Видя, что словами делу не поможешь, Катя подошла к спящему и несильно потрясла его за плечо — от чего тот наконец зашевелился и открыл глаза.

— Катерина Максимовна? — ещё не совсем проснувшись, пробормотал он. — А что вы здесь...

Но тут он, вероятно, проснулся окончательно и замолк, растерянно глядя ей в глаза. Катя тоже совершенно потерялась и лишь с чуть виноватой улыбкой пожала слегка плечами.

— С добрым утром.

— С добрым утром... — отозвался Андрей, продолжая лежать.

— Вставай, на завтрак опоздаешь.

— Ага, спасибо... — В этот момент он с удивлением обнаружил, что лежит одетый. — А почему я так сплю?

— Ты это меня спрашиваешь?

— А, понятно... — пробормотал он после небольшой паузы, но в подробности вдаваться не стал.

Подождав ещё секунду или две, Катя решила, что миссию свою выполнила.

— Ладно, я пошла — а то мне тоже умываться ещё закончить надо. — И чуть помедлив: — За завтраком поговорим, хорошо?

Поговорим... Она на автомате орудовала во рту зубной щёткой... Вот ведь учудила... Правильно говорила мама: благоразумие — не самая сильная её сторона...

Когда она вышла из комнаты, в коридоре было уже пусто, а снизу доносились оживлённые голоса. Похоже, опаздывать в столовую начинает входить у неё в традицию...

— Ну как спалось на новом месте? — выбрала она по возможности нейтральную тему, усевшись за уже накрытый стол.

— Нормально...

— А на сегодня какие планы?

— Да никаких особо...

Задав ещё пару вопросов, на которые последовали такие же односложные, обезличенные ответы, Катя вздохнула и спросила прямо:

— Не знаешь, как ко мне обращаться?

— Можно и так сказать, — Андрей смотрел мимо неё и явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Как хочешь, как тебе самому удобнее.

Он продолжал молчать.

— Ну правда. А то, что я ни сделаю, всегда выходит, сама всё за тебя решила. Прямо напасть какая-то, — заключила она шутливо-обречённым тоном.

— Ну хорошо, давай тогда и дальше на «ты»... Только всё равно скажи, что ты от меня услышать хотела. Честно.

— Честно... — Она задумалась на секунду. — Не знаю... Вот если б ты *сам* мне такое предложил — ну, тут понятно, какое-то просто фантастическое нахальство. Но в принципе, мне так даже проще... Хотя если уж совсем начистоту, не уверена, что не придётся когда-нибудь пожалеть. Я тебе ответила?

— Да, наверно... — Он опять замолчал, глядя в окно, на дрожащие струи фонтана.

— Тебя ещё что-то смущает?

— Да нет, в общем... Просто на людях мне же к тебе всё равно на «вы» придётся. Выглядит, будто мы с тобой что-то нехорошее делаем, раз скрываем... Ну да чёрт с ним, — Андрей отвернулся от окна, на его губах опять заиграла знакомая фрондёрская улыбочка. — Я тут что ещё сказать хотел. Ты не подумай только, пожалуйста, что я тебя критикую... — он сделал картинную паузу, — но не кажется ли тебе, что ты слишком

много о себе воображаешь? Решила с чего-то, что я у тебя на поводу иду — когда на самом-то деле всё ровно наоборот. Вот на факты взглянем. Сигареты мне простила — это раз. Шмотьё погладила — два. Всё бросила и к морю за мной потащилась — три, в превосходной степени. Ну как, логично?

— Ах вот ты какой, оказывается, коварный, — Катя облегчённо рассмеялась: похоже, отношения их наладились окончательно. — Учту на будущее. Так после завтрака — куда?

— Не знаю, куда хочешь.

— Тогда, может, не будем на этот раз от коллектива отрываться?

— На пляж, в смысле? Пошли. Только тебе б... это...

— Чего?

— Ну, с рукавами чего-нибудь, надеть потом. Я прошлый раз, когда в Крыму с предками был, в первый же день сгорел. Плечи особенно.

Она взглянула на свои чисто символические бретельки.

— Век живи... Так я наверх тогда, собрать всё и переодеться. Ты меня подождёшь?

— Подожду. Мне ещё шапку сделать надо, — Андрей достал из-под себя вчерашний номер «Труда».

— Ага. Так, значит, и запишем, — с обличительной миной на лице констатировала Катя. — Спёр общественную газету.

— Экспроприировал. В пользу нуждающихся. Ладно, иди, иди уже, не мешайся. Я тебя в вестибюле ждать буду.

Но долго скучать в одиночестве ему не пришлось. Не успел Андрей выйти из дверей гостиной и прислониться к ближайшей стенке, как к нему подскочил какой-то жизнерадостный толстяк, представившийся Всеволодом Илларионовичем, соседом напротив. И тут же сообщил, что отдыхает он здесь вместе

с супругой, Людмилой Игнатьевной, выставившей его сейчас из номера, чтобы не отвлекал — а заодно и бросить письмо её сестре Тамаре. Прервать этот словесный поток не представлялось ни малейшей возможности и, вздохнув в душе, Андрей запасся терпением, вежливо кивая время от времени головой.

— Всеволод Илларионович, — воспользовался он паузой, когда тот остановился наконец перевести дух, — я вчера прослушал, похоже. Вы не в курсе, вход здесь во сколько закрывают?

— Ах, ну да, ну да, помню, как же, конечно, помню — опять радостно завёлся сосед, — вы же вчера оба ушли рано. — Тон его сменился на озабоченный. — Что-нибудь стряслось?

— Нет-нет, ничего, всё в порядке. У Екатерины Максимовны неожиданно голова разболелась, — брякнул Андрей первое, что пришло на ум, — вот она и решила на свежий воздух выйти.

— Ах, как жаль, как жаль, — распричитался Всеволод Илларионович, — было так весело, прекрасный вечер. Но ваш вопрос. В одиннадцать, mon ami, в одиннадцать. А открывается в семь, когда персонал приходит. Ночью сторож есть, если вдруг чего, но его ж, небось, не добудишься — ха-ха-ха! Ах, и вот же ещё что, — он взял Андрея под руку и подвёл к столу в углу. — Карту берите, сразу парочку — себе и Екатерине Максимовне. Людочка сказала, она учительница ваша? Очень хорошо, очень хорошо. Людочка так прямо и сказала: нечасто встретишь сегодня такую похвальную заботу о подрастающем поколении.

Андрей взял из придавленной большой галькой стопки пару отпечатанных на ротаторе листков — но тут его собеседник сорвался вдруг с места и на всех парах устремился в другую сторону.

— Екатерина Максимовна? — затараторил он с новой силой, обращаясь к спускающейся по лестнице Кате. — Очень приятно, очень приятно. Надеюсь, сегодня вам уже лучше? А

мы тут, видите, с воспитанником вашим беседуем. Прекрасный молодой человек, просто прекрасный.

Катя в растерянности посмотрела на Андрея. Он подмигнул ей и бросился на помощь.

— Знакомьтесь. Всеволод Илларионович, — представил он ей соседа. — Я как раз говорил ему, что у вас вчера после ужина голова заболела, и вам пройтись понадобилось. Он очень за вас беспокоится.

— Спасибо, — мило улыбнулась она толстяку, — всё уже прошло. Это от поездки, наверное, от жары. Но ничего страшного, даже без таблетки обошлось.

— Ну вот и хорошо, вот и хорошо. Болеть в отпуске — самое последнее дело. Тем более, завтра же у нас экскурсия... Ах, я же не рассказал ещё. По пятницам, с утра записывают желающих, а после обеда — везут. Людочка была очень довольна. — Тут он вспомнил о данном ему поручении и хлопнул себя конвертом по лбу. — Мне же Людочка наказала! Бегу. Всего наилучшего. Приятного, полноценного отдыха!

— Уф! — выдохнул Андрей, когда тот выбежал во двор, — пошли скорей, а то сейчас сюда ещё и Людочка явится.

Они с Катей выскочили через противоположную дверь и поспешили в сторону моря.

— Андрей, кто это? И кто такая Людочка?

— Это наш сосед напротив, из Ташкента, работает главным бухгалтером в сберкассе. Людочка — его жена Людмила Игнатьевна, работает там же кассиршей. В Воронеже у неё есть младшая сестра, которую недавно бросил муж, и она сейчас очень страдает. Поэтому Людочка постоянно пишет ей письма чтобы отвлечь от горестных дум. Ещё вопросы есть?

— Есть. С чего он решил, что ты — мой воспитанник?

— А про нас, похоже, весь пансионат уже знает. Ну или очень скоро узнает.

— Что они про нас знают? — испуганно спросила Катя, даже

остановившись от неожиданности.

— Да нет, ничего такого. Знают, что ты — моя училка. Пошли.

— Твой вчерашний знакомец растрепал? — в Катином голосе послышалось неодобрение.

— Зачем? Этому егойная Людочка сказала, а она, как я понял, услышала, когда ты нас оформляла.

— Это та, наверно, что передо мной была. Тоже с двумя паспортами... У неё ещё шиньон сбился, а я так и не решилась ей сказать...

— Ну вот видишь, а на хорошего человека наговариваешь. В общем, сегодня к обеду Севочка разнесёт информацию всем, кого сумеет за пуговицу поймать. Только нам-то что? Самим меньше объясняться.

— Да оно так, конечно... Но всё равно... — она нервозно поёжилась. — Чувствуешь себя как муха под микроскопом...

С верха лестницы Катя окинула взглядом начинающий уже заполняться понемногу пляж. При свете дня он не выглядел больше уголком далёкой загадочной планеты. Синее небо, искрящийся песок, по сверкающему под солнцем морю весело бегут друг за другом белые барашки...

— Скажи честно, — спросила она Андрея с лёгким вздохом, качнув головой в сторону уже плещущейся в воде публики, — тебе с ними вот прямо сейчас знакомиться охота?

— Да я б тут и вообще ни с кем не знакомился. Но, похоже, придётся...

— Нет, Андрей, так тоже нельзя. Конечно, познакомиться надо — но не на пляже ведь. Я так не привыкла. Сама, по крайней мере... Пристроимся пока где-нибудь в сторонке, сами не будем подходить, а?

Они нашли себе место ближе к правому краю, почти у подножия второй, полностью разбитой лестницы.

— Ты как думаешь, здесь медузы есть? — Катя убрала в полосатую пляжную сумку рубашку и шорты, надела на голову жёлтую, в тон купальнику шапочку.

— Должны быть. А ты их, что, боишься? Они просто так на людей не бросаются. Жалят, только если схватить неудачно.

— Нет, не боюсь, наоборот, поймать хотела — такое странное создание. А жалятся они сильно?

— По-разному. Как крапива, примерно. Ты знаешь, мне они тоже всегда нравились, но многие их почему-то не любят, девчонки особенно. Говорят, противные. А по мне так любые животные хорошие. В детстве я даже мечтал в зоопарке работать, как вырасту.

— А что ж тогда не на биофак собираешься?

— Ну а чего б я на него пошёл? По зоологии у меня четвёрка всего, а по ботанике — так и вообще трояк. И потом, биологи, по-моему, животных вовсе даже не любят. Вот хоть Павлова возьми. Ты б над своей собакой так издеваться стала?

— Нет, конечно. Ну ты сказал!

— О чём и речь. Биологи, они — как крестьяне: растил, растил свою Бурёнку, холил-лелеял... А потом бац — и зарезал. И не шевельнулось даже ничего.

— Но не все ж они, наверное, такие.

— Кто, крестьяне?

— Да нет, биологи. Некоторые ведь просто за поведением наблюдают.

— Ну да, наверно... Вон, смотри!

В воде, у самой поверхности, плавно колыхался белёсый полупрозрачный зонтик.

— Ой! А поймать можно? Точно не ужалит?

— Эта — вряд ли. Сильно жалятся которые крупнее и с фиолетовой каёмкой по краю. То есть это в Крыму такие, но здесь,

я думаю, те же самые.

— А знаешь, так она совсем не такая красивая, как в воде, — немного разочарованно прокомментировала Катя, держа медузу в руках и рассматривая её со всех сторон. — Просто студень какой-то — и всё. Как ты думаешь, сколько она без воды может?

— Не знаю. Пока не высохнет, наверно. Хочешь эксперимент провести?

— И кто-то тут ещё академика Павлова ругал, — она взглянула на Андрея с насмешливым укором, опуская медузу назад в море. — Плыви, красавица — пока отдельные юные натуралисты тебя науке в жертву не принесли...

Вернувшись на берег, Катя опять нацепила на нос тёмные очки и растянулась на песке, с наслаждением впитывая в себя тёплые, но ещё не слишком жаркие лучи утреннего солнца... И ведь что самое забавное, пришла вдруг в голову мысль, похоже, она таки получила ровно то, что хотела. Чуть приоткрыв один глаз, Катя скосила его в сторону Андрея... Идеального компаньона для отдыха, с которым легко и весело. И можно не опасаться всяких там осложнений и неожиданностей... При том, что и он, вроде, не в обиде. Во всяком случае, впечатления затурканного школяра больше не производит. Как он её, «иди, не мешайся», «много о себе воображаешь». Конечно, это всего лишь бравада: мол, заказывала — так получай... Интересно, как он на самом деле к ней относится? Вероятно, она этого никогда не узнает...

Но только что же всё-таки будет потом?.. Да что там может быть. Разъедутся с вокзала в разные стороны — вот и вся история. А к первому сентября эта их курортная эскапада успеет превратиться во что-то далёкое и нереальное, как прочитанная когда-то давно книга... Как почти забытый поутру очаровательный сон... Тепло разморило Катю, мысли её начали путаться... Да, именно так всё и будет... А сейчас ей просто хорошо здесь. Море, песок, солнце... И никаких забот... Наверное, это и

называется счастьем...

Сдвинув с лица шапку, Андрей сел и посмотрел на часы. Водонепроницаемые и противоударные, он не снимал их практически никогда. Двадцать минут. Хватит, пожалуй... Катя лежала рядом совершенно неподвижно, лишь очень-очень присмотревшись. можно было заметить, как едва вздымаются при каждом вдохе два выпуклых золотых треугольника...

— Катя... — тихонько позвал он и, видя, что она задремала, слегка коснулся её плеча.

Она вздрогнула и повернула голову.

— Кать, хватит на первый раз, а то точно сгоришь. Пошли ещё поплаваем и перевернёмся.

— Так ма-ало? — она капризно наморщила носик. — Ладно, как скажешь. Пошли, — она подхватилась и побежала к воде, натягивая на ходу шапочку.

— По идее, здесь морские коньки должны водиться, — тоном знатока сообщил Андрей, догнав её уже далеко в море, — я в «Жизни животных» читал. Ты их видала когда-нибудь?

— Откуда? На картинке только.

— Хочешь, поймаю тебе?

— А почему не я тебе? — Катя посмотрела на него с задорным вызовом.

— Давай, тогда, кто первый.

— Уверен? А проиграть не боишься — русалке-то?

— Русалок бояться — за буйки не заплывать.

— Ну, смотри... На что?

— На «американку», — нахально предложил он. — Слабо?

— На счёт «три». Положительные отметки исключаются. — Она сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. — Раз... Два... Три!

Андрей успел заметить лишь мелькнувшие в воздухе ноги — а когда нырнул следом, их хозяйка была уже у самого дна. Глубина здесь оказалась больше, чем он предполагал. Не успев доплыть до плавно колышущихся под ним зарослей, он почувствовал, что запас воздуха в лёгких кончается, и пулей взмыл к поверхности. А Кати всё не было и не было... Он нырнул опять и увидел её, рывками плывущую навстречу. Из полусжатого кулака выглядывает словно бы маленькая шахматная фигурка...

— Так бы сразу и сказала, что спортсменка, — в шутку проворчал он. — Предупреждать надо.

— Так я и предупреждала, — с нескрываемым торжеством рассмеялась она. — Но некоторые же никогда не слушают, что им учитель говорит. Скажи лучше, что дальше делать будем — как отзагораем своё?

— Не знаю... За картами сбегать можно...

— Да ну, скучно. А, вот, придумала! Давай замок построим. Самое пляжное занятие.

— Замок?.. — В Крыму, в самый первый раз, в детском саду ещё, Андрею нравилось строить кривые бесформенные башни, капая с пальцев песочной жижей. Но даже тогда ему и в голову не пришло бы назвать их замками. — Что-то я в свои силы не очень верю.

— Тогда архитектором буду я, а ты — тачечником.

— В смысле? — не понял он.

— Подожди, поступишь в свой университет — узнаешь. Ещё и конспектировать заставят. Пролетариатом, короче.

— Эксплуататорша. Ладно, уговорила. Только чур, работу мою не критиковать. Я в подмастерья к тебе не напрашивался.

Они вышли на берег.

— На, держи свою тачку, — Катя сняла с головы шапочку и сунула её ему в руки, — и марш за стройматериалами. Ракушки, камешки цветные, «слёзки» — всё, что красивого найдёшь. А я

тут пока проектом займусь...

Когда он вернулся с находками, работа на стройплощадке уже кипела, а их небольшая бригада успела вырасти в целых полтора раза.

— Андрей, знакомься, — кивнула головой Катя в сторону симпатичной черноволосой девушки, подстриженной под Мирей Матье, — Марина... — она запнулась.

— Да ничего, можно просто Марина, — приветливо заулыбалась девица, — сколько я тебя старше. Сама год всего, как школу кончила.

— Ага. Привет, — он уселся рядом. — Ну и что сейчас, учишься где, работаешь?

— Чертёжницей в КБ.

— Вот, Катерина Максимовна. *Вот* кому вам надо было план поручить рисовать, — Андрей с ехидной усмешечкой перевёл взгляд на кривые контуры будущих укреплений.

— Отставить критику начальства, — раздался вдруг у них над головами незнакомый голос. — Помощь профессиональных строителей не требуется?

Все трое подняли глаза. Рядом, глядя на них сверху вниз, стоял атлетического сложения парень с ластами и маской в левой руке.

— А, это вы... — со слишком уж наигранным безразличием отозвалась Марина — и тут же полуприкрыла глаза, будто вспоминая. — Валера?

— Так точно!

— А я вас что-то сегодня на пляже и не заметила даже...

— Так только прибыл, — самодовольно ухмыльнулся он ей в ответ и пояснил: — Папиросы кончились. А заодно в прокат заглянул, экипировку вам подобрать, — он помахал в воздухе своей добычей.

— Ну что вы, — немного жеманно протянула она. — Не стоило беспокоиться...

— Не согласен. Я считаю, интерес к подводной охоте у девушек надо всячески поощрять. А вы меня тогда, может, на гитаре играть подучите — если настроение будет. Заметано?

— Не могу обещать… Но если под настроение… Так вы присоединиться к нам хотите? Катя, не возражаешь?

— Нет-нет. Конечно, присоединяйтесь. Будем очень рады — тут же отозвалась та и поднялась на ноги. — Екатерина Максимовна. А это — Андрей.

— Валера… Валерий Павлович.

— Валера, садитесь вот здесь, — Марина указала ему место между собой и Андреем. — Тут у нас самый ответственный участок, ворота с подъёмным мостом.

— Валерий Павлович, а вы на стройке давно работаете? — вежливо полюбопытствовала Катя.

— Да с полгода где-то, сразу после дембеля. Решил, танк водить умею — с экскаватором как-нибудь справлюсь. Ну и записался на ударную комсомольскую. Усть-Илим, слышали наверняка. Майя Кристалинская ещё поёт. Только сейчас это город уже, пятьдесят тысяч скоро будет. И деньги очень неплохие, квартиру вот-вот обещают. Хорошо б только жениться сначала — чтобы двухкомнатную сразу. А главное, такая красотища кругом… Тайга нехоженая, Ангара…

Скоро выросшие крепостные стены украсились разноцветными зубцами, а над покрытыми ракушками крышами башен гордо взвились голубые и розовые флаги из раздраконенной Мариной пачки «Беломора»…

— Кать, а чего это ты с ним церемонно так: Екатерина Макси-имовна, Валерий Па-авлович?.. — с ироничной интонацией поинтересовался Андрей, когда Валера увёл их новую знакомую осваивать подводное ружьё. — С Мариной же ты вообще на «ты».

— Да вот тебя забыла спросить. А ты-то, похоже, меня и с ним уже свести надумал. Малолетки мне только не хватало…

Ой… извини…

— Раскатала губу, — он не обиделся — но и поводом отпустить шпильку не пренебрёг. — Шансов у тебя против Марины — никаких. Ты для него старушка уже. Другое скажи, как думаешь, они поженятся?

— Не знаю… Может быть.

— А сама говорила, курортный роман — не комильфо.

— Я говорила, что со мной такого не случится, — взглянула на него Катя со снисходительной усмешкой. — Как бы всякие ни интриговали тут.

Terra incognita

Что ещё надо взять с собой?.. Катя заглянула в пакет... Вот чёрт! Чуть не забыла совсем. Она вытащила книгу, которую читала вчера в автобусе, и засунула подальше в шкаф, под стопку белья. Ну, вроде, всё... Андрей уже ждал её внизу: после обеда они договорились сходить на разведку в город. Занятый чем-то, он не заметил, как она бесшумно подкралась сзади...

— Гав!

Андрей дёрнулся, как от удара током. Верёвочный узор свалился с пальцев.

— Ну вот, всё испортила. Никакого уважения к чужому труду.

— Ну, извини. Но согласись, такой соблазн...

— Соблазн, да? Вот погоди, посмотрим, что у *меня* за соблазн появится — когда ты в следующий раз на пляжу задрыхнешь, — он пошевелил указательным пальцем, как будто щекоча кого-то за пятку.

— Ты хочешь, чтобы я там при всех подскочила и взвизгнула? Это будет неприлично.

— А лаять на людей — прилично?

— Так не видел же никто. Ты лучше игре этой меня научи — я и не знала, что она на одного тоже бывает.

— Прямо сейчас?

— Не, потом как-нибудь. Сейчас у нас времени не так много. Где ты её подцепил, кстати?

— У Гарднера, в «Математических досугах». Эта фигура называется «Лестница Якова», а вообще игра — «Кошачья колыбелька». Я думаю, у Воннегута — как раз про неё.

— Правда? Здорово! А какое отношение она к математике имеет?

— Да никакого, по-моему. Но математики вообще играть любят.

— Надо же, никогда б не подумала. И много там у него игр?

— До чёрта.

— Может, мне тоже почитать стоит. Ну, пошли. И хорошо, что ты фотоаппарат захватил, а то я забыла. У тебя, смотрю, хороший какой-то? Я в них не очень разбираюсь.

— Ну, не «зеркалка», конечно... «Киев-4А». Предки на последний день рожденья подарили.

— Везёт тебе. А у меня только «Смена» древняя, дедушка ещё себе покупал.

Через парк они вышли на неширокую тропинку, лениво взбирающуюся между редких кустов в гору. Солнце светило в глаза, и Катя надвинула панаму поглубже на лоб. Какое здесь всё яркое, солнце, небо, море... Андрей, воодушевлённый её интересом, всю дорогу разливался о какой-то ещё одной математической игре, под названием «Жизнь». И что он написал для неё на специальном языке программу, но у родителей в институте всё никак ЭВМ не наладят, так что запустить её ему пока негде... Вдруг что-то остро кольнуло подошву. Она остановилась вытряхнуть камешек, а провожатый её, воспользовавшись заминкой, тут же ускакал в сторону, к обрыву над морем. Нет бы помочь, руку подать. «Джентльмен», называется...

— Кать, иди сюда скорей!

Андрей стоял почти на самом краю, чуть наклонившись вперёд и вытянув шею. От одного этого вида по спине у неё пробежали мурашки — но не выставлять же себя трусихой. Собравшись с духом, она подошла, встала рядом... Скала срывалась здесь почти отвесно, и там, далеко внизу, кипел рваными клочьями пены едва слышный отсюда прибой. Ниже их кружились над волнами чайки, наполняя пропитанный солью и йодом воздух своими тоскливыми, пронзительными криками. И было очень странно смотреть на них вот так, сверху... У Кати закружилась голова, она покачнулась, судорожно впилась Андрею в руку.

— Тебе страшно? — спросил он, отведя её подальше от обрыва.

В его голосе ей послышалось удивление.

— К-конечно... — она всё ещё не до конца пришла в себя. — А тебе, что, нет?

— Страшно... — после секундного колебания признался он.

— Ну так и чего тогда? Покрасоваться? Нервы пощекотать?

— Ну... не без того... Ты там, во сне...

— В каком сне? — она не сразу поняла, о чём он. Но тут глаза её округлились. — Ты, что, хочешь сказать, ты *меня* сегодня во сне видел?

— Видел... — Андрей выглядел смущённым. — Не, ну а чё такого? Вылупилась, как на придурочного... Ты там с такой же вот примерно скалы сиганула. А тут ещё, выходит, правда плаваешь как русалка...

— Спасибо, — сразу же довольно заулыбалась она. — Только это-то здесь при чём?

— Ну... ты в неё превратилась там, во сне... В русалку, в смысле — нырнула когда.

— Я — в русалку?! — Катя совсем успокоилась: и вовсе нет тут ничего *такого*. Всего лишь забавный сон. — Ну ты даёшь!

А дальше?

Он не сразу ответил, и она подумала, что, пожалуй, нехорошо приставать вот так к человеку.

— Извини, я не собиралась у тебя выпытывать. Просто не каждый ведь день про тебя такое рассказывают.

— Да не, ничё... Потом мы танцевали где-то. Вчера, помнишь, я тебя ещё раз пригласить хотел? Потому, наверное, и приснилось...

— Заведующая говорила, в городе где-то танцплощадка есть. Если хочешь, можем поискать.

— Да нет, зачем... Ну, давай...

Андрей потёр ладонью правую руку, всё ещё не отошедшую до конца после Катиной мёртвой хватки. Взглянул украдкой на идущую рядом спутницу... Ну девчонка — и девчонка. Вот была бы у него и правда старшая сестра, вполне могла бы быть её подругой. Знал бы её с детства, с самого начала были бы на «ты»... Иногда и правда забываешь, что она училка. И что всё это — только игра на три с половиной недели, пока они тут... Он опять незаметно бросил на неё взгляд... Игра... Но он же вовсе не пытается чего-то там из себя изображать. Это как раз в школе постоянно приходится играть какую-то роль, подстраиваться под чьи-то ожидания... Так, может, и Катерина Максимовна — просто тоже такая роль. А настоящая Катя — вот она, здесь, рядом...

Дорога отсюда пошла вниз и через минуту весь город открылся перед ними как на ладони. Это был даже не город, а так, городок, ПГТ тысячи на три жителей, не больше. За беспорядочным скоплением частных домишек немного особняком стояло несколько многоквартирных двух- и трёхэтажек, какой-то высокий лабаз без окон. А ближе к берегу — сельпошного

вида магазинчик и маленькая кафешка с четырьмя столиками на веранде.

Это не считая пары рядов прилавков под открытым небом, прямо у забитого под завязку пляжа. Там предприимчивые «аборигены» торговали фруктами, вяленой рыбой, живыми мидиями, высушенными лакированными крабами и морскими коньками, контрабандными сигаретами, домашним вином... Всем, чем только можно и чем нельзя. Кате сразу же приглянулась золотистая — к купальнику, наверно, подумал Андрей — соломенная шляпка с нашитыми по кругу крашеными ракушками.

— Ну, что скажешь? — покрутила она перед ним головой.

— Отлично! Бери, — одобрил он.

— А ты купи себе вон ту фуражку.

Фуражка была действительно, что надо: белая, вроде капитанской, с золотым якорем на вышитой кокарде. Но цена...

— Да ну... — Андрей отмахнулся и сделал скучное лицо. — На кой она мне...

— Ну я же вижу, что она тебе понравилась, — продолжала настаивать Катя. — А у тебя вообще никакой шляпы нет.

— Как это нет? А это что? — указал он на свой газетный картуз.

— Это — не считается.

— Кать, ну дорогая она слишком. Плати за свою и пошли отсюда.

— Хорошо, уговорил, — согласилась она. — Только сначала всё равно примерь. Просто так, для меня.

Андрей неохотно напялил на себя фуражку, и продавец, всё ещё не потерявший надежды, тут же услужливо подставил ему чуть потускневшее от времени зеркало с одним отбитым уголком.

— Ой! Тебе так идёт! — захлопала в ладоши Катя. — А вот скажи мне тогда ещё одну вещь. Моя шляпка, она тоже

слишком дорогая? По твоему мнению.

Не почувствовав подвоха, Андрей пожал плечами:

— Твоя — нормально.

— Тогда подари мне её!

До него дошло.

— Катя, это нечестно…

— Тебе жалко сделать мне подарок? — голос её задрожал в притворной обиде.

— Нет, конечно. Кать…

— Тогда плати, — тоном, не терпящим возражений, заявила она, скрестив на груди руки.

Андрей вздохнул и с осуждающим взглядом достал из кармана кошелёк.

— Спасибо, — подчёркнуто кротко поблагодарила Катя, убирая в пакет не нужную больше панаму. — А сейчас я тоже хочу сделать тебе подарок…

Парк на окраине, куда их направил всё тот же торговец с базара, оказался обычной рощей с натыканными без заметной системы «объектами культуры и отдыха» — от ресторанчика с видом на море, источающего ароматы шашлыка и жареной во фритюре картошки, до поросшей травой площадки для игры в городки. Обещанные «всякие аттракционы» — если не считать поломанной детской горки — оказались представлены лишь комнатой смеха и свежевыкрашенными в яркие попугайные цвета лодками-качелями. Идти на которые, в своей юбке-солнце, Катя отказалась наотрез. Но полторы дюжины кривых зеркал окончательно развеяли остатки принуждённости, возникшей после её неудачной выходки с «подарками». Чем она его обидела? Тем, что у неё денег больше? Ну так это же очевидно… Или как раз выставленная напоказ очевидность ему и

обидна? Нет, всё-таки она совершенно не умеет обращаться с людьми... Что она в школе делает? Случайный человек. И в пед-то этот злосчастный потому лишь пошла, что там каким-то чудом японский факультативно предлагали...

Как иногда странно жизнь поворачивается. Любое, самое, казалось бы, незначительное событие, просто дурацкая случайность может направить её совсем в другую сторону... Хотя тут, правда, во всём бабушка виновата: дался ей этот несносный Петька Скрыпник. «Такой хороший мальчик, лучше с ним дружить, чем с хулиганами всякими.» Хороший, ага. На скамейке под ивой «К+П» ножом вырезал — до самого лета их потом «женихом и невестой» дразнили. И чтоб после такого она его на день рожденья приглашать стала? Но бабушка ж хитрая, в последний момент выставила на стол парадный сервиз. Мол, ты большая уже девочка, во второй класс идёшь... Вот только чашка одна лишняя — как сразу не подумали? Надо было одиннадцать гостей звать. Позвони Петеньке, он ведь с тобой за одной партой сидит.

Через десять минут, наверно, уже тут был, схватил первое, что родители предложили. Книга — лучший подарок. Она даже не раскрыла её, пока гости не разошлись... А потом читала всю ночь — тайком, на балконе с фонариком — эти странные, непохожие ни на что стихи... И видела луну, встающую над снежной вершиной Фудзи, розовый в лучах утреннего солнца Замок белой цапли, печально опадающие после быстролётного цветения лепестки сакуры...

На плешке перед летним кинотеатром в этот неурочный час было пустынно. Окошечко кассы задвинуто фанеркой, на двери — огромный амбарный замок.

— Опять, значит, через балкон лезть, — как о чём-то, само собой разумеющемся, сообщил Андрей, скользнув глазами по афише.

— Почему? — Катя удивлённо подняла на него взгляд,

отрешившись от своих воспоминаний.

— Потому что сеансы в десять, а в одиннадцать уже вход запирают. Остаётся, правда, дрыхнущий всю ночь сторож, но чем с ним связываться, проще, по-моему, так обойтись.

— А ты откуда всё это знаешь?

— У Севочки спросил. Им вчера говорили.

— Вот ты привыкнешь его так за глаза называть, а потом и ляпнешь нечаянно.

— Подумаешь. Главное, чтоб ты не ляпнула — а то Людочка тебе глазёнки-то повыцарапает.

— Сам дурак! — она рассмеялась и шутя огрела его пакетом пониже спины. — Пошли дальше. Всё равно путного ничего на этой неделе нет, старьё одно.

Дальше была только та самая танцплощадка — и впечатления на Катю она, мягко говоря, не произвела. Два столба с растянутой между ними проволокой, на которой болталась одинокая лампочка под жестяным абажуром. И на одном из них — допотопный громкоговоритель, помнящий, судя по виду, ещё сводки Левитана. Понятно, почему сюда даже билеты не продают.

— Ну и ладно, чёрт с ним, — Андрей, должно быть, заметил, как скривились её губы. — Под «Осенний сон» танцевать.

— Нет, почему... Можно и сходить разок, на пробу. Да хоть прямо сегодня. Не понравится — уйти ж никто не мешает. И чем тебе «Осенний сон» не угодил? Ты его вообще узнаешь, если услышишь?

— Что значит, узнаешь? «С берёз неслышен, невесом...» Или как его там.

— Горе ты моё луковое. Это песня на стихи Исаковского. Ты их у меня ещё наизусть учить будешь. Вот специально вызову!

— Вредина, — скорчил он ей комичную рожу.

— Не вредина, а забочусь о твоём культурном росте, — самодовольно оскалилась Катя. — Чтоб запомнил, что «Осенний

сон» — это старинный английский вальс. Его, между прочим, на «Титанике» играли, пока тонул — если не врут, конечно.

— Ну хорошо-о, хорошо-о, — с деланым занудством согласился Андрей, — посыпаю голову пеплом. В вальсах я не копенгаген. И вообще танцевать не умею.

— Да я, если заметил, тоже... Хотя всегда научиться хотела. Но всё как-то руки не доходили... Или в данном случае как раз правильнее будет сказать, ноги?

Андрей отодвинул пустой стакан и вытащил из заднего кармана карту.

— Как насчёт сейчас на север разведать — как Шер-Хан с Табаки?

— Фот шуда, што ли, к рошше? — Катя ткнула в листок пальцем, запихивая в рот последний кусок рогалика.

— Нет, низом, под скалами.

— Это как, вплавь? Там же море сразу.

— Не сразу, в ту сторону песка немного есть, я видел.

— Хорошо, пошли. Жди меня на площадке, я быстро. Купальник только опять надену.

Когда она наконец появилась, Андрей встретил её гнуснейшей ухмылочкой.

— У меня для тебя две новости, хорошая и плохая.

— Ну, излагай.

— Ветер переменился к берегу — медуз нагонит прорву.

— Это хорошая или плохая?

— Вообще-то, не очень. Но ты ж утром большую кусачую так и не поймала.

— Ну, допустим. А какая тогда совсем плохая?

— Твой замок...

Катя ахнула и бросилась к перилам. Разгулявшиеся от ветра

волны уже почти смыли их шедевр песочной архитектуры.

— О, мой замок! — трагично заломила она руки. — Мой чудесный волшебный замок! О, я — несчастнейшая из принцесс!

— Ничего не поделаешь, ваше высочество, придётся переквалифицироваться назад в Золушки. Sic transit gloria mundi. Ладно, поторапливайся давай. Нас ждут великие дела.

Очень скоро полоска песка вдоль скал стала слишком узкой для двоих, а ещё через несколько десятков метров кончилась совсем. Но на умильно-просительный взгляд Кати Андрей решительно заявил, что настоящие первопроходцы не отступают перед первой же встреченной в пути трудностью. И горделиво поправил фуражку, ясно давая понять, чей сейчас черёд командовать.

— Есть, капитан... — обречённо вздохнула его спутница и покорно зашлёпала рядом с ним по воде. И вдруг закричала: — Ой, Андрей, смотри!

В отдалении, сверкая на солнце чёрными глянцевыми спинами, плыли, выпрыгивая по двое, по трое из воды, дельфины. Их было не меньше десятка.

— Класс! Я их тоже первый раз в жизни вижу.

— Ты ж говорил, дважды уже на море ездил.

— Ну, может, в Крыму их нет. Или тамошние людей боятся... Чёрт! А фотоаппарат не взяли. Ну вот всегда так!

— Да ладно, не расстраивайся. Если они нам вот так сразу же попались, значит ещё будут. Скажи лучше, как думаешь, если к ним подплыть, они не испугаются? Представляешь, если покататься на себе дадут.

— Ага, дадут. А потом догонят — и ещё раз дадут. Ну ты, что, серьёзно, что ли? Они же вполне и утопить могут. Или руку откусить — не видела, какие у них зубы?

— Ты что! — возмутилась Катя, — Дельфины, наоборот, людей спасают. Все так говорят.

— Ну да, все — которых спасли. А которых утопили, те уже

ничего никому не говорят.

— Циник ты!

— А что, циник? — не преминул возможностью блеснуть эрудицией Андрей. — Как будто в этом есть что-то плохое. Мне, чтоб ты знала, Диоген всегда нравился.

— Бочкой обзавёлся уже? — хихикнула она в ответ.

— Климат у нас неподходящий. А в остальном я с ним полностью согласен. Особенно насчёт космополитизма.

Катя иронично взглянула на него.

— И где ж это вы, молодой человек, слов-то таких поднабрались?

— Ну а чего? — Андрей был крайне доволен собой. — Ты, что, думала, я совсем тёмный?

— Нет, конечно. Интересно просто. Не так давно за подобные заявочки вполне можно было и из комсомола полететь.

— Чё, правда? А мне вот идея сразу понравилась. Ну прямо в точности про меня. Это в книжке одной было, «Иудейская война» называется — классе в пятом читал, кажется. Там про одного...

— Вот, дожили, — прервала его, рассмеявшись, Катя. — Уже и ученики мне лекции по европейской литературе читать начали. Эх, и чего мы с тобой раньше так не разговаривали... Ты б у меня давно уже отличником был...

— Так не всё ещё потеряно, — ткнулся он в неё плечом. — Имеешь все возможности...

Но вот прибрежная полоса песка появилась опять, постепенно расширяясь и расширяясь — пока не уткнулась в глухой, образованный резким изломом берега тупик. А в этом тупике, заваленный нанесёнными штормами всевозможным морским мусором, приютился крошечный, почти игрушечный грот.

— Ура, пещера! — радостно завопила начавшая уже немного скучать Катя. — Сокровища!

— Насчёт сокровищ — сомневаюсь. Но всё равно, давай её расчистим, — Андрей взялся за лежащий поперёк входа кусок ствола. — Ну-ка, помоги...

— Ну вот. А ещё меня эксплуататоршей обозвал. Сам такой. Может, я вовсе даже не хочу работать.

— У нас в стране, кто ест, тот и работает. А ты как раз только что поела. Так что, давай, не тунеядствуй.

— Врёшь ты всё. Наоборот, кто не работает — не ест.

— Так это одно и то же. «Из *A* следует *B*» эквивалентно «из не *B* следует не *A*». Матлогика.

— Ну, если так... — сдавшись под давлением веских научных доводов, она ухватилась за другой конец бревна...

После часа ударного труда грот приобрёл уже вполне жилой вид. Места в нём едва хватало на двоих, а о том, чтобы встать во весь рост, не шло и речи. Но сидеть рядом или лежать на его ровном песчаном дне было очень даже уютно.

— А вот хорошо бы как-нибудь пикник здесь устроить, — размечталась Катя. — Как думаешь? Тут, я поняла, полдник на вынос можно взять.

— Да, наверно... — казалось, мысли Андрея были заняты чем-то совершенно иным и отвечает он чисто машинально. — А ведь мы с тобой, похоже, первые, кто это место нашёл. Никто, кроме нас, о нём не знает. Ну то есть *вообще* никто.

— Считаешь?

— Ну вот сама смотри. Не за неделю же сюда столько хлама нанесло, и не за месяц даже. Если б кто знал, давно уже расчистил бы: правда ж классное место. И топали мы сюда сколько, вспомни. Большую часть — по колено в воде. Других таких идиотов поискать ещё... Разве что из прошлых заездов кто, но и они никому... Стой! Ты ведь не собираешься наш секрет растрепать?

— Чтоб я сдохла!

— Нет, вот ты только представь! — продолжал возбуждённо разглагольствовать Андрей. — Здесь, возможно, никогда ещё не ступала нога человека. Мы здесь — самые-самые первые, как первые люди на Земле.

— Ага. Адам с Евой, —насмешливо вставила Катя.

— Ну да, — с энтузиазмом подхватил он, не обращая внимания на её сарказм. — А это — наша пещера, в которой мы укрываемся от непогоды и саблезубых тигров. Если развести перед входом костёр... Скажи, ты читала повесть, где людям создавали обстановку из прошлого — чтобы они туда телепатически перенеслись?

— «Меж двух времён»?

— Ну да, она. Откуда ты знаешь, может, там, наверху, нет уже... *ещё* никакого пансионата. Может...

— Глупости! Мы для этого месяц тут должны были бы прожить, безвылазно. На подножном корме и в звериных шкурах.

— В каких ещё шкурах? Здесь же тепло!

В воздухе повисла неловкая пауза...

— А я-то думала, математики — серьёзные люди, — постаралась разрядить обстановку Катя. — Только тебя ж, чуть что, в такие фантазии заносит... Любой гуманитарий от зависти позеленеет.

— Конечно, серьёзные, — с видимым облегчением переключился на новую тему Андрей. — Но одно другому не мешает. Вот Гильберта такого знаешь?

— Ну, слышала — ты ж о Шекспире тоже, поди, слыхал, — показала она ему язык.

— Я даже «Ромео и Джульетту» читал, — тут же отпарировал он. — Так Гильберт этот сказал однажды, про одного своего бывшего ученика, что тот стал поэтом, потому что для математики у него не хватило воображения. Что, съела?

— Да уж... Не знаю, как там насчёт воображения, но от

избытка скромности некоторые математики точно не помрут. Хуже даже поэтов, вот ей-богу!

In vino veritas

Андрей открыл глаза, отбросил в сторону простыню и одним стремительным движением вылетел из постели. От переизбытка энергии подпрыгнул на месте ещё несколько раз, пытаясь достать до высокого потолка — и только тут сообразил, что выбрал для подобных упражнений не самое удачное время. Затаив дыхание, он прислушался у двери в соседний номер... Ни звука. Похоже, всё ещё спит... Стараясь больше не шуметь, он наскоро умылся и вышел на балкон. Шторы задёрнуты наглухо — ну точно, спит как сурок. Сурчиха, в смысле.

Тишина, ни души кругом. Далеко в море, сквозь лёгкую утреннюю дымку угадываются силуэты плывущих куда-то кораблей... Идеальное начало идеального дня... Но откуда тогда взялось это странное чувство неудовлетворённости? Как будто чего-то не хватает. Чего-то очень-очень важного... Андрей вернулся в комнату, раскрыл наугад Блока...

И перья страуса склонённые
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

И вдруг понял: ему же просто скучно. Вот уж чего он от этой поездки никак не ожидал... Разбудить её, что ли? Не, ну серьёзно, сколько можно спать?!

Хотя в действительности было ещё довольно рано. Он, вероятно, и сам бы сейчас спал без задних ног, не случись вчера событие, которое расстроило все их планы на вечер. Как раз во время ужина по радио передали об успешной стыковке — и весь народ, наскоро подчистив тарелки, ринулся к телевизору. А после Катя раззевалась во весь рот и заявила, что хочет спать. И что на танцы идти всё равно уже поздно, а лучше выспаться хорошенько после вчерашней ночи...

Он вылез из кресла и в нерешительности остановился перед закрытой дверью... Ну а чего такого, вчера же она будила его. Так какая разница... Не получив ответа на свой осторожный стук, Андрей приоткрыл дверь. Сантиметров на пять всего — и тут же захлопнул опять. Щёки его горели. Кроме перекинутого через подлокотник кресла знакомого цветастого халата, он не успел разглядеть ничего — но и от одного этого возникло гадкое ощущение, будто он подглядывает. Воспользовался благовидным предлогом. А погромче постучать, что, нельзя было? С силой взъерошив волосы, чтобы как-то унять волнение, Андрей снова сел. Затем глубоко вдохнул и с новой решимостью подошёл к двери, отбарабанил по ней «Пионерский марш».

— Где пожар?.. — раздался с той стороны сонный голос.

— Кукареку! Ты дрыхнешь уже почти девять часов.

— И что с того?

— Жизнь пролетает мимо! А прожить её надо так, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно проспанное утро.

— А ну тебя!

Но дело было сделано. Через несколько минут Катя выпорхнула на балкон, бодрая и весёлая.

— Правильно, что ты меня разбудил. Да я и так, считай, проснулась уже, лежала с закрытыми глазами. Топают кругом,

дверьми хлопают. Но до того вставать было лениво... — она сладко потянулась. — До завтрака в парке посидим?

Только очень скоро их высокоучёная беседа о том, может ли ЭВМ сочинять стихи, была прервана появлением ещё одной поднявшейся с петухами особы.

— Доброе утро. Погода сегодня. Не так жарко, как вчера — не находите? Не возражаете, если я присяду с вами? — произнесла она тоном, не предполагающим никаких возражений. — Екатерина Максимовна? Я правильно запомнила? — обращалась она только к Кате.

— Конечно, Людмила Игнатьевна, присаживайтесь. Доброе утро.

— Ах, так вы тоже знаете уже моё имя? Прекрасно. Ну и как вам здешние условия? Я, прямо скажу, не в восторге. Вот позапрошлым летом в Пицунде... Конечно, вам-то, на западной стороне — совсем другое дело: тень, вид... Но наш номер... — она поморщилась.

— Знакомьтесь. Андрей Кузнецов, один из моих учеников, — Катя не представляла, что тут можно сказать, и попыталась увести разговор в другую сторону. Да и неловко как-то, когда игнорируют вот так человека...

— Да-да, — Людмила Игнатьевна не удостоила его даже взглядом, — я знаю. Вы ведь учительница...

— Русский язык и литература, — с готовностью пояснила Катя в ответ на её вопросительный взгляд.

— И правильно. «Жи-ши, ча-ща»... Просто, без выкрутасов. В сберкассе у нас, Всеволода Илларионовича заместительницы дочь тоже в этом году в институт идёт. Но выбрала зачем-то физмат. Вот к чему девочке подобной белибердой голову себе забивать? Не можете объяснить? И я не могу.

— Андрей, кстати… — Катя сделала ещё одну попытку, но ей не дали даже закончить.

— На *пару* нашу наверняка внимание обратили уже? К ужину вчера явились *под руку*. Знакомы один день. Что ни говорите, но в наше время у девушек была гордость. И ведь не дурнушка какая, из тех, кому рассчитывать больше не на что.

— Катерина Максимовна, — подал вдруг голос Андрей, — помните, вы до завтрака план урока по Павке Корчагину закончить собирались? Я вам вчера вечером цитаты подобрал, как вы просили.

— Ах, да, совсем за разговором из головы вылетело, — поспешно вскочила она со скамейки. — Спасибо, Кузнецов, ты у меня здесь за секретаря просто. Вот такая наша жизнь, Людмила Игнатьевна, покой нам только снится. В следующий раз обязательно договорим.

Почти бегом они вернулись в вестибюль.

— Спасибо, Андрей, правда, — Катя улыбнулась его отражению, поправляя перед зеркалом «завлекалочки». — Никогда не умела из подобных ситуаций выходить. Ты у меня не за секретаря здесь, за спасителя.

— Ну давай, давай, заканчивай, — Андрей уже поел и от нечего делать раскладывал спичечные головоломки. Но что за интерес, когда все решения знаешь? — Экскурсия сегодня — помнишь? Записываться пошли.

— Да ну, неохота. Сам иди.

— Ты не хочешь ехать? — удивлённо переспросил он. И уже расстроенно закончил: — Мы же собирались…

— Почему, не хочу? Хочу, конечно. В очереди толкаться неохота. И кошелёк я в комнате забыла — заплатишь за меня, ладно? Пожалуйста. А я тебя у фонтана подожду. Утро сегодня

такое чудесное… Людочка, надеюсь, не явится больше.

Вестибюль, как в день приезда, опять наполнился шумом и гамом. Андрей пристроился в хвост очереди. Нет, ну вот как такое понимать? В тот раз вообще с ним, как с младенцем: стой, не рыпайся, пока я тут всё. А сейчас наоборот, всё на него свалила. Нет в жизни совершенства, а в женщинах — последовательности…

— Готово, — с чувством достойно выполненного долга доложил он, усаживаясь рядом с ней на скамейку. — Совершенно отпадная экскурсия, едем в винсовхоз. Всё расскажут, покажут, что да как с начала до конца. А потом будет дегустация. И ещё в магазине ихенном отовариться дадут.

— Хм. И во сколько же мне это удовольствие обошлось? — подозрительно поинтересовалась Катя.

— Что, не надо было? Я думал, тебе понравится.

— Да понравилось, понравилось, — успокоила она его. — Это я так. А открытки — вместо билетов, что ли?

— Нет, там просто по фамилии записывали. А открытки та же тётка продавала, с местными видами. Купил нам с тобой по штуке, родителям послать. Выбирай.

Но на глазах у Кати неожиданно выступили слёзы.

— Катя, что с тобой? — Андрей в замешательстве взял её за руку.

— Ничего… — шмыгнула она носом и отвернулась. — Только нет у меня родителей…

— Кать, прости, я же не знал…

Она вытерла слёзы и встала, не глядя на него.

— Ладно, чего ты извиняешься. Не виноват ни в чём… Пошли наверх…

Катя редко давала волю эмоциям — тем более, на людях. И

уж никак не думала, что способна разнюниться вот так перед учеником. Но захотелось вдруг выговориться, открыть кому-то, что всегда держала в себе... Они сели на край кровати, и она начала сбивчивый рассказ про то, как шесть лет назад у мамы обнаружили рак. Когда сама ещё в школе была, совсем как Андрей... А бабушка этого не перенесла, слегла почти сразу и больше не вставала уже... О Москве, понятно, пришлось забыть. Институт восточных языков — куда она давно собиралась... Но хуже всего, мама потом себя за это винила... А уже в самые последние дни только и причитала, что лишь бы до распределения дожить: не то ушлют доченьку в деревню — и хорошо, если квартиру в результате не отберут...

После похорон соседи звали её пожить первое время у них, но не могла она вообще этот дом видеть... Девочки из группы нашли ей койку в общаге. Сколько она там прожила, два, три дня... четыре — не знает точно... Кто-то приходил, уходил, пил с ней водку... Кто-то — ей уже потом сказали — попытался увести её с собой, но его выставили. Сама она этого не помнит... И если бы не старая сердобольная вахтёрша тётя Люба, приютившая её у себя, так и завалила бы она и госы, и диплом...

— Ну а отец? — в голосе Андрея слышалась неуверенность, стоит ли задавать этот вопрос. — С ним что?

— А отца у меня никогда не было. — Катя встала налить себе воды из графина, но не вернулась на кровать, присела на краешек стола. — В свидетельстве о рождении — прочерк. Мама никогда о нём не говорила и бабушке с дедушкой запретила настрого. Если они вообще что-то знали. Даже перед смертью ничего не сказала. Звали его, скорее всего, не Максим: это, по её словам, она чисто для благозвучности так меня записала. Или, может, в честь Максима Горького — любимый писатель у неё был... И, прежде чем спросишь, других родственников тоже нет. Никого нет, — вздохнула она, — даже кошки — у меня от них раздражение.

— Так ты это, значит, по маме Шевченко... — пробормотал, непонятно к чему, Андрей.

— Больше не по кому...

— Слушай, а чего ты тогда по русскому пошла, а не по украинскому?

— Хочешь сказать, с такой-то фамилией? — грустно улыбнулась она.

— Нет... Но и это тоже, конечно, — улыбнулся он в ответ.

Она рассмеялась. Хотя скорее, просто чтоб не разочаровывать его: видно же, он пытается отвлечь её, как умеет.

— Ну вот представь, если ты и по русской-то литре программу ругаешь, что б тогда было? Ты бы меня вообще за человека не считал.

— С чего ты взяла? Мне твой однофамилец, между прочим, как раз очень даже нравится. Нет, серьёзно.

— А серьёзно, это другая история. У меня ведь с Украины дед только — но его ещё в двадцатые раскулачили и в Сибирь сослали. Там он и на бабушке женился. Самое большое везение в его жизни, как она всегда шутила.

— Что на ней женился?

— Что сослали.

— Это как?

— Ну, во-первых, он же в результате и правда на ней женился. Но главное, ему это, вполне возможно, жизнь спасло — на самом деле, без шуток. Во всяком случае, родственников его никаких мы потом так и не нашли. Хотя дедушка очень долго искал.

— Конечно, если так взглянуть... — задумчиво протянул Андрей. И вдруг хмыкнул: — А знаешь, на что это похоже? На сомнительных эльфов — у Генри Каттнера, читала? Которые и удачу приносят сомнительную.

— Читала. Ну да, один в один. Жаль, самой в голову не пришло: бабушка посмеялась бы, она у меня весёлая была... Так

вот там, в ссылке, мама и родилась. Ну и я тоже. А на Украину мы уже при Хрущёве вернулись, после реабилитации... Но что это я всё о себе, да о себе? Расскажи и ты мне что-нибудь.

— Да мне как-то даже и рассказывать нечего. По сравнению...

— Скажи ещё, завидуешь.

— Ну я же не в том смысле. Мне правда не о чем... Мама — из деревни, такой, что вот точно, «только самолётом». После школы в красноярский политех поступила, там и отца встретила, он — городской... На Украину когда переехали, я во втором классе был. Мама в Харьков хотела: чтоб большой город и говорили по-русски, но туда поменяться не удалось... Работают оба в проектном институте, отец — начальник отдела, а мама — профорг освобождённый. Так и путёвку эту получил, по блату... Братьев-сестёр тоже нет... Кошка есть, — он снова улыбнулся. — Точнее, кот — Барсик. Всё...

— Ну вот видишь — а говорил, ничего интересного. Мы с тобой, оказывается, дважды земляки: я ведь тоже красноярская — из Туруханска. Надо же, как людей по стране носит... — Катя подошла к окну и посмотрела на море. — Ладно, давай на пляж, что ли. Время до обеда ещё есть... А открытку ты мне правильно купил: я её Свете пошлю. Она меня и проводила, и встретить обещала. Сама должна была догадаться черкануть ей что-нибудь.

Сухая очкастая экскурсоводша, поводя то и дело рукой в сторону тянущихся к горизонту виноградников, продолжала бубнить что-то про сорта, климат, почвы, осадки... Андрей зевнул. Пока что экскурсия не оправдывала его ожиданий. Поболтать — и то нельзя: на попытку завести разговор, Катя лишь шикнула на него и велела фотографировать всё подряд. А чего

тут фотографировать-то? Он клацнул ещё раз её — с блокнотом и ручкой в руках. Записывает. Перед знакомыми блеснуть. И это он, значит, выпендриваться любит. На себя б посмотрела.

Но даже самая скучная лекция не может длиться вечно. И вскоре терпение его было частично вознаграждено. Андрей издал непроизвольный хрюкающий звук и слегка ткнул Катю в бок локтем.

— Чего тебе опять? — стараясь не мешать другим, прошептала она.

— Гляди, — указал он ей взглядом. — Только сначала рот зажми покрепче.

На стене здания, к которому они подходили, красовалась белая мемориальная доска с надписью: «Здесь в период героической обороны Малой земли неоднократно бывал Леонид Ильич Брежнев». Кате потребовалось несколько секунд, чтобы побороть еле сдерживаемый ладошкой хохот. Наконец, она отняла руку и зашептала опять:

— Ну и что? А где ему, по-твоему, ещё свои политинформации было проводить? Не в окопах же. А тут вся обстановка располагает к приятной вдумчивой беседе. Не смыслишь ты ни черта в партийной работе…

Отсюда экскурсия пошла заметно веселее — ну а винными погребами Андрей был просто очарован. Мрачные сводчатые казематы хранили в себе дух давно ушедших эпох. Огромные дубовые бочки, затянутые паутиной стеллажи с бутылками… Было во всём этом что-то таинственное, средневековое, романтичное… Он опять чуть толкнул свою спутницу:

— Класс! В книжках вино всегда в паутине приносят. Эх, вспышки у меня нет…

Только Катя, очевидно, не разделяла его восторгов.

— Ну и что хорошего? — безо всякого энтузиазма отозвалась она, обхватив себя руками за плечи — видно было, что ей немного страшно. — Пауки… мерзость какая. Бррр…

— А я вот что подумал, — начал невиннейшим голосом Андрей, решив воспользоваться ситуацией и немного подразнить её, — пауки тутошние, они кого едят?

— Мух, естественно. Тоже мне, нашёл тему, — Катя взглянула на него с явно выраженным неодобрением.

— Да, но мухи-то здесь откуда берутся?

— Прилетают. Что за дурацкий вопрос.

— Но зачем? Чем они сами тут питаются?

— Откуда я знаю! — уже слегка раздражённо ответила она. — Может, их специально подкармливают. Ну и чем же — ты ведь к этому всё ведёшь?

— Я думаю, — глубокомысленно изрёк Андрей, — питаются они останками заблудившихся, отставших от группы экскурсанток. Для того их сюда, наверное...

Только закончить свою речь он так и не успел, поскольку в следующий миг чуть не взвыл от боли.

— Ты чё щипаешься?! — шёпотом запротестовал он.

— А ты чего меня специально ещё больше пугаешь? Не видишь, я и так пауков боюсь? А тут ещё... мокрицы всякие... Другая какая-нибудь нечисть. Крысы...

— Ну ладно, ладно, извини, — виновато взглянул он на неё, потирая бок, — больше не буду. Вон, нас на выход уже ведут...

В дегустационном зале Катя опять достала свой блокнот. Но бок всё ещё болел, и Андрей благоразумно воздержался от просящихся на язык шуточек. А перепробовав всё, что предложили, выразил удивление, чего это люди тащатся с той кислятины, когда на свете и правда вкусное вино есть. За что был награждён снисходительным взглядом, в котором легко читалось «и что б ты в этом понимал».

Ну, может, он и правда чего не так понимает. Но видно ж было, что самой-то ей тоже понравилось, даже очень. В общем, надо брать. Только по дороге в магазин Катя начала отговаривать его:

— Андрей, ты уверен? Оно же наверняка дорогущее здесь, коллекционное. Ты на фуражку, нужную вещь, и то денег пожалел. А тут ведь чисто баловство...

Он хотел было возразить, что на то люди на курорт и ездят... Но одного взгляда на ценники оказалось достаточно, чтобы полностью пасть духом. С такими темпами он точно долго не протянет. Да и взял с собой столько...

— Ну вот я тоже ничего себе не беру — и многие так, — попыталась она утешить его.

— Да ясно... Просто как-то настроился уже... Слушай... — он не закончил фразы. — Да нет, ничего. Пошли отсюда.

Катя вздохнула и покачала головой.

— Хочешь, чтобы я тебе одолжила?

— Нет, — Андрей твёрдо решил не просить у неё денег... — Если можешь... Ненадолго совсем. Как вернёмся, я ни на что вообще тратиться не буду, честное слово...

— И сколько же ты купить надумал? Я ведь тоже не миллионерша.

— Вон те две, в центре...

— По цене, что ли, выбирал?

— По вкусу...

— Какой-то не в меру он у вас, товарищ Кузнецов, аристократический. Ну хорошо, договорились, вернёшь, когда сможешь. Но сначала выслушай меня, пожалуйста. Подумай, кого ты этим вином поить собираешься. Друзей, во дворе на лавочке? Или это родителям в подарок?

— Нет, зачем родителям... Я думал... — он запнулся.

Мысль, ещё минуту назад казавшаяся Андрею совершенно естественной, начинала выглядеть уже как минимум неочевидной. Но Катя терпеливо ждала, и он смущённо продолжил:

— Я подумал... может мы с тобой... Не сейчас, когда-нибудь... Если повод будет...

— Со мной?! — она изумлённо взглянула на него. — Но я

же... — И внезапно перебила сама себя: — Ну, если так, спасибо. Только это должен быть какой-то *очень* хороший повод. Не пьяницы же мы какие, с глазами кроликов. И давай, покупать буду я — как будто себе. Незачем лишний раз гусей дразнить. Идёт?

— Конечно. Спасибо, Кать...

«Пепси-кола». Надо же... Совсем недавно ещё о таком и подумать было нельзя. Ей вспомнилось, как в третьем классе Петька Скрыпник хвастался перед ней, что убежит на Кубу воевать с американцами и станет пионером-героем... Катя отпила из выданной в дорогу маленькой, непривычной в руке бутылочки ещё глоток. И вовсе не похожа она на газированный кофе, напридумывают же люди...

Но это — ладно, а вот согласилась она зачем? Съездили на экскурсию... Катя покосилась на уплетающего свой бутерброд Андрея. Ну и сказала бы ему, что не положено ей с учениками пить... Только чего тогда вообще было строить из себя? Катя-Русалка... А не исключено ведь, из-за фуражки той всё это и произошло. Считает, что должен ей — вот и самоутверждается таким образом. Ну точно, что он мог ещё сделать, книгу ей подарить? Сама б тоже в его возрасте решила, что заурядно слишком. А тут, понимаешь, вино в паутине. Красиво-благородно... Начитался Дюма... А сейчас, выходит, уже она ему должна будет. И когда это кончится...

— Катерина Максимовна...

Она вздрогнула, выхваченная внезапно из потока своих мыслей. В руке так и держит не надкушенный ни разу бутерброд.

— Да?.. Мой хочешь, кстати? — ей показалось, Андрей старается не смотреть на него — но глаза то и дело зыркают сами

собой.

— А вам не жалко?

— Нисколечко. Зачем аппетит перед ужином портить?

— Ну, я-то за свой не боюсь. Спасибо. Но я другое хотел спросить. У вас обратный билет есть уже?

— Есть. А что?

— Вагоны сравнить. У меня третий.

Катя порылась в сумке, доставая кошелёк.

— Одиннадцатый... Ну, что поделаешь. Будем, значит, друг к другу в гости ходить...

Пока ехали до пансионата, небо уже начало темнеть. Время ужина давно прошло, и всё, чего хотелось Кате, это поскорее умыться, переодеться и оказаться наконец в столовой. Но у самого крыльца их вдруг окликнули.

— Андрей, не представите меня своей даме?

Это был тот самый тип, сосед не пойми откуда. Вот ведь неймётся человеку...

— Конечно. Сергей Анатольевич — Екатерина Максимовна.

В душе Катя всё ещё не избавилась от некоторого предубеждения, но изобразила на лице приятную улыбку и обменялась с новым знакомым положенными любезностями.

— Екатерина Максимовна, — обратился он к ней, когда с этим было покончено, — вы извините, если я лезу не в своё дело... Но так вышло, что я сидел прямо перед вами и невольно подслушал ваш разговор. И, возможно, могу помочь. У меня в Краснодаре друг есть, однокашник бывший. А мама его где-то по железнодорожной части работает, однажды лично мне всего за день до отъезда билет достала. Наверняка у них на ваш поезд броня в одно купе найдётся.

А правда, чего она так взъелась на него, на пустом месте? Нормальный человек, вежливый, помощь предлагает. А что кольца нет, так они с женой их, может, просто не носят. Может, и не расписаны даже, мало ли, какие у людей обстоятельства...

Ну а была б она замужем — и что ж ей, не разговаривать тут ни с кем?

— Так вы, значит, из Краснодара сами? — поинтересовалась она для поддержания знакомства.

— Из Краснодара? А, нет, — рассмеялся он в ответ, — рязанские мы. Я с ним два года в интернате учился, ФМШ при МГУ. Потом, правда, пути разошлись, я на мехмат поступил, он — на физтех. Но контакт не теряли. Так как, попытаться договориться?

— Конечно, пожалуйста — если вас это не слишком затруднит. Очень мило с вашей стороны. Спасибо огромное.

— Да какие трудности, я с ним так и так связаться собираюсь. По дороге ещё заехать хотел, но позвонил — сказали, в командировке. Загорает сейчас на Байконуре, бездельничает. Кумыс в рабочее время пьёт.

— Где загорает? — Кате показалось, она ослышалась.

— На космодроме. Он в Институте источников тока работает — солнечные батареи к полёту готовить отправили. И пока «Союз» не сядет, не отпускают. Только благодарить меня заранее не надо, а то сглазите ещё. Ну, до свиданья, не хочу вас дольше задерживать. Ещё раз, очень рад был познакомиться. Андрей, всего доброго.

Между тем, жизнь в «Алых парусах» входила в своё русло. За пару прошедших дней Андрей как-то незаметно перезнакомился практически со всеми отдыхающими, а кое с кем даже подружился. И неожиданнее всего, с человеком в четыре раза старше себя — тем самым «профессором с бородкой», что запомнился ему ещё в первый день. Оказался Константин Николаевич и правда профессором, вышедшим уже на пенсию. Или — как он сам это называл — в отставку. Значительную часть жизни он провёл в геологических экспедициях Дальстроя, пока не осел в родной Казани, где и женился вскоре на молоденькой аспирантке. А здесь, в пансионате, предпочитал устроиться в тенёчке под зонтиком, глядя на море и неторопливо потягивая прямо из горлышка «Рижское». Андрею нравились его рассказы о бурной бродячей молодости, словно бы расцвечивающие прочитанную недавно «Территорию» новыми яркими подробностями. От некоторых из которых уши слушателя начинали заметно розоветь...

Вдвоём они организовали чемпионат пансионата по бильярду. Куда Андрей попытался зазвать и Катю — но та интереса

не проявила, нашла для себя другое времяпровождение по душе: вязать что-то в компании ещё нескольких таких же мастериц. А в ответ на попытку поддеть её, что вязание — занятие для старых бабушек и вообще глупое, предложила рассчитать, сколько и откуда надо убирать петель, чтобы шапочка приобрела форму того, что сидит у него на плечах вместо головы. Задача показалась Андрею интересной, и он даже начал прикидывать что-то на песке обломком ракушки, когда ехидный голос над ухом прокомментировал:

— Действительно, вот ведь глупость: синусы какие-то с косинусами...

Разговор о танцах больше не заходил, и он почти уже заставил себя забыть об этом: ясно ведь, раз не напоминает — значит, передумала. Но тут вдруг Катя явилась на ужин расфуфыренная в пух и прах.

— По телеку сегодня скукота одна. Так что на повестке вечера — «Осенний сон» в городском саду. Других предложений не будет?

Опять они шли той же дорогой, перебрасываясь шуточками и беззлобными колкостями. А когда Катя загляделась на море, он незаметно отстал, сделал вид, что у него развязался шнурок. Она шла вдоль обрыва, против солнца, модная спиральная юбка вьётся по ветру трепещущим сине-белым вымпелом... Андрей уже собрался встать и догнать её, когда она повернула голову — наверно, хотела спросить что-то.

— Я сейчас. Не останавливайся, — махнул он рукой, поднимаясь на ноги.

Ветер подхватил широкую кружевную оборку на груди, набросил на секунду на голые плечи...

А на подходе к танцплощадке его опять начали мучать сомнения. Ну не дурачиться же точно так же, как в прошлый раз. Кто повторяет шутки дважды... Может, надо пригласить её, как в школе: «Катя, потанцуем?» Глупый вопрос. Они ведь для того

сюда и пришли... Похоже, всё дело в том, что он никогда ещё не бывал на танцах *с кем-то*... В конце концов Андрей просто молча взял её за руку, а когда Катя повернулась к нему, приглашающе взглянул ей в глаза. Это сработало. Он случайно угадал, как надо? Или, может, не было вообще никакой разницы, что и как делать. А он паникует из-за того, на что никто и внимания не обратил...

— У тебя платье красивое, — Андрею показалось, это будет подходящим к случаю началом.

— Спасибо. Только это не платье, а юбка с блузкой.

— Ну, какая разница. А что это за духи?

— «Красная Москва». Тебе нравятся?

— Да, очень. В прошлый раз, по-моему, они же были.

— Считаешь, сегодня надо было другими надушиться? Но я только одни взяла. А в этой глуши ничего приличного и не найдёшь, наверно.

— Нет, я ничего такого не имел в виду. Читал даже где-то, что так и надо.

— И совершенно напрасно. Незачем тебе такие вещи читать.

— Почему?

— По кочану.

— Думаешь, эффект пропадает?

— Сообразительный...

— Ну, не обязательно. Это же как условный рефлекс — по Павлову. Против физиологии любые здравые рассуждения бессильны.

В ответ Катя только фыркнула.

— Андрей, — опять заговорила она, — а всё-таки, что ты мне тогда сказать хотел, на берегу, ночью?

— Что ты красивая, — ответил он, помедлив.

— А почему не сказал?

— Подумал, тебе не понравится.

— Да кому ж такое может не понравиться? Смешной ты... Это называется комплимент. Говори их почаще — и успех у прекрасного пола тебе обеспечен.

— Ну откуда ж я знал...

— А за ужином так прямо рассыпался.

— Тогда я их не тебе, а *вам* говорил.

— По-твоему, есть разница?

— Не знаю... Наверно...

Песня закончилась, и они отошли к краю площадки.

— Девушка, вас можно пригласить? — к Кате подошёл какой-то улыбающийся парень в завязанной на животе узлом ковбойке.

Она вопросительно оглянулась на Андрея, но тот сразу отвёл глаза и уставился куда-то в сторону. С видом, будто его это нисколько не касается.

— Извините, я не танцую.

Парень отошёл, а Андрей так и остался стоять полуотвернувшись. В голове была сумятица. Ну и что ему сейчас делать? Зря он ей, конечно, про тот свой сон сказал... На кой чёрт он опять путается у неё под ногами...

— Андрей... Может, пойдём прогуляемся? — нерешительно предложила Катя, беря его под руку.

— Как хочешь...

Время шло к закату и под кронами деревьев уже начинал сгущаться вечерний сумрак. Катя не знала, о чём заговорить, и они шли молча куда-то в глубину парка, под неустанный звон разошедшихся цикад.

— Почему ты его послала? — неожиданно спросил Андрей, не глядя на неё.

— Мне показалось, ты этого хотел... — ответила она после

паузы.

— А при чём тут вообще я?

— Ни при чём… Но я же с тобой пришла… Мог бы сам ему сказать: «Девушка со мной»…

— И что?

— И он бы отстал…

Опять наступило молчание.

— Но ты ведь хотела с ним пойти…

— Хотела… — она неопределённо пожала плечами. — На то ж и танцы… — И добавила ещё через несколько шагов: — Но и вредничать бы не стала, настроение тебе портить… Если тебя этот момент волнует.

Они снова надолго замолчали.

— Катя, — опять заговорил Андрей, — знаешь, я подумал… — он ещё немного помолчал, — напрасно мы затеяли это всё…

— Что — всё?

— Ну, на «ты» и вообще…

— Тебе надоела моя компания?

— Нет, не в том дело…

— А в чём тогда?

— Помнишь, а тебе — в самом начале ещё — сказал, что это ты у меня на поводу идёшь. В шутку — но ведь так оно и выходит. Любой моей дури потакаешь. А в действительности, ничего же ты мне не должна, и нафиг я тебе не сдался. Живи, как тебе нравится, словно меня нет вовсе…

— Андрей, ну что с тобой сегодня? — Кате показалось, она совершенно перестаёт его понимать. — Какая муха тебя укусила? Что значит, сдался — не сдался? Я и живу, как нравится. С тобой вот время проводить… И всё меня в тебе устраивает… Ну, пока ты таким вот образом рефлексировать не начинаешь, — по губам её скользнула чуть заметная улыбка. — Я просто стараюсь, чтобы тебе тоже было хорошо… Только у меня это, похоже, не очень получается…

Ещё несколько метров прошло в молчании...

— Катя...

— Что? — спросила она, не дождавшись продолжения.

— Кать, не сердись... Я же тоже хочу, как тебе лучше...

— Ну и ладно тогда, кончай это самоедство. Идём назад, а? Мы ведь сюда развлекаться пришли, а не отношения выяснять.

— Идём... — согласился Андрей. — Только давай к кассе сначала: я вспомнил, сегодня же понедельник, расписание на неделю должны вывесить.

Они прошли другой аллеей к будочке кассы.

— «О, счастливчик!» — прочитал он. — Комедия, Англия. Смотрела?

— Нет, не слышала даже. Совсем новое какое-то.

— Давай сходим!

— Нет, Андрей, сегодня я не могу.

— Почему?

— Ну мы же с тобой сторожа не предупредили — а как я в таком виде на балкон полезу? — Катя растянула в стороны свою макси-юбку. Завтра оно же идёт, сходим завтра, ладно? Я шорты с кедами надену. Заодно и на лодках твоих покачаемся наконец — договорились? Да и народу, может, поменьше будет.

— Хорошо, давай завтра.

— А сегодня, как вернёмся — это чтоб тебя совесть больше не мучала — отработаешь мою «американку». Забыл, поди, уже?

— Ничего я не забыл... А что ты с меня хочешь?

— Увидишь.

Огоньки вспыхивали и гасли. И кружились хороводами, наполняя ночную рощу призрачным зеленовато-жёлтым сиянием. Андрей замер при виде этого зрелища, не веря своим

глазам.

— Катя, что это?

— Светлячки. Марина навела. Они вчера с Валерой тут гуляли.

— Здорово... И... потусторонне как-то...

— Поэтому, наверно, в Японии и считается, что светлячки символизируют души недавно умерших. Особенно, погибших на войне.

— Не очень-то радостная ассоциация.

— Есть и повеселее. Говорят ещё, свет их так глубоко проникает в душу, в самое сердце, что пробуждает спящую там любовь. Марине именно эта интерпретация больше всех понравилась.

— Кто б сомневался. Вот и Людочка не даст соврать.

— Людочка сама соврёт, дорого не спросит.

— Нет, ну почему? Всё как раз очень логично: вчера — светлячки, а уже сегодня он ей мяч буржуйский дарит, чёрт-те за сколько. — Андрей фыркнул, не сдержав смешка. — Я думал, он лопнет с натуги, пока надует. Весь покраснел аж.

— Не злобствуй. Держи, лучше, — она сунула ему в руки выпрошенную на кухне пустую банку из-под сока.

— Ты хочешь, чтобы я их тебе наловил? А зачем?

— Затем, что ещё светлячки способствуют трудолюбию и упорству — а бездельнику и троечнику вроде тебя это не повредит, — пошутила в ответ Катя.

— Ах-ах-ах, — передразнил он её. — Нет, серьёзно, зачем они тебе? Что ты с ними делать собираешься?

— В качестве фонарика использовать, давно хотела попробовать. На Востоке их раньше специально для этого ловили, чтобы читать при их свете или работать, как у нас при лучине. Потому так и считается — насчёт трудолюбия. У японцев вокруг светлячков вообще что-то вроде культа, экскурсии даже устраивают на них полюбоваться.

— Ну вот и любовалась бы — кто ж не даёт... — проворчал Андрей, запихивая в щель под приоткрытой крышкой первую жертву. — Всё равно ж они у тебя сдохнут скоро.

— Не сдохнут, я их потом на волю выпущу, через день или два. Ты лови, лови, не отвлекайся. А то поздно уже.

— А вот если бы кое-кто помог, дело б быстрее пошло. Раза в два примерно.

— Да понимаешь, — словно извиняясь, призналась Катя, — я и сама наловила бы, но мне их трогать противно. Это ведь они только светятся когда, такие красивые. А так — всё равно что тараканы. Ну а тебе не привыкать: сам рассказывал, какую только пакость в детстве не ловил. Работай, короче, не ленись. В следующий раз спорить со мной не будешь.

— Пора, — Катя заметила, что часть танцующих потянулась уже в сторону кинотеатра. — А то все хорошие места займут.

Но зрителей оказалось мало, большая часть поднимающихся амфитеатром скамей так и осталась пустовать.

— Что-то людей совсем нет, — с сомнением в голосе отметил Андрей. — Похоже, так себе фильмец, даром что забугорный.

— Может, из-за того, что «до шестнадцати»? Многие ведь с детьми здесь...

Они забрались повыше, почти под самую кабинку оператора. Можно шептаться без помех и ноги на переднюю скамью положить... Катя пару раз ударила кедами друг о дружку, пошевелила носочками, с удовольствием глядя на свои ровненькие стройные коленки...

И что б там другие ни думали, ей фильм понравился сразу, с первых же кадров. Каким-то своим особым, эпатажным юмором. И ещё — музыкой... Вот бы пластинку с песнями выпустили...

Едва держась на ногах, вернувшийся с «вечерушки» Трэвис с трудом втащил в свой номер ящик виски... «Майкл...» Он обалдело уставился пьяными глазами на лежащую в его постели хозяйку гостиницы. «Миссис Болл?..» Внезапно Катю захлестнуло забытое уже чувство мучительного подросткового стыда. Как будто и правда вернулась на шесть лет назад — когда, краснея, впервые протянула свой новенький паспорт в окошечко кассы кинотеатра... Сшитые специально к этой поездке шорты показались вдруг неприлично короткими. Ещё и ноги выставила... А убрать сейчас — только больше внимания привлечь... Она боялась шевельнуть головой, чтобы не встретиться случайно глазами...

Сцена кончилась. «Мистер Трэвис...» — поманил Майкла двумя пальцами сосед...

— Хочу такой! — восторженно прошептал у неё над ухом Андрей при виде подаренного герою сверкающего золотой нитью костюма.

Как будто и не было перед этим ничего... Может, для мальчиков это в порядке вещей? Или наоборот, от смущения, чтобы она не заметила?..

— У нас тряпок таких не продают, а сшить-то, чего...

— Ты б смогла?

— Ну, с выкройкой, конечно, повозиться пришлось бы. Костюм — не юбка. Но вообще, швея-мотористка — не самая умственная работа в мире.

Хотя подумать если, вполне могла бы и швеёй-мотористкой стать. Сложись жизнь чуть иначе. В учителя ведь тоже не собиралась... Плывёт по течению — точно как этот Майкл Трэвис — и лишь воображает, что всё у неё в руках. А на самом-то деле, что от неё зависит? Что зависело от дедушки, когда его за вторую корову раскулачили? Или от мамы — когда она заболела?.. Понятно, почему сегодня так мало пришло: какая это, к чёрту, комедия... Грустная притча о беспомощном маленьком

человеке в огромном бездушном мире. И даже когда тебе кажется, что вот уж сейчас-то наконец повезло, буквально через минуту всё может обернуться ещё большими бедами…

Скрываясь от появившихся неожиданно санитаров, Майкл шмыгнул в палату напротив… «Тебе сколько платят, сотню? Сколько ты с них взял?» Такой же, как он, подопытный молча глядел на него широко раскрытыми от ужаса глазами, тяжело дыша и трясясь, как в лихорадке… Только… Что это?.. Герой откинул скрывающую «коллегу» простыню… Катя вскрикнула едва ли не громче самого Трэвиса, вцепилась, что есть силы, в лежащую рядом руку. Пристёгнутая ремнями, на больничной койке билась в судорогах косматая туша кабана с пришитой к ней живой человеческой головой…

— Ты чего? — услышала она шёпот Андрея.

— Чего, чего. Испугалась, — она всё ещё пыталась унять дрожь.

Он накрыл её ладонь своей и дрожь постепенно прошла. Отстранённо, словно наблюдая за происходящим со стороны, она подумала, что пора бы убрать руку — и не сделала этого… Тепло и неприхотливый уют микроавтобуса, уносящего героя вдоль ночного шоссе, убаюкивали её. Не надо ни о чём думать — когда всё так хорошо сейчас… И совершенно не важно, что будет потом… Бессознательно, сама собой, рука повернулась ладонью вверх, их пальцы переплелись… Катя почувствовала, как Андрей сжал её кисть чуть сильнее — и ответила тем же. В следующий момент другая его рука робко, неумело легла ей на плечи. Она вздрогнула от этого прикосновения — но опять не сделала ничего… Далеко-далеко, где-то на самых задворках сознания мелькнула паническая мысль: бежать, бежать отсюда, немедленно, сломя голову! Бежать, пока ещё не поздно… Тело её расслабилось, а голова склонилась Андрею на плечо.

— Давай смотреть кино, — совсем тихо, почти беззвучно прошептала она, не сводя затуманенного взгляда с экрана, где

Патриция целовала Майкла...

Когда экран погас и отзвучали последние ноты, в зале оставались они одни. Андрей отпустил Катю, и они вышли из кинотеатра, не глядя друг на друга. Магия кино кончилась — и он вдруг с какой-то пронзительной ясностью ощутил, что по аллее рядом с ним идёт никакая не Катя. Катя осталась там, где она была всегда — лишь в его воображении. А здесь есть только Катерина Максимовна, взрослая женщина из мира его родителей, в котором самому ему места нет. Можно сколько угодно обманывать себя, но фактов это не изменит...

— Ну как тебе фильм?.. — услышал он её слегка охрипший голос.

— Что?.. А, фильм... Да, хороший. Я бы хотел ещё раз сходить. Если у нас показывать будут, ты... — он замолчал, не договорив, но Катя как будто даже не заметила этого.

— Конечно, сходим... Не знаю... Как получится...

И снова — лишь безумное пение цикад под сияющей высоко в небе полной луной... Молчание повисло над ними гнетущим непосильным грузом. Андрей почти физически чувствовал его тяжесть, готовую в один миг сокрушить всё, чем он жил эти последние несколько дней...

— А вот ещё я читал...

Глупейшее начало разговора. Но он ухватился за него, как утопающий за соломинку. Только не молчать, не дать своим мыслям окончательно подвести неизбежную черту... И от этого действительно стало легче. Они обсудили «Далёкую радугу» — придя к согласию, что при коммунизме такого бардака быть не должно. Потом заспорили о «Солярисе», но так ни до чего и не договорились. Казалось, случившееся осталось позади. Нелепый эпизод, о котором лучше не вспоминать... Они даже

посмеялись немного, пересказывая друг другу истории из жизни «благородных жуликов» Джеффа Питерса и Энди Таккера. Хотя в их смехе и слышались иногда едва заметные истеричные нотки...

Обратный путь занял у них сегодня вдвое дольше, чем в прошлые разы. Чем ближе они подходили, тем больше замедляли шаги, словно страшась того, что ждёт их в его конце... Молча, не сговариваясь, они сели на ту же скамейку у фонтана, где болтали обычно по вечерам, пока по телевизору шла программа «Время». Разговор замер... Все эти обсуждения, споры, смех... Всё — не более чем безнадёжное бегство от действительности, умело заманившей их в древнюю, как мир, ловушку. Ловушку, из которой нет выхода... Андрей заметил, что опять избегает смотреть на Катю, и усилием воли заставил себя взглянуть на неё. Она сидела ссутулившись, подсунув под себя руки, уткнувшись глазами в собственные колени...

— Катя... — позвал он её.

Она продолжала молчать, лишь подняла на него беспомощный взгляд. Несколько секунд они смотрели так друг на друга, не произнося ни слова...

— Ну хочешь, я уеду, — в голосе его зазвучала тоска. — Завтра утром... Или прямо сейчас. Я могу уйти из школы — доучусь в каком-нибудь техникуме...

Катя опять опустила глаза.

— Неужели ты правда думаешь, что я могу этого хотеть...

Неожиданно она вскочила, сделала два быстрых шага к фонтану, вернулась, села опять.

— Но это же всё в шутку было! — чуть не плача, почти выкрикнула она. — Это просто не может быть по-настоящему! Андрей, ну скажи!.. Господи, что мне делать... — она закрыла лицо руками.

Он готов был сказать ей всё, что угодно... Если бы только думал, что это поможет... Ему хотелось обнять её, взять за руку

— чтобы она опять положила голову ему на плечо и успокоилась, как там, в кино...

— Андрюша, не сердись на меня, — Катя снова говорила тихо. — Я не знаю, что тебе ответить... Давай поговорим завтра, ладно? Ты можешь подождать? Пожалуйста...

— Конечно...

— Тогда пойдём спать. Всё равно сейчас мы ничего не решим. Пожалуйста, пойдём...

Он молча встал и направился вслед за ней к пожарной лестнице. Как в прошлый раз, Андрей подсадил её, но сейчас руки его дрожали, и он почувствовал, как Катя вся сжалась под его прикосновением... Забравшись в окно, он открыл ей балконную дверь, боясь дотронуться до неё ещё раз.

— Проходи...

— Спасибо... Спокойной ночи...

— Спокойной ночи...

Не зажигая света, она толкнула дверь к себе — и комната озарилась вдруг трепетным феерическим светом. Это в банке у изголовья её кровати мерцали вчерашние светлячки.

Южная ночь

До самого утра Кате так и не удалось толком заснуть, всю ночь проворочалась в полузабытьи с боку на бок. Да ещё и проснулась раньше будильника... Она повернула голову, взглянуть на светящийся в полумраке циферблат. Проспала! Забыла поставить. Подскочив и на ходу напяливая халат, она подошла к двери в соседнюю комнату. Оттуда слышался слабый плеск воды из-под крана: Андрей уже умывался... Второй раз только за всю неделю проснулся сам. Тоже, значит, спал не ахти... Тут она заметила, что её живой фонарик почти не светит. И правда ведь сдохнут — если прямо сейчас не выпустить... Катя вышла на балкон и перевернула банку на кусты внизу. Летите, ребята, своё чёрное дело вы уже сделали...

За завтраком они избегали прямых взглядов и почти не разговаривали, условились только пойти, как обычно, на пляж. Из всех прочих, это показалось ей наименьшим злом: по крайней мере, можно прикрыть лицо от солнца и просто молчать... А что ещё остаётся, когда совершенно не знаешь, что сказать...

— Я пойду поплавать. Одна, — поднялась она на ноги, провалявшись так минут тридцать-сорок, но совершенно не уняв

сумбур в голове. — Мне правда нужно, не обижайся.

— Да… Я понимаю…

Вода всегда успокаивала Катю, словно растворяя в себе любые её тревоги и печали. Плавать она умела, сколько себя помнит — ещё в детском саду мама водила её в фэзэошный бассейн. Но сегодня и вода не несла с собой облегчения… И главное, меланхолично размышляла она, ведь всё же было понятно с самого начала. С самого первого дня всё неуклонно шло к этому — пока она старательно обманывала себя, делая вид, что ничего не замечает… Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда… Боже, какая дура…

Берег остался далеко позади. Она обернулась — никто на неё не смотрит… Хорошо, что тут нет спасателей, как на городском пляже. С биноклями и рупорами. «Девушка, не нарушайте правил купания! Не заплывайте за буйки!» Буйков, впрочем, тоже нет… Катя нырнула и не смогла достать дна. Вокруг было прохладно и сумрачно, солнечный диск едва просвечивал сквозь многометровую толщу воды… С лакейской услужливостью, в голову вползла холодная и скользкая, как змея, мысль: достаточно просто пробыть здесь чуть подольше — и когда включатся рефлексы, кислорода до поверхности ей уже не хватит… Интересно, сколько ему потребуется, чтобы забыть её? Месяц? Год? Больше?.. А сколько потребовалось бы ей?..

Она вынырнула и, отдышавшись, перевернулась на спину. В небе над ней кружились чайки, а волны нежно нашёптывали на ухо слова песни из вчерашнего фильма:

Если у тебя есть друг,
На которого, ты думаешь, можно положиться,
Ты — счастливчик.

И если ты нашёл причину
Жить дальше и не умирать,
Ты — счастливчик.

Андрей не понимал, что происходит, и даже не пытался уже ничего понять. Вернувшись, Катя как ни в чём не бывало пощекотала его пальцами ноги по рёбрам и сказала, что сегодня исполняется ровно неделя, как они на море. И что дату эту надо непременно отметить. А затем весь день вела себя совершенно обычно: шутила, улыбалась, шмотки меняла по любому поводу. Разве что отвечала иногда невпопад, будто задумавшись о чём-то...

Перед ужином они опять были в городе — купить всё необходимое — и пили сейчас кофе с пирожными, сидя у неё за пододвинутым к балконной двери журнальным столиком. Кофе оказался на удивление хорошим, сваренным по-турецки в маленьких медных джезвочках на жаровне с раскалённым песком. Катя набрала их целую кучу в кафешке возле рынка и слила всё в свой литровый китайский термос. Они пили ароматную, обжигающую губы жидкость из помятого алюминиевого стаканчика, передавая его друг другу, дуя на пальцы и болтая о разных пустяках — вроде кому какой торт больше нравится или как правильнее всего съезжать на санках с горки. Закатное солнце мягко освещало Катину уже слегка загоревшую кожу, и в этом тёплом, ласкающем свете лицо её казалось радостным и беззаботным. Она показала Андрею, что вязала последние несколько дней. Это был свитер — подарок ему на день рожденья. Ярко-голубой, на котором будет несколько морских мотивов — конёк, медуза, ещё что-нибудь — она пока не решила окончательно. Хотела сначала сделать сюрприз, но вот сейчас подумала, всё равно ведь без примерки не обойтись...

Они вышли на балкон... Для продолжения разговора он произнёс какую-то дежурную фразу, но Катя не обратила внимания, затихла совсем и молча смотрела на море... И вдруг

затараторила быстро-быстро, как только девчонки умеют. Обо всём, что приключилось с ними за прошедшие семь дней. Как глупо поругались они с самого начала — и как весело было качаться вчера на лодках. Как она похвасталась, что умеет есть палочками, но деревянная шпажка треснула, и кусок шашлыка свалился ей прямо на колени. Вспомнила пойманного Валерой краба, который, убегая назад в море, чуть не прихватил с собой её очки. И, конечно, не забыла их счастливый зелёный луч...

— Пойдём? — она тронула его за руку и быстро вернулась в комнату. — Хочешь, я переоденусь во что-нибудь понаряднее? — И не дожидаясь ответа, зачастила дальше: — Я хочу ещё раз в душ сходить и вообще привести себя в порядок. Мне надо где-то с полчаса, может, чуть больше. Подождёшь? А ты пока фруктами займись... Э-эх! Штопор-то мы забыли купить...

— Ты хочешь сегодня вина выпить?

— Ну да — а почему нет? Или ты против?

— Нет, зачем... Это же с самого начала моя идея была. Мне только показалось... Да неважно. А штопор у меня есть.

— Ну ты и предусмотрительный!

— Да нет, это просто нож такой, туристский — там ещё ложка, вилка и открывашка... Ты какое хочешь, мускат или кагор?

— Сам выбери. Вино — мужская обязанность. А нож с вилкой — это хорошо: руки от персиков липнуть не будут.

— Тогда, вот это? — Андрей сходил к себе и вытащил из шкафа одну из бутылок.

— «Южная ночь», — прочитала Катя на этикетке и улыбнулась. — Прямо как заранее знал, что купить... Стаканы у нас есть, фрукты можешь на подносик из-под графина разложить — сполосни только сначала всё. Ну, иди, — она выпихнула его из комнаты и закрыла дверь...

Персики, виноград, апельсины... Пару штук, наверно, лучше почистить сразу... Он посмотрел стакан на просвет —

весь пальцами залапан, тоже стоит помыть. И вытереть, не касаясь пальцами, без отпечатков — как отец всегда с хрусталём делает...

— Андрюша, можно? — тихонько поскреблась в дверь Катя.

— Да, заходи...

... Всё внезапно встало на свои места. Весь этот день, приготовления, *вино*... Она же обещала с ним выпить — ну вот и развязаться поскорее, чтоб не висело больше над душой... Всё правильно... А он чего-то другого ждал?..

— Садись в кресло...

Пока он доводил до блеска второй стакан, Катя включила торшер и потушила верхний свет. Жёлтый конус из-под абажура освещал её колени, отблёскивая озорными искорками на «чешуе» юбки, оставляя в тени обрамлённое завитыми локонами лицо... Сегодня она не стала делать причёску, оставила волосы распущенными, совсем как тогда, в тот первый день в школе... «Здравствуйте. Меня зовут Екатерина Максимовна Шевченко. С этого года я буду вести у вас русский язык и литературу...» Училка по русскому. Русалка... Всё такая же далёкая и недоступная...

— Ты куда? — спросила она, когда Андрей опять направился в её комнату.

— За своим стулом.

— Не надо, садись здесь, рядом, — Катя кивнула головой на широкий низкий подлокотник. — Дверь только закрой, пожалуйста. Может, музыку какую-нибудь поставишь? Тихонечко совсем, чтоб соседи не сбежались.

— Pink Floyd? — предложил он, вытащив одну из кассет.

— Хорошая пластинка. Я её, кажется, ни разу ещё полностью не слушала.

В динамике забилось сердце...

— За нас? — она сдвинулась в кресле, повернулась вполоборота, когда он подал ей стакан.

Они чокнулись, отпили по глотку.

— Ты понимаешь, о чём они поют? — спросил он просто чтоб с чего-то начать: Катя опять стала молчаливой, от недавней разговорчивости не осталось и следа.

— В основном... — она прислушалась к песне. — Уходи, но не уходи от меня... Твои улыбки и слёзы, всё, к чему прикасаешься и что видишь — это всё, что будет в твоей жизни... Ну и ещё целая куча каких-то не слишком вразумительных аллегорий. А потом ты безвременно умрёшь.

— Слова ещё грустней мелодии...

— Да, наверно... Хотя их можно ведь и по-другому понять: надо уметь радоваться тому, что у тебя есть. Никто не знает, что будет дальше... Иисус, мне кажется, то же самое имел в виду, когда говорил, не думайте о дне завтрашнем...

— А ты библию читала? У тебя есть?

— Есть. От бабушки осталась.

— А мои, как бабушка умерла, так всё в церковь снесли, куда она ходила. Иконы, лампадки... Я тогда ещё маленький был, лампадок особенно жалко... И как, интересно?

— Честно говоря, не очень — по большей части. Но есть и забавные места, как Иаков женился, например. Ему вместо невесты её старшую сестру подсунули. Пришлось за младшую ещё семь лет отрабатывать.

— Дашь почитать?

— Конечно. Только ты поосторожнее с ней: меня ведь за такие вещи совершенно серьёзно с работы выгнать могут. Чтоб никто вообще не знал, даже родители — хорошо? Они ж не просто так сами от всего этого избавились.

— Заметано. Чего-чего, а книжки от них прятать я умею...

Андрей не сразу нашёл, о чём ещё можно поговорить, и они просто молча слушали музыку, отпивая маленькими глоточками тёмно-рубиновое, в приглушённом свете торшера почти чёрное вино. Он смотрел на Катин профиль и думал, что вот

так и прожили они эту неделю, не заботясь о завтрашнем дне... И что Иисус, наверное, прав...

Первая сторона кончилась. Он хотел встать и перевернуть кассету, но вино с непривычки уже слегка ударило в голову, вместо спинки кресла ладонь случайно легла Кате на плечо... А та склонила голову, прижалась щекой к ставшим вдруг непослушными пальцам...

— Может, потанцуем? — повернула она к нему лицо, встретившись взглядом расширенных в полумраке зрачков.

— Давай...

— И поставь, пожалуйста, ту песню — помнишь, ты говорил, у тебя есть? Японскую...

Они танцевали, прижавшись щекой к щеке, и Катя шептала ему срывающимся голосом:

— Андрюша... Андрюшенька, милый... Я знаю, что поступаю ужасно... Но мне всё равно...

— Катя, я... — Ему пришлось собрать все силы чтобы произнести эти слова. — Я тебя люблю...

— Поцелуй меня...

Он нашёл губами её губы. Они больше не танцевали, просто стояли и целовались, не в силах оторваться друг от друга...

— Андрюша, подожди... — чуть отстранилась от него Катя, когда песня закончилась. — Пойдём, сядем. Можно мне ещё немножко вина? Я... — она смущённо взглянула ему в глаза. — Только не смейся надо мной, ладно?.. Дрожу, как перед экзаменом...

Она толкнула его в кресло. Неловко съехала через подлокотник к нему на колени, ухватившись, чтоб не упасть, рукой за шею... Андрей тоже чувствовал себя неуверенно, не очень-то представляя, как действовать дальше. Он обнял её за талию, прижал к себе. Придержал другой рукой, чуть выше края юбки — чтоб она смогла выпрямиться, сесть поустойчивей...

— Кать, а вот знаешь, чего я больше всего боюсь? —

постарался он скрыть за шуткой своё собственное замешательство. — Что всё это мне только снится. И ты сейчас подойдёшь, да ка-ак треснешь указкой по парте. «Кузнецов, немедленно дневник мне на стол! И завтра — родителей в школу.»

— Ах ты, бесстыдник! — ласково тюкнула она его пальцем по носу. — Такие неприличные сны смотреть. Да ещё и про учительницу. Да ещё и прямо в классе. И вообще, молодой человек, что это вы растыкались тут? Мы с вами на брудершафт не пили пока. Хотя это-то как раз легко исправить...

Скрестив руки, они допили остаток вина в стаканах и опять начали целоваться. Сквозь тонкую ткань блузки Андрей чувствовал тепло её тела. Дурманящий, терпкий немного аромат «Красной Москвы» кружил голову... Рука скользнула с плеча, замерла на мгновение на дрогнувшем под прикосновением пальцев бугорке ключицы... Утонула в шёлковых волнах наглаженных рюшей...

Катя откинулась назад, дыхание её участилось.

— Расстегни... — попросила она шёпотом, не открывая глаз. — Или ты хочешь, чтоб я сама?..

Катя плакала. Сидела на краю растерзанной постели и тихо всхлипывала, размазывая по щекам слёзы.

— Катенька, Катюш, не плачь, — безуспешно пытался успокоить её Андрей. — Что с тобой? Это я виноват?

— Н-нет... — с трудом выговорила она между всхлипами.

— А что тогда? Всё же хорошо было... Ты... пожалела?..

— Нет, Андрюшенька, что ты... нет... Но я же... — Катя глубоко вздохнула, стараясь остановить слёзы, — я же знаю, *как* это кончится. Очень скоро и очень плохо. Мы никогда... — она опять разрыдалась.

— Кать, ну не плачь, — обнял он её. — Что ты говоришь.

Ничего никуда не кончится. Ты меня любишь?

— Люблю...

— И я тебя люблю. Значит, всё у нас будет замечательно, не плачь. Ну пожалуйста.

— Кто-нибудь узнает... — она продолжала всхлипывать. — И это будет конец... Меня выгонят из школы... А что будет с тобой... Лучше б правда утопилась тогда к чёрту...

Андрей замолк и лишь через несколько секунд очень тихо спросил:

— Кать, ты, что, серьёзно?..

— Не знаю... Да нет... нет, конечно... Но согласись, тоже был бы выход...

— Кать, ну что ты такое говоришь! Как о таком вообще можно думать? Всё у нас с тобой будет как надо — вот увидишь! Ну, поцелуй меня.

Она судорожно обхватила его руками за шею и прижалась губами к губам.

— Видишь? Всё опять хорошо. Катя, ну улыбнись, — Андрей целовал её щёки, слизывая с них слёзы. — Хочешь, я тебе ещё вина налью?

— Нет, спасибо, не надо пока, — она вытерла глаза и грустно улыбнулась, отрицательно мотнув головой. — Но даже если нас и не застукают, что это будет за жизнь? Скрываться ото всех, врать...

— Но это же не навсегда. Придумаем что-нибудь. А потом мы уедем — туда, где нас никто не знает. И всё будет отлично. Честное пионерское!

— Андрюша, но я же на шесть лет тебя старше. Шесть лет! Ты вдумайся... Сам же меня «старушкой» назвал. На нас будут пальцем показывать...

— Никто ничего не будет. И, во-первых, не на шесть, а всего лишь на пять — двадцать семь дней не считаются. Во-вторых, это в шутку было. Ну а в-третьих, что такое пять лет? Вот был

бы я тебя на пять лет старше — ты бы из-за этого так же убивалась?

— Нет, конечно… Но это ведь совсем другое дело.

— Никакое не другое, то же самое. У нас в стране женское равноправие или что? Женщины, кстати, живут дольше — я читал. И как раз на столько примерно, — Андрей поднёс её руку к губам и начал один за другим целовать пальцы.

— Хочешь сказать, мы с тобой умрём в один день? — уже не так грустно улыбнулась она.

— Ну, до этого пока далеко. А сейчас давай лучше ещё потанцуем.

— Вот прямо так? — развела Катя руками. — Ну, давай… Постой! А может, к морю пойдём? Когда ещё пикник устраивать, как не сегодня?

— Пошли! — Андрей взглянул на часы. — Двери уже заперли, никто не заметит.

— Ну ты собирай тогда сумку — а я пока волосы уложу. Не шапочку же по такому случаю надевать.

— Кать, а можно, ты жемчуг оставишь?

— Не потеряем? А, сколько той жизни! Какая русалка без жемчуга!

Андрей заткнул пробкой на четверть уже пустую бутылку и сунул её в сумку. С сомнением покрутив в руке стакан, поставил его на место. Термос с остатками кофе, фрукты, несколько кассет… Спички! Хорошо, что Сергею не отдал тогда, вместе с сигаретами…

За неделю в их гроте ничего не изменилось. Поперёк входа всё ещё можно было разобрать надпись иероглифами: «tachiiri kinshi» — «посторонним вход воспрещён». Похоже, об этом месте и правда никто не знает… Пока Андрей разводил костёр из

плавника, Катя успела накрыть на «стол», приспособив под него широкий обломок доски.

— О! Чего я нашла, — с торжествующим видом воскликнула она, порывшись в кассетах. — Кем, говоришь, я у твоих инопланетных дикарей буду?..

Озарив небо фейерверком искр, костёр наконец разгорелся. Катя поднялась на ноги и её ломанная тень заметалась по иссечённым расщелинами скалам. «I'm your Venus, I'm your fire at your desire...» — пропела она под магнитофон одними губами. Сарафан плавно соскользнул с её плеч и упал к ногам, рассыпавшись по песку снежными хлопьями морской пены. В неверных отблесках языков пламени, с греческой косой на голове, её совсем нетрудно было принять за сошедшую с храмовой фрески античную богиню...

— Но только второй раз за день чур не топиться, — пошутил Андрей, когда они плыли вдаль от берега, слушая далеко разносящуюся над водой музыку, — а то замучаюсь я тут, по всему дну тебя разыскивать. В темноте, к тому же.

— Ха! — Катя взглянула на него с выражением полного превосходства. — Русалки не тонут.

— С чего б это они вдруг не тонут? — скептически скривил губы Андрей.

— Так они ж — рыбы.

— Вот оно, гуманитарное образование! Представления о биологии — на уровне чудо-юдо рыба-кит. Какие же они рыбы, когда они млекопитающие?

— А с чего б это они вдруг млекопитающие? — запальчиво возразила она.

— То есть *как это*, с чего?!

Катя задумалась и сконфужено признала:

— Ну да, тут ты, пожалуй, прав...

— И хвост у них горизонтальный, — решил развить успех Андрей. — Значит, они не рыбы, а китообразные, вроде

дельфинов. А дельфин утонуть очень даже может.

— Чепуха! У дельфинов чешуи нет.

— Так значит, и у русалок нет!

— Ах нет? Хорошо-о… — произнесла она вкрадчивым голоском. — Тогда объясни, пожалуйста, чем же это моя «русалочья» юбка такая русалочья?

— А это тут вообще ни при чём, — Андрей понял, что проиграл, но признавать поражение не хотелось.

— При чём, при чём. При том самом. Ты от вопроса-то не увиливай.

— Ну хорошо, пусть будет чешуя. Но всё равно, не могут млекопитающие икру метать: это ж какие у них икринки должны быть!

— А мы, русалки, на икру и не размениваемся. Мы — живородящие, как акулы! — хищно клацнула на него зубами Катя. — Что, страшно? И по зоологии у меня, между прочим, пять было. В отличие от некоторых.

На берегу они выпили по очереди из горлышка ещё немного вина, и Катя начала чистить апельсин — как вдруг сказала, с досадой в голосе:

— Эх, чёрт! Яблоко надо было купить.

— Яблоко? — удивился Андрей. — На кой оно нам?

— Первые люди? — игриво взглянула она на него. — Адам и Ева — забыл?

— А-а… точно! Ну, будем считать, что ты соблазнила меня вот этим апельсином, — Он забрал его у неё, разломил пополам и сунул обоим в рот по дольке. — И, кстати, о первых людях. С русалками ты меня, может, и уела, но вот зато в другом я оказался абсолютно прав.

— А это ты о чём?

— О шкурах!

— Каких шкурах?

— Без которых мы тут с тобой прекрасно обходимся, —

засмеялся он, падая на спину и роняя Катю на себя.

— И даже без фиговых листков! — расхохоталась она в ответ.

— Ну а где б мы их здесь взяли-то, сама подумай?

Катя опять села и с сожалением взглянула на него.

— Троечник. В ботанике ни чер-та не петришь. Фига — это то же самое, что инжир.

— Серьёзно? Ну, значит, мы точно в раю.

— Но самая-то прелесть, что бога нет.

— А это ещё почему?

— Так выгнать же некому!

Koi no bakansu

Минутная дорога от моря показалась ей вечностью. Только бы не встретить никого... Как ни убеждала себя Катя, что «сбегать перед завтраком на пляж» — это ну вот нисколечко не подозрительно, чувство было, что стоит лишь кому-нибудь увидеть их сейчас вместе — и все сразу подумают что-то не то. То есть, как раз то...

Всё, дошли. В вестибюле пусто... У неё немного отлегло от сердца...

— Утро доброе! Ранним пташкам — наш физкульт-привет! — послышался вдруг откуда-то с галереи бодрый голос. — А я гляжу в окно — идут. Уже окунуться успели? Мо-лод-цы! — по лестнице навстречу им сбежал, благоухая «Шипром», Сергей Анатольевич. — Каждый вечер собираюсь тоже пораньше вставать начать — но что-то никак пока.

— Да это всё Кузнецов, — от растерянности Катя забыла даже поздороваться. — Проснулся ни свет ни заря, меня зачем-то поднял. Скучно ему, понимаешь, стало.

— Ну, ясно, — с совершенно натуральным возмущением вступился за себя Андрей. — У вас чуть что — сразу Кузнецов виноват. Сами жаловались, ах-ах, всё утро пропадает. А как

вытащишь вас — так никакой тебе благодарности.

— Вот! Видели? — этот поворот к шуточной перепалке как-то мгновенно вернул ей уверенность. — С какими детьми приходится работать. Перечат на каждом шагу. И вы думаете, в классе они лучше?

— Да, совсем отбилась от рук молодёжь, — с напускной серьёзностью посочувствовал сосед. — Но не могу не понять: будь у меня такая знакомая, тоже бы без неё целыми днями скучал. А я ведь к вам с новостью: дозвонился-таки вчера до краснодарца своего. Полный порядок. Завтра он, правда, опять уезжает, в отпуск — но с мамой уже всё оговорено. Вышлем ей сегодня ваши билеты, а новые будут в кассе на моё имя.

— Ой, спасибо, Сергей Анатольевич! Билеты вам прямо сейчас отдать?

— Давайте после завтрака, как раз к почтальону успеем... И... вот ещё что...

Он замешкался, словно забыл, что хотел сказать. Достал из пачки сигарету, старательно размял...

— Андрей, адрес мне свой занесите заодно. — И пояснил Кате: — Джермейна ему обещал... Это по программированию книга, самому не нужна больше... Причёска вам эта очень идёт, растрепалась только немного — на ветру, должно быть.

— Спасибо... — Катя озадаченно поблагодарила его удаляющуюся в сторону выхода спину. — Андрюша, что он хотел этим сказать? Странная какая-то манера делать комплименты. У меня правда с волосами что-то не так?

Андрей посмотрел на неё, и по его изменившемуся лицу она поняла, что что-то действительно не так. *Совсем* не так. Она бросилась к зеркалу — и даже через загар побледнела от страха.

— На пляж с утра сходили, ага... — пролепетала она упавшим голосом, поспешно вынимая из ушей серьги и снимая бусы. — Андрюша, скажи, что он подумал? Неужели он всё понял?

— Да ничего он не подумал, — попытался успокоить её Андрей. — А и подумал, так максимум что шлялись где-то всю ночь. Из чего ещё вообще ничего не следует.

— Ну что ты говоришь, чтоб сплетни пошли, и меньшего достаточно.

— Тогда, может, просто решил, что ты — модница. Тем более, так оно и есть.

— Не может. В бусах даже самые-самые модницы не купаются... Без повода... И зачем бы ему тогда меня предупреждать?

— Ну хорошо, пусть так, — согласился Андрей. — Но в таком случае, он — на нашей стороне. Чего б он там про себя ни подумал. Логично?

Катя неуверенно пожала плечами.

— Вот и не беспокойся ни о чём. Беги лучше наверх, переоденься — у меня балконная дверь не заперта. Что точно подозрительно будет, это если ты за день двадцать пять нарядов не сменишь. Или на завтрак на опоздаешь.

Поднявшись из столовой, Андрей быстро оглянулся через плечо и первым, пока никого нет, шмыгнул в номер. Катя заскочила следом и поскорее захлопнула за собой дверь.

— Надо всё-таки и тебе, и мне — каждому всегда свой ключ при себе иметь. Вот странно, раньше не задумывалась даже, а сейчас — как пуганая ворона... К себе зайди, кстати, взглянуть на плоды бесчинств наших. Ну что за жизнь? Всё всегда заканчивается уборкой.

— Ничего не поделаешь, второе начало термодинамики: энтропия растёт. И когда бардак достигнет абсолютного максимума, Вселенную ждёт неизбежная тепловая смерть.

— Ужас! Хоть прямо сейчас прибираться начинай.

— А зачем ты, кстати, полдник нам сухим пайком отметила? У нас планы какие-то?

— Наполеоновские. Завалиться от обеда и до ужина. Не знаю, как ты, а я так долго не спать не могу.

— Но мы же тогда ночью не уснём.

— Опасаешься, не найдём, чем заняться? — она скромно потупила глазки и повозила носком по полу.

Андрей попытался схватить и обнять её, но Катя со смехом увернулась.

— Подожди! Сначала билеты наши отнеси — и не забудь ещё раз спасибо сказать, — она вытряхнула на кровать содержимое пакета и сунула ему в руку кошелёк. — А у меня тут пока дельце одно осталось...

Когда он вернулся, она писала что-то у себя в блокноте.

— Не заглядывай, дай закончить... Вот.

Катя захлопнула блокнот и встала из-за стола.

— Андрюша, я должна перед тобой покаяться, — лицемерно-виноватым голосом произнесла она. — Я тебе один раз соврала.

— Всего один? — ехидно поинтересовался он.

— Сам дурак. Помнишь ту книжку, что я потеряла? Так я её не потеряла.

— Нашла, в смысле?

— Нет, вообще не теряла. От тебя спрятала.

— Боялась, что я потеряю?

— Нет, — Катя достала откуда-то из шкафа невзрачный сероватый томик с непонятными мазками на обложке.

Андрей в недоумении пролистал несколько страниц.

— Так она на японском... А почему просто не сказала?

— Чтоб ты не понял, что по нему у меня тоже пять... с плюсом... И с песней той не приставал больше. Ты меня слова перевести просил — помнишь? — она опять раскрыла блокнот и протянула его Андрею.

Там ровным округлым почерком, какой бывает только у отличниц и училок по русскому, было написано:

Твои поцелуи и ласки...
Мне кажется, будто я в сказке.
Девичье сердце грезит о любви,
И сбываются мечты.

Мы здесь, как русалки, нагие,
Любуясь на волны морские,
Вдвоём на жарком золоте песка.
Милый мой, люби меня.

Щекою к щеке и едва дыша,
Мы шепчем друг другу любви слова.
Но тайну хранить поклялись ты и я,
Не откроем её никогда.

Летний воздух напоен любовью...
Наша первая встреча с тобою...
Блаженства эти розовые дни...
Ах, каникулы любви!

Он дважды перечитал эти четыре строфы и недоверчиво поднял глаза от текста.

— Что, правда вот прям такие слова?

— Ну, примерно — чтоб в рифму и размер сохранить.

— И ты их по памяти так быстро перевела?

— Нет. Наташе... Я тебе про неё рассказывала — помнишь? В Киев после третьего курса перевелась. Книжку она мне подарила, кстати... Так ей эта песня ужасно нравилась — а я как раз японский учила... Ну и что мне, по-твоему, делать оставалось, напеть тебе вот это? Мне и так-то не по себе стало, когда ты о ней заговорил. Весь вечер кокетничала с тобой, совершенно сознательно причём. Не знаю даже, что на меня нашло... Вроде как, подурачиться, тебя повеселить — чтоб не дулся на меня больше. А тут ты мне ещё и подыгрывать начал... Ну вот и доигрались, — она состроила виноватую мордочку и чмокнула его в щёку.

— А я тебе, между прочим, — с выражением заправского ловеласа заявил Андрей, — сразу предложил ночь на пляже провести. А ты сказала, не романтично.

— Так дура была. Ой, вспомнила, что хотела спросить. У мальчиков, что, нет такого гадания, на невесту?

— Не слышал. А к чему ты это?

— Ну вот у девочек, когда спишь где-нибудь в первый раз, надо обязательно перед сном сказать: «Сплю на новом месте, приснись жених невесте.»

— Не. Всегда считал, это просто примета такая, что сны на новом месте сбываются. Примерно, как с четверга на пятницу. Так и что, сказала?

— Нет.

— Почему?

— Забыла, спать очень хотелось. А может, побоялась — подсознательно.

— Чего?

— Тебя увидеть... Или не увидеть...

Париж — это праздник, который всегда с тобой... Фраза

всплыла у неё в сознании ещё до того, как Катя окончательно проснулась. Завтра. Завтра они уезжают… Она перелезла через продолжающего безмятежно посапывать Андрея. Вот каждое утро так — но у стенки им, видите ли, спать не нравится. Не пошевелился даже. И будильника за всё время ни разу не услышал — хотя ведь под самым ухом стоит. Как он в общаге вставать думает?.. Дома его, наверное, мама будит… Чего доброго, ещё ляпнет ей спросонок: «Катька, отста-ань…» Что с ними вообще дальше будет? Легко не думать о завтрашнем дне, пока он и правда не стал завтрашним. Пока твой Париж не собрался рухнуть у тебя на глазах, разлететься вдребезги — под равнодушный перестук колёс скорого поезда…

Всё утро они провели на пляже, вместе. Но после обеда Андрей куда-то исчез. В этом не было ничего необычного, тем более, сегодня: с кем-то не договорил, о чём-то не доспорил… Только Катя всё равно чувствовала себя одинокой и заброшенной. Попыталась занять себя чем-то, села вязать — и почти сразу бросила. Петли путались, падали со спиц…

Она спустилась в парк, дошла через пустырь до «светлячковой» рощи. В последнее время, спасаясь от дневной жары, они часто бывали здесь. Если пройти её насквозь, у самого обрыва лежит поваленное дерево, на нём хорошо сидеть и смотреть на море… Когда есть, с кем… Бессознательно, словно сомнамбула, Катя продолжала бродить по окрестностям, встречаясь с кем-то, обмениваясь короткими, на ходу, фразами. Смеясь шуткам, смысл которых полностью ускользал от сознания… И вдруг с ужасом поняла, что в душе уже прощается с Андреем навсегда. Ведь это даже курортным романом не назовёшь, просто какой-то нелепый водевиль… На что она вообще рассчитывала? Как представляла себе их дальнейшие отношения?.. Да и нужна она будет ему там, когда вокруг полно… Ну, ничего, неожиданно, с поразившим её саму цинизмом подумала она. Чёрта с два получит он *это* от своих подружек-одноклассниц. На

коленях приползёт, как миленький!.. И ужаснулась от таких своих мыслей ещё больше. Господи, да что же она делает? Готова чуть ли не возненавидеть его — просто насочиняв себе всяких гадостей...

И в любом случае... Даже если всё и правда кончится... Это был лучший месяц в её жизни. Может быть, лучший месяц во всей её оставшейся жизни... И этого у неё уже никогда никому не отнять. Париж — это праздник, который всегда с тобой...

К ночи море начало немного штормить. Волны докатывались до самого входа в пещеру, забегали внутрь, подбираясь к дрожащему огоньку медленно оплывающей на песок свечи. Давно пора было возвращаться, но они всё не двигались с места. Катя молча пересыпала песок из одной ладошки в другую — и с каждым разом его оставалось всё меньше и меньше. Как отведённого им вдвоём времени... Низкий, протяжный гудок парохода перекрыл на несколько секунд все другие звуки, и Андрей сказал, что хорошо бы оказаться сейчас у него на палубе и уплыть куда-нибудь. Куда угодно, подальше от всех... В Австралию, на другую сторону Земли. Если уж нельзя сразу на Марс... Вот так, должно быть, и выгоняют из рая — в тёмную безлунную ночь...

Все их вещи были собраны ещё перед ужином, в шкафу оставалось только приготовленное на завтра в дорогу. Вернувшись, они почти сразу легли, но Катя не могла заснуть. Она молча разглядывала трещины на потолке, никак не решаясь начать разговор, который откладывала с утра. Только когда ещё удастся поговорить — не в поезде же, в лязгающем буферами тамбуре... Завтра их привычная жизнь... Катя поймала себя на том, что уже видит их теперешнюю жизнь привычной. *Их* жизнь, не свою. Как быстро привыкаешь к хорошему... Удастся ли им привыкнуть к тому, что ждёт их, когда они и правда разъедутся с вокзала в разные стороны?..

Сможет он приходить к ней хотя бы иногда — не вызывая

подозрений соседей, знающих её с детства и считающих чуть ли не своим долгом блюсти её моральный облик? Бывает же он у Елены — она говорила... И у Фантомаса, наверно, тоже... Но это так, раз в пару месяцев... Катя вспомнила, что предлагала Андрею брать у неё книги — и тогда это выглядело совершенно естественно и невинно... Только, что она имела в виду? Может, что будет приносить их ему в класс?.. Она безнадёжно запуталась и уже ни в чём не была уверена.

— Андрюша, нам надо поговорить...

— Да, конечно, — тут же согласился он. — Я тоже хотел...

— Андрюш, я не знаю, как мы будем жить дальше. Где нам видеться... Соседи...

— Я понимаю... У тебя телефон есть?

— Есть. Надо не забыть записать тебе завтра.

— Я буду звонить — когда дома никого нет. Или с автомата. Свой я тебе тоже запишу, звони, пока предки на работе.

— Мы можем встречаться в каком-нибудь парке... или в кино — «случайно». Я знаю, это не совсем то, чего ты хочешь...

— Кать, ну ладно тебе... — Андрей притянул её голову и поцеловал в лоб. — Что-нибудь придумаем. И мне ж всего год только в школе осталось. А потом...

— А что потом? — грустно прервала его Катя. — Потом ты вообще уедешь...

— Никуда я не уеду, поступлю где-нибудь у нас — в твой пед хотя бы. Или даже ещё лучше, поступлю в любом другом городе, какой сама выберешь. А ты туда поменяешься, учителя везде нужны.

— Андрюш, ну не говори глупостей. Пожалуйста. Мне и без того тошно... Ты поедешь в Москву, как собирался. Обещаешь?

— Ты не хочешь, чтобы я остался с тобой?

— Андрюша, ну зачем ты так? Конечно хочу... Но не такой же ценой. Кем я себя после этого чувствовать буду...

— Но сама же ты в Москву тоже не поехала.

— Не поехала... Но там у меня правда выбора не было. И я же говорила тебе, мама себя за это так и не простила...

— А ты меня ждать будешь?

— Буду... — она отвернулась и незаметно смахнула набежавшую откуда-то слезу. — Куда ж я денусь...

— Мы можем писать друг другу. Звонить. И в университете ведь тоже каникулы бывают... Всё лучше, чем у Веги с Орионом, — попытался пошутить он. — А потом я распределюсь куда-нибудь подальше — и ты приедешь ко мне навсегда.

— Только этого ещё шесть лет ждать, мне тогда уже двадцать восемь будет, почти двадцать девять. Ты меня, может, и не позовёшь даже...

— Кать, ну вот а зачем *ты* сейчас так? И потом, я аккурат над этим сегодня как раз и думал. Хуже гораздо было бы, если б ты, наоборот, чуть помладше была.

— Ну это ты уже совсем заврался, — несмотря на грустные мысли, рассмеялась Катя — решив, что Андрей опять собирается выдать какую-нибудь очередную дурацкую шуточку из Гарднера. — Здесь тебе никакая матлогика не поможет.

— Нет, серьёзно. Представь, родилась бы ты всего на четыре или пять дней позже...

Двадцать девятое, тридцатое, тридцать первое... Сентябрь... Ещё год в детском саду. Институт окончила бы только сейчас. Арифметика...

— Да, ты прав... Ужас...

— Видишь? Так что всё у нас очень даже удачно складывается. Обними меня, и давай спать.

Секундная стрелка завершила ещё один полный круг, и Андрей торжествующе прошептал Кате на ухо:

— Место у окна — моё.

Спор был, уложится ли заведующая на этот раз в пять минут.

— И в завершение, — продолжала она своё прощальное напутствие, — мне хотелось бы прочесть вам стихи нашего замечательного поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

— До свиданья, товарищи! Счастливого пути!

Фыркнув несколько раз, их ставший почти уже родным «Пазик» поднял густое облако пыли и запрыгал вразвалку по знакомому ухабистому просёлку. Откуда-то раздавался смех, откуда-то — грустные вздохи, что вот и кончился отпуск, когда ещё опять удастся на море побывать… Катя болтала через проход с Сергеем, нашла благодарного слушателя: оказалось, его младшая сестра на будущий год тоже пединститут оканчивает. Историчка, вроде Светки… Потеплевшая к Марине Людочка громко, на весь автобус наставляла её насчёт какого-то непрерывного стажа. И что надо непременно вытрясти из горкома комсомольскую путёвку: по ней могут дать бесплатный проезд… Потом Марину уговорили взять гитару, и она запела «По Ангаре»…

В Краснодаре компания распалась. Кто-то сразу уехал в аэропорт, кто-то отправился гулять по городу или искать гостиницу на ночь…

— Ну всё, до свиданья… — начал прощаться Сергей, вернувшись от касс с билетами. Но передумал и нерешительно предложил: — У меня до самолёта несколько часов ещё, могу вас

проводить… Если не возражаете.

— Нет-нет, что вы, — поспешила заверить его Катя, — конечно оставайтесь. Будем только рады. Кузнецов, согласен?

Андрей кивнул головой.

— В компании всегда веселее. Идёмте тогда, сядем где-нибудь… — Он огляделся. — Вон там, в углу, кажись, места свободные есть… Катерина Максимовна, ну что вы опять за свои котомки хватаетесь! Занимать бегите.

Ухнув в унисон, они с Сергеем подняли каждый по одной её сумке и поспешили за ней следом.

— Сергей Анатольевич, а можно, я вас тоже порасспрошу немного? — Катя уселась между ними и поправила на голове свою ковбойскую шляпу. — А то Кузнецов какие-то очень уж странные вещи о вас рассказывает. Признайтесь всё же, откуда вы? Если не секрет, конечно.

— Да тут… — немного сконфуженно начал он, — понимаете, такое дело… Самое смешное, что это действительно секрет. Но вам Андрей говорил, наверное, после универа я его к нам агитирую. Так что, если надумает, может и шепнёт вам что-нибудь по знакомству. Хотя на самом-то деле и рассказывать особо не о чем: глушь, леса, по улицам телята бродят без привязи… Ну вот честное слово, не вру! — встретил он её недоверчивый взгляд. — Сам обалдел, когда первый раз увидел. Давайте я вам лучше из мехматского что-нибудь расскажу. Оно и интереснее, Андрею особенно…

Когда объявили посадку, Сергей помог им затащить в купе вещи.

— Но это же СВ!.. — ахнула Катя.

— Что было, — словно оправдываясь, пояснил он — хотя в голосе его чувствовалась эдакая благодушная неискренность. — Ну я и подумал, главное ведь, не плацкарт. Так вы располагайтесь, а мне пора уже. Всего наилучшего, надеюсь, свидимся ещё.

— Подождите, — полезла она в пакет за кошельком. — Надо же вам разницу вернуть.

— Ну сколько той разницы, не будем считаться по мелочам. И я же вас заранее не предупредил. Всё, бегу, регистрация за час. До свиданья.

Сергей кивнул ей, пожал руку Андрею, но когда он уже вышел из купе, Катя спохватилась:

— До свидания. Жене привет передавайте, обязательно!

Он обернулся.

— Да я б и передал, только некому пока. Всё не соберусь никак... — махнул им на прощанье ещё раз и скрылся в проходе.

— Ничего не понимаю, — озадаченно произнёс Андрей. — Он же мне совершенно точно говорил... Кать?

Катя молчала, продолжая отрешённо смотреть в открытую дверь купе.

— Никудышные из нас с тобой конспираторы, вот что я тебе скажу, — произнесла она наконец. — Ну неужели всё было *настолько* очевидно? Ведь он же специально тебе про «жену» наплёл, не знаю уж, зачем... Может, чтоб ты соперником его не считал — чёрт вас, мужиков, разберёт.

— Соперником? Но у нас же тогда вообще ещё ничего не было.

— Ты уверен? — Катя задумчиво перевела на него глаза. — Ну а когда оно у нас появилось, можешь сказать? Я — нет...

Часть вторая

От звонка до звонка

Как учит нас — в лице Кати, ясно — японская мудрость, всё в мире преходяще и ничто не совершенно. В чём, как утверждается, заключена своя особенная, уникальная красота. Деревце кривое, беседка перекошенная, разбитая и склеенная чашка, букетик асимметричный, в таком роде. По-ихнему называется wabi sabi — а на русский в принципе не переводится. Но что-то в этом, безусловно, есть. Вот взглянем на жизнь, как на произведение искусства. Допустим, всё в ней стабильно и идеально. И что? Одна скукотища и вспомнить нечего.

На старом месте

Взглянув, наверное, в тысячный раз на ходики в гостиной, Катя вздохнула и пошла стелить постель. Первый час. Андрей так и не позвонил. Может, это и правда конец? Начало конца...

Они расстались ещё в поезде, вышли каждый из «своего» вагона. В проплывающей мимо толпе встречающих она заметила его родителей — и только сейчас сообразила, что не знает, как их зовут. То есть они, конечно, представлялись ей на котором-то из родительских собраний, и Катя запомнила их лица, но имена совершенно вылетели из памяти. Учеников бы не забыть... Странно, что за всё время ей ни разу не пришло в голову спросить. А сам Андрей всегда называл их просто «мама» и «отец»... Смешно. Ведь и отчества его она тоже до сих пор не знает...

Состав дёрнулся в последний раз и встал. Ещё из тамбура Катя увидела стоящих на перроне Свету с мужем и радостно помахала им рукой.

— Давайте, давайте, не задерживайтесь, — заторопил их Владимир Николаевич, устремившись вперёд с её сумками, — успеете ещё поболтать. Меня мужики ждут.

На той стороне площади она разглядела Андрея. Он увлечённо говорил о чём-то с родителями, не обращая внимания на происходящее вокруг. И она сразу отвела глаза, сделала вид, что не заметила его...

— Ну, *рассказывай*! — последовал нетерпеливый вопрос, как только они уселись на диване в её гостиной. И понятно было, что интересуют Свету вовсе не красоты природы или особенности кавказской кухни...

К подруге своей Катя испытывала двойственные чувства. Болтлива, любопытна, надоедлива до невозможности — иногда она казалась ей просто средоточием всех человеческих недостатков. И всё же, без её непрошенной, часто навязчивой помощи этот первый год в школе дался бы Кате куда как тяжелее...

— Ой, Свет, ну о чём ты говоришь. Нечего мне рассказывать. Купалась, загорала, — она с довольной ухмылкой приложила свою руку к её, — на мулатку, может, и не потяну, но на квартеронку — вполне. Вязала в тенёчке в своё удовольствие...

— Но были же там хоть какие-то кандидатуры, — не отступалась Света.

— Были. Женатиков горстка да старичков пучок.

— Ну а из других мест, из «дикарей»? Не сиднем же ты там сидела, в пансионате своём.

— На танцы несколько раз выбралась. Но ты же знаешь, я так, на ходу, знакомиться не умею. А пляж у нас свой был — помнишь, писала тебе? Да и что ты, в самом деле. Не за тем же я на юг ездила. А отдохнула просто чудесно, лучше не бывает...

Она потушила свет и уже собралась лечь — но в этот момент на кухне зазвонил телефон. Катя бросилась к нему сломя голову, через всю квартиру, босиком, в темноте, путаясь в подоле рубашки.

— Алло!

— Катя, ты? Привет. Я тебя не разбудил?

Мама, как обычно, первым делом полезла обниматься-целоваться.

— Мать, ну ты чё? — начал отпихивать её Андрей. — Люди же кругом. Опять ты со своими телячьими нежностями. Пошли лучше домой скорей. Па, оставь в покое мой чемодан.

Пока ждали на остановке, он видел, как Катя с историчкой и ещё каким-то типом — мужем её, должно быть — прошли на стоянку частных машин. Вроде, взглянула в его сторону... Или только показалось... Вот так оно и будет сейчас: при встречах не поворачивать головы, не менять выражения лица. Будто и нет им друг до друга никакого дела...

А дома его поджидал сюрприз, причём далеко не самого приятного свойства: по случаю «возвращения блудного сына» родители решили позвать гостей. Устраивать подобного рода приёмы Алевтина Степановна просто обожала — а Андрей ненавидел их с детства лютой ненавистью. И хотя с тех пор, как его перестали ставить на табуретку читать стихи, они стали чуть более терпимыми, радости новость не вызвала. А тут ещё и он сам — «виновник торжества», экспонат для показа публике. Даже смыться пораньше вряд ли удастся.

С положенных восторгов на тему поздоровел-вырос-загорел разговор за столом быстро перешёл на накатанную колею последних институтских сплетен. Андрей уже начал подумывать, а не получится ли всё же улизнуть под каким-нибудь в меру благовидным предлогом, когда отец пожаловался, что вот и в этом году директор не дал ему давно обещанного молодого специалиста.

— Пап, ну а чего? — встрял он просто со скуки. — Сам же говорил, вся работа у вас — бумажки с места на место перекладывать. Вот и не идёт к вам никто.

Подобного выпада Виталий Викторович явно не ожидал и в недоумении взглянул на сына.

— Ну а ты после университета куда попасть надеешься? — с некоторой даже обидой в голосе поинтересовался он. — Думаешь, там иначе будет?

Вопрос был скорее риторическим. Но вместо того, чтобы благовоспитанно промолчать и не лезть, куда не просят, Андрей решил не отступать. В конце концов, разговаривали же с ним там, на юге, как с человеком...

— Не знаю, — пожал он плечами, — может, и иначе. Вот познакомился я в пансионате с одним, в каком-то секретном городе работает. Так у них, говорит, интересно. И меня к себе звал.

Всё, чего он добивался, это оставить за собой последнее слово, чтоб отец отмахнулся и заговорил о чём-нибудь другом. Но совершенно неожиданно известие это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Все присутствующие мгновенно замолчали и уставились на Андрея с таким видом, будто он у них на глазах выиграл главный приз в «Спортлото». А затем принялись наперебой расспрашивать подробности. Но прибавить к сказанному ему было особо нечего — и тогда они начали восполнять недостаток информации самостоятельно. У каждого нашлись знакомые или знакомые знакомых, которым что-то рассказывали их знакомые... Поначалу Андрей ловил каждое слово, только вскоре понял, что на самом деле взрослые знают об этих, как они их называли, «ящиках» немногим больше его самого. А вот сейчас добавили к своему арсеналу «достоверных сведений» ещё и праздношатающихся по городу телят...

Когда поздно вечером гости начали расходиться, родители просто млели от счастья, выслушивая похвалы, какого прекрасного, серьёзного, ответственного сына они вырастили. Что было скорее даже обидно: все эти дифирамбы из-за того лишь, что он встретил кого-то случайно на курорте? И почему всё у

них всегда сводится к зарплатам, премиям, коэффициентам, очередям на квартиру или машину... Неужели они правда ничего другого не ценят в жизни?..

— Нет, — Катя сразу позабыла все свои страхи, — собиралась ещё только лечь. Андрюша, у тебя всё в порядке?

— Нормально. Тут, понимаешь, предки сабантуй закатили, загаром моим похвастаться. Раньше никак не получалось, извини. Ждал, пока все лягут. Ну а ты как?

— Да тоже... А они тебя точно сейчас не слышат?

— Точно. У нас провод длинный, я телефон к себе утащил.

— А ко мне Света заходила. Владимир Николаевич нас бросил, сам в преферанс умотал играть — они там, с завода, каждую субботу собираются. Андрюш, можно я тебе пожалуюсь?

— Валяй.

— Она ж меня расспрашивает, а я не знаю прямо, что рассказать. О чём ни начну, на тебя натыкаюсь — и не могу даже вид сделать, что это просто знакомый случайный какой: сказала уже, что никаких таких знакомых у меня не было... Мне кажется, она почувствовала, что я вру. Неудобно — страшно.

— Кать... — в его голосе ей послышалась растерянность. И правда, ну что тут можно ответить?.. — Не расстраивайся... Она, наверно, решила, у тебя там что-то не так пошло, и ты вспоминать не хочешь. И не обижается... Так завтра, как договорились?

— Ага... Спасибо, что позвонил. Я тебя люблю. Ну, спокойной ночи?

— Спокойной ночи. Я тебя тоже люблю.

Она положила трубку и вернулась в спальню. Разговор успокоил её, но сон всё не шёл. Ей было холодно — вероятно, от сквозняка... Катя встала и закрыла окно, но теплее от этого

не стало. Похоже, она просто отвыкла спать одна... Накинув на плечи платок, она вышла на балкон. Свежий ветерок с реки тихо шелестел листвой в сквере. Уютные, знакомые с детства звуки ночи... Она помнила, как эти деревья привезли на грузовике — ей было тогда пять лет, и они всего недели две или три, как въехали в квартиру. Увидев сквозь прутья перил, что происходит, она бросилась с балкона к бабушке, а та не хотела её отпускать. Но потом растаяла и велела только не подходить близко к вырытым ещё накануне ямам. Обвязанные верёвкой саженцы были ненамного выше Кати — а сейчас вытянулись почти до её пятого этажа. Она выросла вместе с ними...

Практически всю свою сознательную жизнь прожила она в этой квартире, которая постепенно пустела и становилась всё тише и тише. Пока наконец не опустела совсем. Кате казалось, за год она уже привыкла к этой тишине и даже перестала почти замечать её... Ей захотелось опять позвонить Андрею, поговорить с ним о чём-нибудь, не важно, о чём... Но он уже, конечно, отнёс телефон. И даже если успеет подбежать первым, как объяснит родителям этот ночной звонок? Волшебная сказка кончилась, начинается просто жизнь. Жизнь по не ими заведённым правилам... Если им удастся сохранить хотя бы её...

На следующий день Андрей ждал её на одной из редко разбросанных по лесопарку скамеек. Это был другой конец города, район новостроек, где уже заселённые дома чередовались с не до конца ещё вырытыми котлованами. С где-то ещё не уложенным, а где-то уже опять развороченным отбойными молотками асфальтом... Заметив в конце аллеи Катю, он ещё сильнее уткнулся в раскрытую на коленях книгу, продолжая следить уголком глаза за её приближением. А та шла себе не торопясь, прогулочным шагом, словно и не видя его...

— Здравствуй, — остановилась она, поравнявшись с ним.

— Здравствуй, — улыбнулся он в ответ, поднимая глаза.

— Как думаешь, я уже достаточно постояла, чтобы это выглядело случайным?

— Наверно... И всё равно ж никого вокруг нет.

— Нет... Но ведь и ты пялился в свою книжку до последнего.

— Да, глупо... Садись.

Катя села рядом. Сантиметрах в пятнадцати...

— Боишься, что нас кто-то увидит? — Андрей закрыл книгу и положил её между ними, слегка задев костяшками пальцев её руку.

— Ужасно. А ты?

— Тоже...

— Как странно... Я так ждала этого момента, а сейчас совершенно не знаю, о чём говорить... Ты что читал?

— Я не читал, так просто взял, для виду... И тебе показать. Она довольно редкая, по-моему, — он протянул ей потрёпанную книгу в бумажной обложке, — Хьюго Гернсбек, это в честь которого премия «Хьюго». Его первая повесть.

— Правда?! Не читала.

— Бери, если хочешь.

— Конечно, — она спрятала книгу в пакет. — Спасибо. Может, пройдёмся? Почему бы нам не прогуляться вместе, раз уж мы здесь случайно встретились.

— Пойдём.

Они встали и так же, не касаясь друг друга, пошли вдоль аллеи.

— Кать, ну тут ведь действительно никого нет... — опять чуть коснулся её руки Андрей.

Она взяла его руку в свою.

— Андрюша, ну за что с нами так?.. Мы ведь правда никому ничего плохого не делаем...

За что... Он поднял к губам её ладошку — и сразу опустил, с

опаской оглянувшись через плечо... Да ни за что. Просто мир так устроен, по-свински...

— Есть люди, которые чувствуют себя очень плохо — когда другому хорошо, — попытался пошутить он. — Кать, скажи, вот ты маме своей когда-нибудь врала?

— Врала, конечно. По мелочи.

— Я своим — тоже. И не только по мелочи. Но я что сказать хотел... У нас с тобой сейчас двойная жизнь, как в фильмах про шпионов. Ты шпионить в детстве любила?

— А то!

— И я любил. Так что нам всё это может и самим ещё понравиться.

— Ага, может. До первого провала, — рассмеялась она.

— По крайней мере, ты уже смотришь на ситуацию с юмором, — Андрей обнял её за талию.

— С чёрным.

— Ну, хоть с каким. Всяко лучше, чем на судьбу плакаться.

— Я не плачусь, что ты, — Катя поцеловала его в щёку. — Знаешь, в Японии выражение есть, «shikata ga nai» — значит, «ничего тут не поделаешь». Только имеется в виду не в отчаяние впасть, а наоборот, принимать жизнь такой, какая она есть. И тогда можно быть счастливыми несмотря ни на что...

Ботанический сад, кафе-мороженое, краеведческий музей, ещё один парк... В городе, оказывается, есть масса мест, где люди могут случайно встретить друг друга. Сейчас Катя стояла в помещении касс кинотеатра и с задумчивым лицом делала вид, что изучает расписание сеансов. Давешняя паранойя уже прошла, но осторожность никогда не помешает...

— Катерина Максимовна! — знакомый жизнерадостный голос заставил её обернуться. — Здравствуйте! А вы тоже в кино

идёте?

Это была Вика Белова, по прозвищу Белка. Отличница и активистка, капля бальзама на вечно истерзанную учительскую душу. А кроме того, самая красивая девочка в классе — если не во всей школе.

— Да... — немного растерялась от неожиданности Катя. — Здравствуй, Белова. Вот, думаю... Но что-то сеанс нескоро ещё, и в очереди стоять неохота...

Вика оглянулась на извивающийся к окошечку хвост.

— Без проблем! Смотрите, там Кузнецов стоит — и совсем недалеко уже. Вот он нам с вами билеты и возьмёт.

К такому повороту событий Катя была не готова совсем.

— Ты думаешь? Неудобно как-то... Да и с чего бы он их нам покупать стал?

— Катерина Максимовна, не волнуйтесь. Мне никто ни в чём не отказывает. Увидите, он меня после сеанса ещё и проводить набиваться станет.

Она убежала в очередь к Андрею — откуда тут же послышалось её колоратурное мурлыканье. Катя в неверии смотрела на происходящее... но вдруг спохватилась и вырвала из записной книжки половинку чистого листа...

— Места не самые лучшие, но терпимо, — сообщила вернувшаяся с Андреем Вика.

— Здравствуй, Кузнецов, спасибо тебе за билеты, — Катя уже немного пришла в себя и постепенно входила в роль случайно встретившей учеников учительницы. — До сеанса ещё время есть, давайте посидим в скверике за кинотеатром. Вот, за мой билет, — она протянула Андрею сложенный пополам рубль, внутри которого была записка. — И не сбегаешь нам всем за мороженым? Пожалуйста. Я угощаю.

— Конечно, Катерина Максимовна, — он с ходу подхватил игру, — я щас. Здрасьте.

Следуя инструкции в записке, Андрей явился к пригородным кассам — где нашёл Катю нервно поглядывающей на тикающие на стене часы. С парой плетёных лукошек в руках.

— А ты, я вижу, не торопишься: я домой успела съездить, переодеться. — И прибавила, не без доли сарказма: — Надеюсь, хорошо провёл время? Ладно, берём билеты — и побежали. Как раз дизель скоро.

— Кать, ну ты чего? — он непонимающе посмотрел на неё. — Ты ж мне сама велела... — После кино он предложил Белке проводить её до дома, а та — к немалому его удивлению и досаде — согласилась. — А куда мы едем?

— Не видишь, что ли? Грибы собирать.

— Грибы? Ну, грибы — так грибы...

Спутница его была явно не в духе, и Андрей не стал приставать к ней в вагоне с расспросами. Только когда они успели уже побродить немного по лесу и поболтать о фильме, решился-таки спросить:

— Слышь, а серьёзно. Зачем ты меня провожать её заставила?

На что Катя нахмурилась опять.

— Зачем, зачем... Затем, что она ждала от тебя этого. Сама мне сказала.

— И что? Обмануться в своих ожиданиях ей бы вот точно не повредило.

— Да ей-то — на здоровье. Тут ты мена за советскую власть можешь не агитировать. Но она бы потом землю носом рыть стала, что тут не так. А то б ещё надумала... Привыкла, что мальчики вокруг неё в штабель складываются. Поверь, я таких девиц навидалась... — в Катином голосе совершенно явственно сквозила неприязнь. — А так она и забыла уже обо всём.

Андрей уставился на неё в изумлении.

— Катька, ты... ревнуешь?

— Вовсе нет! С чего ты вообще такую глупость взял? — раздражённо отрезала она.

— Мне показалось...

— Ну а хоть бы даже и так, — сразу же сменила она тон на шутливо-примирительный, — у меня на то хоть основания есть. В отличие от некоторых, которые честной девушке сцену устраивают за то лишь, что её потанцевать пригласили. На свиданку со мной пришёл, а ушёл с этой... — она скорчила рожицу и высунула язык, — выдрой.

— Ну какая ж она выдра, — в тон ей съехидничал Андрей, — когда за ней полкласса бегает?

— Так это в вашем классе просто вкуса ни у кого нет. Кроме тебя, разумеется, — она обвила его шею руками.

— Кать, — поцеловал он её в губы, — а правда, чего это тебя вдруг в лес понесло ни с того ни сего?

— Ну сказала же, грибы собирать, — она тоже поцеловала его в ответ. — Не отвлекайся.

— Катюша! Сколько ж это я тебя не видела-то? — Любовь Саввична опять заперла дверь общежития и, прихрамывая на левую ногу, заковыляла назад в комнату.

— Не помню, тёть Люб, месяца четыре, наверное.

— Смотри, да ты загорела — и как хорошо! Ну прям писаная красавица, лучше прежнего.

— Спасибо, тётя Люба. На море была, на Кавказе. Несколько дней только, как вернулась.

— На море — это ты умница. А что, «дикарём» — аль путёвку где достала?

— В школе выиграла. Бесплатную, от профсоюза.

— Так совсем же замечательно! Да ты погоди, я сейчас на кухню сбегаю, чайку нам с тобой поставлю.

— Ой, ну чего вам самой ходить, — Катя схватила стоящий в стенном шкафу алюминиевый чайник, — я сейчас, мигом. У вас какая кухня открыта, ближняя на втором этаже?

Жила Любовь Саввична там же, где и работала: в общежитии ей выделили служебную квартиру — если так можно было назвать стандартную комнату на четверых, куда в дополнение к инвентарной мебели она поставила ещё старый диван, комод и крохотный холодильник.

— Только вижу я, не просто так ты ко мне заглянула, — с добродушной хитринкой в глазах взглянула она на Катю, когда они уселись за стол. — Случилось у тебя что? Ну, рассказывай, золотко.

— Да уж случилось, тётя Люба... Ох, случилось...

— Нашла себе кого-то? — догадалось та.

— Нашла...— подтвердила, вздохнув, гостья.

— Ну а чего ж смурная такая? Радость же. На курорте познакомились?

— Нет... Или да...

— Странно ты как-то говоришь. Ну да ладно, что за беда-то у тебя? Нешто женатый оказался, стервец?

— Да нет, совсем не то. Не женатый он... Хуже.

— А куда ж тут хуже-то может быть? Иль судимый? — она хлопнула себя ладонями по бокам. — На поселении?

— Да нет же, нет. Всё у него в порядке. Молодой только слишком.

— Ну, молодой — не старый. Ты ведь и сама-то — девчушка совсем. Для тебя шибко молодого, это ещё поискать надо. Так сколько ж годков сорванцу этому стукнуло?

— Семнадцать... В сентябре будет.

— *Семнадцать*... — Выглядела тётя Люба не сказать чтоб шокированной, но сильно озадаченной. — Как же это тебя

угораздило-то, солнышко моё?.. — И, подумав немного, философски закончила: — Ну уж, что сталось, то сталось. Стало быть.

— Только это ещё не всё... — опять вздохнула Катя.

— А что ж ещё-то?

— Да ученик он мой. В десятый класс перешёл.

На это Любовь Саввична не нашлась сразу, что сказать, и лишь покачала в задумчивости головой.

— Ну, что сталось, то сталось... — повторила она наконец. — Скажи только, любишь его?

— Люблю...

— А он тебя?

— Тоже...

— Ну так, значит, и хорошо всё. Главное, чтоб любовь была. И не упустить её. А я помолюсь о вас нынче. И на пречистую свечку богородице поставлю. Знаешь, как говорят: пришла пречистая — сватов несёт нечистая... Погоди-погоди... Да ты ж родилась на пречистую! Лучшего знамения и не придумаешь.

— Ой, тётя Люба, — Катя махнула на неё рукой и рассмеялась, — за нас свечки без толку ставить: мы ж комсомольцы оба.

— А это не важно. Бог, он всех любит, а вас, может, ещё и поболе — потому как заблудшие. Я ведь тоже когда-то комсомолкой была, да ещё какой! Ну, я тебе рассказывала... Но не за тем ведь ты пришла, чтобы совета у тёти Любы спросить. Всё ты уже сама решила. Водить его к себе не можешь — так?

— Так, — вид у Кати был как у признающей вину, но не раскаявшейся грешницы.

— Ну и правильно, что пришла. Учти только, это ненадолго совсем, до заезда. В начале года у меня не то что комнат, раскладушек свободных нет. А заезд у меня... — она взяла с комода карманный календарик и надела очки, — в понедельник, двадцать пятого. И белья у меня сейчас нету — это уж ты сама.

— Ой, спасибо, тёть Люб, огромное-преогромное, — Катя вскочила и обняла её за шею. И немного лицемерно побеспокоилась: — А вам за это точно ничего не будет?

— Да что мне может быть, какой за мной надзор? А в декабре ж и вообще на пенсию выхожу.

— Как, на пенсию? Вам же ещё — сколько — пятьдесят всего только будет? Я ничего не путаю?

— Ох, а ты ж не знаешь ещё! Вот на днях только письмо пришло, инвалидность мне оформили, по ранению. К тридцатилетию-то комсомольцы ваши всех ветеранов проведали, и в стенгазете на Девятое про меня заметка была. «Забытые герои» — во как! Так после неё сам Ефим Сидорыч за меня в обком ходил требовать, кулаком по столу стукнул. Может даже, сказал, медаль мне дадут, но это, предупредил, не гарантировано.

Весной сорок второго шестнадцатилетняя Любашка шла с донесением в партизанский штаб, а наткнулась прямиком на фашистский патруль. Скатилась с простреленной ногой в заросший колючим кустарником овраг, тем и спаслась. И потом уже только узнала, что отряд их попал в окружение, живым никто не ушёл. Немцы тогда к приезду Гитлера готовились... Так и осталась в результате с одной лишь пометкой в графе о «пребывании». У каждого, видать, свои сомнительные эльфы...

— Правда?! — Катя радостно обняла её ещё раз. — Поздравляю! Кто ж ещё заслужил, если не вы... Только с жильём-то у вас как сейчас будет? Тёть Люб, а давайте, я вас к себе пропишу. У меня ж места — девать некуда.

— Спасибо, золотце. К Гришеньке я еду, в Новочеркасск. Он давно уж меня к себе зовёт, а тут они с Валюшкой вторым как раз обзаводятся — так со мной им, может, и квартиру побольше дадут.

Замуж после войны Любовь Саввична так и не вышла: кто её возьмёт, хромую-то. Приютила сироту — который на рынке как-то раз чуть не стащил у неё последние деньги...

— Так я позвоню прямо сейчас, с вахты?

— Беги-беги, вертихвостка, — хозяйка встала и открыла шкафчик с ключами. — Вот тебе, от двести шестой. Как раз напротив кухни — если приготовить чего соберёшься.

На том конце провода отозвались сразу.

— Андрюш, привет. Изменение планов, картинная галерея на сегодня отменяется... Сюрприз... Увидишь. Общежитие пединститута знаешь?.. Тогда запоминай...

Задача по литературе

Мелкий осенний дождик, моросивший с самого утра, уже кончился, но небо и не думало проясняться. Медленно, точно не желая уступать отвоёванную у солнца территорию, тучи ползли над неприветливым, таким же серым, как они сами, зданием школы, над покрытым лужами асфальтом двора, над растущей в его дальнем углу плакучей ивой — единственным радующим глаз пятном среди этого унылого царства безликой серости…

Большая перемена подходила к концу. В погожие дни здесь всегда были шум, беготня, но сегодня школьный двор выглядел вымершим. Только какая-то малышня, извозив все коленки, пускала в самой большой луже сделанный из тетрадного листа кораблик. Не иначе, первоклашки, не успевшие ещё отвыкнуть от детсадовской вольницы… Андрей вполглаза наблюдал за ними сквозь свисающую почти до земли бахрому ивовых прутьев и предавался занятию, которое всегда считал верхом бессмыслицы: размышлял о превратностях бытия.

С того дня, как они с Катей остались без комнаты, прошло уже две недели. И пора было признать, что никаких изменений к лучшему в обозримом будущем не предвидится, как бы ни

старались они убедить друг друга в обратном. Остаток каникул прошёл опять в бесконечном шатании по городу, а с началом занятий конец пришёл и этому. Всю последнюю неделю они виделись, в основном, лишь в классе — да ещё иногда в коридоре, мельком. «Здрасьте, Катерина Максимовна...» — «Доброе утро, Кузнецов...»

В эту субботу он ждал её после уроков возле кинотеатра, с загодя купленными билетами. Но Катя пришла поздно — они едва успели к концу журнала — и почему-то грустная. Даже комедия с Бельмондо не сразу её развеселила... А уже после сеанса выяснилось, что Кикимора соблаговолила наконец-то поговорить с ней о факультативе. «Замечательная идея. Мы непременно обсудим её на педсовете. Вот станет чуть посвободнее, и тогда... Вы же понимаете, дорогая моя, сразу такие вещи не решаются...» Могла бы и проще сказать: «Когда рак на горе свистнет.»

Прозвенел звонок. Мальцы стремглав кинулись к дверям, бросив на произвол судьбы свой истерзанный в штормах фрегат. Но Андрей так и остался сидеть на расписанной шариковыми ручками и перочинными ножами скамье. Губы его сложились вдруг в торжествующую ухмылку. И как он раньше об этом не подумал?

Войдя в класс и поздоровавшись, Катя привычно окинула взглядом ряды столов. Тишина, все смотрят на неё... И всё же что-то не так. Что?.. Она ещё раз пробежалась глазами по классу... В левом ряду, на второй парте с конца пустовало место. Странно, Андрей никогда ещё не опаздывал на её урок. А сегодня к тому же вызваться обещал... С ним что-то случилось? Да нет, она ведь уже видела его утром... Но так или иначе, надо начинать перекличку.

— ... Зозуля?.. Иванченко?.. Кошевая?.. Кузнецов?..

«Что в имени? То, что зовём мы розой...» Сегодня она произнесла его фамилию бесстрастно, как и все остальные — но неделю назад, на первом в этом году уроке споткнулась на ней, прикрыла рот рукой, сделала вид, что закашлялась...

... Это произошло спустя несколько дней после той памятной ночи. Андрей опять увязался за Константином Николаевичем, слушать его гривуазные истории — а она села за стол, набросать вчерне план факультатива. Раскрыла блокнот, вывела аккуратно единичку со скобочкой, задумалась... И неожиданно для себя самой написала дальше в строчке «Кузнецова». С минуту смотрела перед собой, будто не понимая, откуда взялось, что делает здесь это странное слово... Затем быстро-быстро приписала следом «Катя» — и тут же вырвала лист, порвала его на мелкие клочки...

— Он сегодня был, на всех уроках, — отозвался за друга сосед по парте. — Не ставьте пока «н». Он, наверное, звонка не слышал.

Более дурацкое объяснение придумать было трудно — что, впрочем, не мешало ему оставаться самым популярным на протяжении уже многих лет. С её собственного первого класса, как минимум.

— Хорошо, Чижов, — подняла она глаза от журнала, — подождём нашего бездельника ещё пару минут. Но не дольше.

Перекличка продолжалась — а Андрей всё не появлялся. Катя уже начала волноваться всерьёз, но как только она произнесла последнюю фамилию и положила ручку на стол, раздался робкий стук в дверь и опоздавший бочком протиснулся в класс.

— Катерина Максимовна, можно? Извините, я звонок прослушал, больше не повторится...

— Ну, так уж и быть, Кузнецов, на первый раз прощается. Но точку в журнале я тебе уже поставила. Так что отнеси

портфель — и к доске.

Она приготовилась сделать приятно удивлённое лицо, даже повторила про себя заготовленную заранее похвалу... Боже, это был просто какой-то тихий ужас. Он забыл своё обещание и ничего не выучил? Нет, не может быть: *так* плохо он ещё ни разу не отвечал. Он хочет пару. И специально не даёт ей ни малейшего шанса поставить ему хотя бы тройку с двумя минусами. Но зачем?!

— Достаточно, — прервала она его на середине фразы, и со вздохом открыла дневник. — Вижу, Кузнецов, за ум ты так и не взялся, даже в десятом классе. Садись, два.

До конца дня Катя ломала себе голову и не могла найти ни одного хоть сколько-нибудь вразумительного объяснения. Глупость какая-то. И главное, так неожиданно...

— Катерина Максимовна... — послышалось у неё за спиной, когда она уже собирала вещи идти домой.

Она обернулась. В дверях учительской, нервно переминаясь с ноги на ногу, стоял Андрей.

— Можно с вами поговорить? — неуверенно попросил он, когда она вопросительно взглянула на него.

Ну а чего он сейчас от неё ждёт? Ладно, надо просто вести себя как можно естественней — что ей ещё остаётся...

— Так-так-так, — Катя нахмурила брови и сложила на груди руки. — Двоечник пожаловал. Ну, говори, то ты там в своё оправдание придумал?

— Катерина Максимовна, — Андрей изобразил на лице смущение, — можно не здесь?

Сделав вид, что раздумывает, она так же холодно спросила:

— Тебе надолго?

— Нет... Спросить только...

— Хорошо, Кузнецов, подожди меня за дверью. Поговорим по дороге.

Она попрощалась с другими учителями и вышла за ним

следом.

— Ну как успехи сегодня? — Алевтина Степановна была в отпуске и хлопотала на кухне.

— Плохо, мам, — виновато признался Андрей, усаживаясь за стол.

— С самого начала года?! — в голосе её послышалось раздражение. — Это же выпускной класс! Так что у тебя там?

— Двойка... По литре.

— Ты же говорил, что выучил.

— Я думал... Ты сама видела, я правда учил. Ну не идёт она у меня, литература. Ты же знаешь...

Сын выглядел до того несчастным, что мать сжалилась и даже отказалась от обычной в таких случаях нотации.

— Ладно, успокойся. Поешь, давай, — поставила она перед ним дымящуюся тарелку рассольника. — А учительница что говорит?

— Что я — лодырь... И что по мне ПТУ плачет...

— Это она тебе прямо в классе такое сказала?!

— Нет, я к ней потом, после уроков подошёл. Сказал, хочу двойку исправить. И спросил, не может ли она со мной дополнительно позаниматься. Если у неё время будет...

— И что она?

— Сказала, нет у неё времени на таких, как я.

— Что значит, времени нет?! — похоже, родительские чувства начали брать верх над объективностью. — Это же её работа!

— Не, мам, она ж правда не обязана... Ей после школы тоже сразу домой охота...

Андрей замолчал и занялся супом.

— Завалю я это чёртово сочинение, как пить дать... — опять

начал он с чувством полной безысходности в голосе.

— Ну хочешь, я завтра сама в школу зайду, поговорю с ней? Может, она меня послушает.

— Да не, не надо. Только ещё хуже будет. Ни одна училка не любит, когда предки права качать ходят.

— Андрей, послушай. По-моему, ты мне что-то недоговариваешь. Ты ведь у неё не один неуспевающий. Я спрашивала других родителей, все о вашей Екатерине Максимовне только положительно отзываются. А у тебя она прямо злыдня какая-то выходит. У вас с ней конфликт? Натворил что-нибудь?

Андрей засопел, но ничего не ответил.

— Так я жду, — уже чуть нетерпеливо потребовала мать.

— А ты ругаться не будешь?

— Откуда я знаю?

— Ну тогда и не скажу ничего.

— Ну хорошо, не буду. Только тогда уж всё начистоту.

— Обещаешь?

— Обещаю, обещаю.

Переведя дыхание, как будто собираясь с духом, он признался:

— Ма, ты только правда не сердись... Я в конце девятого класса курить начал — на олимпиаде. Но уже бросил, честно! Да и курил-то совсем чуть-чуть... А она... Я тебе не говорил, она летом тоже на море была — ну, там же, где и я, в общем... А мне откуда было знать? Ну и застукала с сигаретой, в первый же день...

— И дальше что?

— Ну, как...

— Нагрубил?

— Можно и так сказать...

Мать только горестно вздохнула и покачала головой. Тогда Андрей продолжил:

— И сейчас она меня терпеть не может... Ты обещала не

ругаться.

— Да помню я... Но ты хоть извинился перед ней?

— Извинился...

— Сразу?

— Нет. Сегодня, после уроков...

— Андрей, ну у меня просто слов нет... Или ты это хочешь сказать, она тебе двойку из вредности поставила?

— Нет, она не такая... Но вообще, раньше всегда старалась на тройку вытянуть...

— Ну, это-то как раз и правильно: на вступительных никто тебе оценку натягивать не будет... Но вот как нам сейчас положение-то исправить?.. Сведёшь ты меня в могилу... Погоди! — оживилась она вдруг. — А может, имеет смысл Елену Николаевну подключить? Объяснить, что вот ты нагрубил, но очень раскаиваешься... Ей же в большой плюс пойдёт, если ты в МГУ поступишь. И она — твой классный руководитель, вот пусть и попросит за тебя. Расскажет, какой ты у неё умненький, и что тебя обязательно надо по литературе подтянуть. Не совсем же эта ваша Екатерина Максимовна бездушная.

— Да не выйдет из этого ничего...

— Попытаться хотя бы можно. Сам к ней подойдёшь или лучше мне?

— Тебе... Только ты в школу не ходи: смеяться будут, типа, маменькин сынок... Позвони лучше, она как раз сейчас дома должна быть... — Андрей прикончил второе, выпил залпом стакан компота и встал из-за стола. — Спасибо... Ма, у нас уроков на завтра нет почти. Я пойду, погуляю?

— Хорошо, иди. Но не допоздна чтоб. Не хватало нам ещё одной двойки для полного счастья.

— Ты мне объяснишь наконец, что происходит?

Катя ждала его звонка, как на иголках. Даже тетради села проверять на кухне. Всё, что Андрей успел ей сказать, спускаясь по лестнице, это что завтра к ней подойдёт Елена и попросит назначить ему дополнительные занятия. На что она сначала откажется наотрез, потом немного поломается и в конце концов согласится. Проинструктировал, короче — ну чисто как Штирлиц Кэтрин Кин.

— «Как школьники от книг, спешим мы к милой; как в школу, от неё бредём уныло», — с чувством продекламировала телефонная трубка.

— Очень остроумно. А поподробнее можно?

Последовавший рассказ внёс хоть какую-то ясность.

— И ты правда веришь, что это сработает?

— Должно. Мама, как видишь, уже клюнула. Да и ты тоже: к доске меня вызвала.

— Да, вот об этом как раз. Со мной-то ты почему так обращаешься? Не думаешь, что мне это обидно может быть? Вообще, волнуешься из-за него, куда пропал… Неужели договориться нельзя было?

— Ну так вышло. Извини. Слышала, люди иногда во сне задачи решают? Ну вот и тут что-то вроде этого. Прямо перед уроком весь план вдруг возник в голове, от нуля и во всех деталях. Да, и самое же главное. Ты, как с Еленой говорить будешь, скажи, что за прошлое меня уже давно простила, но отношение моё к предмету тебя категорически не устраивает. И ты не видишь смысла тянуть меня с двойки на тройку ещё год. Вот если я пойму, что литература не менее важна, чем математика, и на факультатив твой запишусь, тогда — другое дело, ты готова помочь.

— Андрюша, но мне же его не разрешили, я ведь тебе…

— Тебе его *пока* не разрешили, — перебил её Андрей. — Кикимора рассмотреть обещала? Обещала. И ты *рассчитываешь*. А Елена с ней — лучшие подруги, у них дачи рядом. Вот она

тебе его и пробьёт.

— Но она же тогда подумает, что это я за тебя так торгуюсь.

— Ясно, подумает. Потому и сделает: баш на баш.

— Ну неудобно же...

— А как удобно? Ты клуб свой хочешь или нет?

— Хочу, конечно...

— Ну вот и всё. И потом, ты же не для себя, а для учеников. А кроме того, это отводит от нас вообще все подозрения. Вот смотри. Я просто допрыгался и запаниковал. Мама меня спасает как умеет. Елена о своих педагогических достижениях печётся. Ну а ты, не будь дура, пытаешься из возникшей ситуации свою выгоду извлечь. Все действуют абсолютно естественно. Последний вопрос остался, как часто я к тебе приходить смогу?

Катя чуть помолчала.

— Ну... Если б всё это правдой было, раз в неделю назначила бы...

— Ясно... — ей показалось, Андрей немного разочарован. — Ладно, тогда давай по средам. Типа, сам напросился — ну вот прямо с завтрашнего дня и начнём.

— И к чему же такая спе-ешка? — кокетливо проворковала она в ответ.

— Не, ну если ты не хо-очешь...

— А я этого не сказа-ала...

— Ну тогда другое скажи. В среду через две недели у нас с тобой — что?

— Что?

— Вот. И это называется — любовь!

— Ой, твой день рожденья! — подсчитала она. — Только это уж точно подозрительно будет.

— Ничего не будет: откуда тебе знать, когда он у меня? Ты, вон, даже и так забыла.

— Сам дурак. Но ты же, наверно, отпроситься по такому случаю захочешь?

— У такой строгой училки? Да не, правда нормально. Мне предки всегда гостей, сколько себя помню, по воскресеньям звали. Традиция уже, типа. Свой настоящий день рожденья вполне могу и «ударной учёбой» встретить.

Андрей пробил два талона и обернулся к Кате — но ту уже утащил дальше в проход плотный поток пассажиров.

— Товарищи, разрешите...

Бочком, бочком, с трудом протаскивая за собой вечно норовящий развернуться перпендикулярно портфель, он уже почти добрался до неё — как вдруг с сиденья впереди, разом потеснив окружающих, подскочил какой-то плечистый верзила в заношенной стройотрядовской штормовке.

— Девушка, садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, очень любезно с вашей стороны.

Катя уселась на освободившееся место и достала из пакета какую-то растрёпанную брошюрку в бумажном переплёте. Но, очевидно, троллейбусный джентльмен всерьёз рассчитывал познакомиться и через минуту активизировался опять:

— Девушка, а что вы читаете?

Не глядя на него, она перевернула на секунду бежевую тетрадку — Андрей успел разобрать лишь слова «Методическое пособие...» — и тут же снова уткнулась в неё с таким видом, будто в жизни ещё не читала ничего более захватывающего...

А ведь наверняка с ней такое не в первый раз случается... И не всегда она так демонстративно равнодушна... Ну а сейчас-то, ясно, из-за него — как тогда, на танцах. Хотя почему бы ей и не поговорить с этим хмырём, из вежливости просто?.. Да и с чего он его хмырём обозвал? Ну, познакомиться хочет — а кто б на его месте не хотел... Будто, самому не льстит, что на твою девчонку внимание обращают... Парень тем временем,

потерпев фиаско последовательно с прогнозом погоды, новым романом Юлиана Семёнова и программой телепередач на вечер, разочарованно замолк и ещё через остановку свалил в направлении передней двери. То ли сходить ему было, то ли просто надоело лопухом выглядеть…

Район первых хрущёвок, куда они попали, утопал в чуть подёрнутой уже осенней желтизной зелени тихих скверов и палисадников. Дворами они прошли до её дома, где у подъезда их встретили три сухонькие, боевого вида старушки, тут же, как по команде, переставшие лузгать тыквенные семечки и с каким-то явно нездоровым любопытством уставившиеся на Андрея. Вслед за Катей, он вежливо поздоровался с ними, но этим дело не ограничилось. Выяснив, что с ним будут заниматься, как с отстающим, бдительная троица одарила его взглядом, каким смотрят на стенд «Они позорят наш город». И продолжила допрос с пристрастием. Не хулиган ли? Или просто лентяй? А родители кто, может, алкоголики? И не боится ли она пускать такого в дом? Даже Катины заверения, что Андрей — мальчик из очень хорошей семьи, сомнений их, похоже, до конца не развеяли.

Но, наконец, общественный интерес к его персоне иссяк, и они поднялись на пятый этаж.

— Вот здесь я и живу. Проходи, — Катя открыла дверь и пропустила его вперёд. — Разувайся. Извини только, тапочек лишних у меня нет — не подумала вчера купить.

Андрей обвёл взглядом огромную — не ихней чета — прихожую. Даже прихожей-то не назовёшь, целый холл. Из двух выходящих в него комнат ближняя выглядела чем-то вроде кабинета: на столе у окна стопками лежали тетради, а высокие, до потолка стеллажи пестрели рядами разноцветных переплётов.

— Макулатуры у тебя, скажу…

— А это ещё дедушка начал собирать — сразу, как мама

родилась. Хотел, чтоб образованным человеком выросла, раз уж им с бабушкой не довелось. Потому и на завод её отговорил идти, хоть там платили вдвое больше. Так она в ФЗО устроилась, библиотекаршей. Потом на заочное поступила… Но большую часть книг, конечно, мама сама уже купила, когда в областную библиотеку перешла: там у них на всё, что хочешь, подписаться можно было. И это ведь только половина! Остальные — в спальне. А то как же мы, — на лице у Кати появилось шаловливое выражение, — без книг-то заниматься будем?

— Глубоко копаешь, — он обхватил её за талию и привлёк к себе. — Но вообще, классно устроилась. Прям буржуйка недорезанная.

— А вот такая я завидная невеста, — не без самодовольства отозвалась она. — Чаю сначала попить не хочешь? Или кофе? Я на переменке в кулинарию сбегала, пирожных купить. Корзиночек, твоих любимых.

— Кофе. Но только после того, как ты меня поцелуешь.

— Ну я тогда варить пошла, — Катя чмокнула его в губы перед тем, как освободиться. — А ты пока чем займёшься?

— Не знаю. Осмотрюсь тут у тебя, если не возражаешь.

— Давай. Музыку можешь какую-нибудь включить.

Гостиная мало чем отличалась от их собственной. Очень похожий — тоже, наверно, гэдээровский — сервант… Диван-кровать, раздвижной стол… Вот только телевизор был очень странный, совмещённый с проигрывателем. Андрей видел такие лишь на картинках в старых журналах. «Ку-ку, ку-ку, ку-ку…» — выскочила из висящих на стене ходиков кукушка. Машинально взглянув на запястье, он отметил, что часы отстают почти на две минуты. И, чуть поколебавшись, подвёл их. С ехидцей взглянул через дверь в спальню на трюмо у окна — всё заставленное какими-то баночками, коробочками, флакончиками… Точно, модница…

— Кать, а на балкон можно?

— Нет, нельзя! Андрюша, ну что за дурацкие вопросы, ей-богу? Можно, конечно. У нас там вид красивый, весной особенно, когда каштаны цветут. Но и сейчас тоже.

Он облокотился на перила. Внизу шумел сквер, а дальше, за шоссе, каштановая посадка спускалась к отблёскивающему под солнцем изгибу реки...

— Готово, — высунулась из кухонного окна Катя.

— А давай тут попьём, на балконе.

— Хорошо. Помоги мне тогда наладить всё.

Они застлали пол старым покрывалом, а вместо стола сняли с шифоньера старую шляпную коробку. С которой что-то свалилось на кровать...

— Узнаёшь? — Катя вытащила из-за сложенных горкой подушек упавшую вещь. Это была оклеенная фольгой корона Снежной королевы. — Сейчас даже подумать странно, что целый год ходила мимо тебя, задрав нос... И, правда, не спрашивай меня больше никогда, что тебе здесь можно — ладно? Да, а что ты музыку-то никакую не поставил?

— Забыл, где у нас пластинки лежат, — демонстративно почесал в затылке Андрей.

— В серванте, справа внизу, — рассмеялась она. — Выбери что-нибудь, пока я накрываю.

— А, кстати, давно вы этот агрегат купили? — спросил он, усаживаясь по-турецки у их импровизированного дастархана. — Я таких в магазинах совсем не видел.

— «Беларусь»? Да уж лет десять как. Больше... Ну да, в самом конце шестьдесят четвёртого. Мы давно телевизор хотели — а тут ещё и радиола старая сгорела. До этого смотреть новогодний концерт всегда к кому-нибудь ходили, а в том году в первый раз сами гостей позвали. А уж как *я* тридцати трём оборотам радовалась...

Они допили кофе и отнесли посуду на кухню.

— А телефон ты чего тут поставила? В кабинете тебе, по-

моему, удобнее было бы.

— Так это не я, бабушка. С подружками болтать, пока готовит. А кабинет — это ж мамина комната раньше была, там и кушетка её до сих пор ещё стоит. В спальне бабушка с дедушкой жили, а я — в проходной. Зато летом, если не спалось, могла ночью на балкон выйти... Когда бабушка умерла — дедушка-то раньше ещё — я думала, в их комнату мама переберётся, но она не захотела. Всё надеялась замуж меня выдать, с внуками хоть немного понянчиться... А телефон переставить я и сама не раз думала. Только это ж провод тянуть — а у меня с молотком взаимное непонимание. Пальцев жалко, не говоря уж о ногтях.

— Намекаешь? — Андрей насмешливо глянул на неё.

— Ну а что? — Катя кокетливо дёрнула плечиком. — После стольких-то лет, опять наконец мужчина в доме. Мне чем надушиться? Выбери на трюмо.

— А чего тут выбирать? «Красной Москвой». Ты ею, по-моему, с приезда ещё не душилась.

— Я думала, она тебе надоела смертельно.

— Наоборот. Идеи Павлова живут и побеждают. Но что это мы с вами, Катерина Максимовна, всё болтаем да болтаем? Не пора ли нам в класс?

— Давно пора. И учти, Кузнецов, мне Елена Николаевна строго-настрого наказала по любому поводу сразу ей на тебя жаловаться. Так что смотри у меня, не сачкуй!

Клуб «Аэлита»

— Ну, Белова, что скажешь? — Катя отступила на шаг и ещё раз с удовлетворением оглядела только что законченную стенгазету.

— Катерина Максимовна, замечательно! Завтра все упадут.

На факультатив Вика записалась в числе первых — что было довольно-таки неожиданно. К фантастике она никогда особого интереса не проявляла, на переменках — хотя, может, и напоказ больше — читала Байрона, Мопассана или Джейн Остен. Но, должно быть, само словосочетание «литературный клуб» прозвучало в её ушах слишком изысканно для того, чтобы вот так просто пройти мимо.

Ну а дальше Белова была уже просто Беловой. На первом же занятии, не успела Катя ещё и рта раскрыть, как та подняла руку и предложила начать с наиболее важного, по её мнению, вопроса: выборов президента клуба. Реакцией на что была не одна пара закатившихся к потолку глаз. Но враждовать с Белкой в открытую мало кто решался, а сама Катя возражений не имела — и все покорно приготовились проголосовать за единственного очевидного кандидата. Только на этот раз события

приняли нестандартный оборот. С места поднялся угрюмо молчавший до сих пор Игорь Чижов и предложил выбрать Андрея. «За заслуги по организации клуба». Сарафанное радио доносило потом, что на самом деле это было просто местью за недавний отказ пойти с ним в кино. Но так или иначе, начало бунту было положено.

Неудача эта, впрочем, не слишком смутила признанную школьную красавицу. Тут же выяснилось, что президент — должность чисто протокольная, что-то вроде английской королевы. Тогда как ни один уважающий себя клуб не может обойтись без собственного печатного органа. Выборы главного редактора которого как раз и являются следующим пунктом повестки дня...

Решив не вмешиваться в ход «учредительного собрания», Катя устроилась «на Камчатке» и лишь с улыбкой наблюдала за происходящим. В классе царил тарарам, кто-то сидел на столах, кто-то — на подоконниках... Но ведь именно такого клуба она и хотела. Шумного, непринуждённого, не просто ещё одного урока, где все смотрят ей в рот. Да и с Беловой ей, если честно, очень повезло. При всей её зашкаливающей самовлюблённости, одного у Вики не отнять: работать она умеет. И если за что берётся, всегда доводит до конца.

Название клуба тоже было её идеей — а из него уже родилась главная тема их первого номера. Не считая Катиной «передовицы» о месте фантастики в современной литературе, большая часть материалов была посвящена «Аэлите» и всему с ней связанному. Наискосок, из угла в угол листа протянулась хронологическая шкала исследований Марса со времён Древнего Египта до наших дней. Посланный в библиотеку Чижов раскопал где-то историю о настоящем инженере Лосе, преподававшем в школе авиатехников прямо по соседству с домом, где жил его литературный однофамилец. И особым разделом шли все известные на сегодня теории о местонахождении и

гибели Атлантиды…

Но газета — газетой, а главным в клубе был всё же сам клуб. Катя принесла из дома бесполезно пылившийся уже который год сервиз, ложечки, пузатый блестящий электросамовар. И по четвергам они пили чай с пирожными, обсуждали книги, фильмы — а иногда просто болтали «за жизнь». Так продолжалось до конца октября. Ничто не предвещало беды…

— Люди, но надо же что-то делать! — рука Андрея бессознательно теребила завязанный узлом конец свисающего с потолка каната.

Они собрались на перемене в спортзале, оглушённые внезапным известием. Их клуб закрывают. Прямо во время урока в класс неожиданно, без стука завалила завучиха и ледяным тоном предложила Кате выйти с ней в коридор. Откуда та вернулась с красными глазами и едва сумела довести урок до конца. А когда прозвенел звонок, попросила членов клуба остаться и сообщила только, что кто-то написал на неё донос, и сегодня утром в учебную часть позвонили из райкома комсомола с требованием разобраться, прекратить и наказать виновных.

— Ну а что мы можем сделать, — пожала плечами усевшаяся на стопку матов Белка, — на райком рыпнуться? Так только сами огребём.

— А по-твоему, пусть лучше Русалка огребёт? — По школе уже поползли слухи, что их учительнице грозит выговор. Если не хуже. — И потом, никто ж не говорит про рыпаться. Надо просто сходить к ним и всё объяснить. Ну что мы такого ужасного делали, чай пили?

— Андрей, да ладно тебе в несознанку играть… — мрачно отмахнулся от его оптимизма Игорь. Как всегда в нервозной

ситуации, он подкидывал и ловил на лету монетку. — Ясен же пень, о чём тут спич...

— Ну, даже если и так... Хорошо, давайте я с ней после уроков ещё раз поговорю. А завтра с утра вытрясу из Кикиморы всё, что знает — и тогда уже окончательно решим, что делать. Идёт?

В конце дня он дождался Катю у выхода, но кроме нескольких не слишком существенных деталей, добавить к уже сказанному ей было нечего: обстоятельный разнос предстоял ей только послезавтра на педсовете. Но самое скверное, она даже не собиралась бороться.

— Ну и чёрт с ними со всеми! Хочешь как лучше, стараешься, а тебе... Отработаю свои три года и уйду из школы. Никогда сюда не рвалась...

— Кать, ну ты чё, — пытался хоть как-то ободрить её Андрей. — Ты ж правда — классная училка. Луч света в нашем тёмном царстве. Тебя все любят.

— Да вот, выходит, не все.

— Думаешь, это из-за двойки кто-нибудь?

Она помолчала...

— Нет, вряд ли... Двоечник до такого просто не додумается. Больше похоже, из учителей кто-то... Но я серьёзно, Андрей, бросьте вы эти свои затеи. Не хватало ещё, чтобы из-за меня у кого-то из вас неприятности начались...

Кикимору он поймал в её кабинете, перед началом уроков. Нраву она была скорее хитрого, чем вредного, за ночь успела отойти, и единственное, что заботило её сейчас, это как бы поскорее «смыть со школы позорное пятно». «И как же некстати это всё, ну перед самыми праздниками...» Не согласиться с её оценкой ситуации было трудно, и Андрей с готовностью покивал в ответ головой. А затем резонно заметил, что никакими выговорами пятна этого всё равно не смыть. Так не разумнее ли будет повременить с оргвыводами и использовать

имеющееся пока время для того, чтобы оправдаться? Ведь не думает же она всерьёз, что их Катерина Максимовна, золотая медалистка и краснодипломница, могла действительно подсунуть им какую-то антисоветскую литературу. Тем более, заняться этим могут сами члены клуба, по собственной инициативе, совершенно без ведома учебной части и никак не ставя под удар школу.

Последний аргумент убедил её окончательно, и в тот же день делегация в составе «актива» нервно переглядывалась между собой, сидя в тесной, аскетически обставленной приёмной секретаря райкома ЛКСМУ по идеологии.

— Значит так, ребята, — неулыбчиво встретил их секретарь, высокий грузный мужчина лет сорока с небольшим, — я не понимаю, зачем вы ко мне пришли. К вам *пока* никаких претензий нет. И для вас же будет лучше, если это так и останется. А я — человек занятой.

— Иван Митрофанович, — с очень серьёзным лицом начал свою речь Андрей — весь вчерашний вечер он репетировал перед зеркалом различные варианты разговора, — но ведь мы — комсомольцы, и для нас очень важно понять, в чём именно мы неправы. Если это действительно так. Нам сказали, что у райкома возникли какие-то сомнения относительно программы нашего факультатива. Пожалуйста, взгляните: вот полный список обсуждавшихся у нас произведений. Нам кажется, здесь произошла какая-то ошибка.

По лицу хозяина кабинета трудно было понять, какое впечатление произвело на него это вступление. Казалось, он раздумывает, не отправить ли их сразу, но потом всё же снял трубку и попросил:

— Зиночка, занеси мне, пожалуйста, материалы по вчерашнему ЧП... Да, оно самое.

— Вот, Иван Митрофанович, больше ничего пока, — симпатичная, со знанием дела накрашенная секретарша появилась в

дверях почти сразу. — Ответа из школы ещё не получено. Это будет всё?

— Всё, Зиночка, спасибо. Можешь идти.

Он вынул из папки плотно исписанный, со сгибами под конверт лист. Сверил одно место с лежащим на столе списком.

— Ну вот же, — указательный палец строго ткнулся в предпоследнюю строчку. — Это же самиздат.

— Иван Митрофанович, — с тщательно выверенным, не выходящим за рамки уважения оттенком удивления возразил Андрей, — но вас неверно информировали. Эта повесть была опубликована в сборнике фантастики «Эллинский секрет», а её продолжение печаталось в журнале «Байкал».

Ответ, похоже, вогнал комсомольского вожака в небольшой ступор.

— Хорошо... — произнёс он наконец. И после ещё одной паузы и пододвинул к себе перекидной календарь и взял в руку карандаш. — Когда и где я могу с ней ознакомиться?

Этого вопроса Андрей очень надеялся избежать...

— У нас она есть в фотокопиях, — он вытащил из кармана пиджака несколько затёртых по углам листков.

— Ах, в фотокопиях... — иронично, почти издевательски повторил секретарь, словно не замечая протянутых ему страниц. От минутной неуверенности в собственной правоте не осталось и следа.

— Но ведь это ничего не значит! — в первый раз за всё время подала голос Белка. — По ним же видно, откуда они пересняты. И наверняка всё можно найти в библиотеках!

— Вы готовы предоставить мне список этих библиотек? — насмешливо взглянул он ей в глаза.

По спине Андрея тёк холодный пот. Вот библиотеки-то уж точно не стоило поминать... Надо было срочно придумать что-то ещё, что-то неожиданное, что опять вышибет этого надутого индюка из его наезженной бюрократической колеи...

— Иван Митрофанович, — он постарался придать голосу спокойную уверенность человека, которому нечего скрывать и нечего бояться, — наше следующее занятие, к которому мы долго готовились, должно было быть посвящено годовщине революции. И мы рассчитывали пригласить на него кого-нибудь из представителей райкома. Мы были бы очень признательны, если бы вы всё же разрешили нам провести его и согласились поприсутствовать лично. Я готов поручиться, что тогда у вас отпадут последние сомнения в том, что всё произошедшее — не более, чем досадное недоразумение.

Длинный, нетерпеливый звонок в дверь напугал Катю. Уже, так скоро? Ну конечно, их выгнали, не стали даже слушать. А в результате и им достанется тоже — всё по её вине. Она *должна* была их отговорить. Катя выскочила из кабинета, где ждала у телефона, но едва лишь распахнула входную дверь, как тревога на её лице сменилась радостным удивлением.

— Наташа? Привет! Ты откуда? Надолго? — свою лучшую институтскую подругу она не видела с того лета.

— Привет, Катюха! На чуть-чуть всего, к своим, проездом. В декрет вышла — если по мне не заметно. Гори она синим пламенем, та школа.

— Да уж куда заметнее. А Павел Алексеевич с тобой? — Называть Наташиного мужа просто по имени она так и не привыкла.

— Одна. Не отпустили его, в последний момент. Аврал у них там жуткий: сдают опять что-то к празднику. Так по случаю этой «трудовой вахты» им все отгулы отменили. Мы ж завтра вечером только собирались, поездом. Но раз такое дело, я с утра — на автобус. С пересадкой, но зато, думаю, к тебе заскочу. А он обещал, как рожу, подъехать. Дней на несколько — это

если тогда отпустят. У них там вечно какой-нибудь аврал. Вот так и живём.

— А что не позвонила? Я б встретила.

— Да замоталась, а тут приехала уже, не ждать же тебя на станции. Сама-то как?

— Да как тебе сказать... — неопределённо протянула Катя. — Ты проходи в гостиную, чего в дверях стоишь. Я сейчас чайник поставлю.

Наташа повесила куртку на вешалку и вдруг замерла, уставившись себе под ноги.

— Тап-поч-ки. И совсем нов-вы-е. Катюха, ты от меня что-то скрываешь. Колись немедленно.

Когда Катя закончила, чай уже остыл, а Наташа глядела на неё вытаращенными глазами.

— Ох и влипла же ты, подруга... — подытожила она её рассказ. — Точно говорят, в тихом омуте... Я-то про себя думала, что уж выпендрилась — так выпендрилась, но ты ж меня на сто километров переплюнула.

В начале весны третьего курса у Наташи завязался очередной роман. На этот раз — с преподавателем из института. То есть это потом уже выяснилось, что он преподаватель и женат на секретарше из деканата. А так — интересный молодой человек, тянущий в грустном одиночестве коктейль за стойкой бара... Когда перед самой сессией история выплыла наружу, разразился грандиозный скандал. Который, чтоб не выносить сор из избы, постарались поскорее замять. Наташе разрешили сдать, а Павлу Алексеевичу написали превосходную характеристику — лишь бы поскорее убрался куда-нибудь, с глаз долой. В конце концов, всё обернулась даже к лучшему: один бывший приятель по КГУ как раз пошёл недавно в гору и перетащил его к себе на «Арсенал». С общежитием и обещанием служебной двушки — когда ребёнка заведут...

— Ну и как ты эти визиты соседям объясняешь?

— Да никак. Андрюша у меня в девятом классе из троек не вылезал, а на будущий год ему поступать. Ну вот я его, по доброте душевной, и репетирую. Родители уломали, — Катя плутовато ухмыльнулась, — через классную. Хоть я и упиралась как могла.

— Что?! Ну, ты, подруга, и интриганкой тут без меня стала!

— Да это не я, он сам всё. Я лишь подпевала, что велено. До сих пор удивляюсь, как ему эта афера удалась.

— А, ну это — да. Мужики, скажу тебе, им как приспичит, на редкость изобретательными становятся. Плавали, знаем. А поступать ему куда, не решили ещё? В этом городе вам ловить нечего. Обмен ищете?

— Да нет, Наташ, не получится так...

— Почему? Думаешь, все три года продержат?

— Не в том дело... Переводом разрешили бы, наверно... Но он же в МГУ собрался — а кто меня там, в Москве, ждёт...

— В МГУ? И ты его отпускаешь?! Это же пять лет — в два с половиной раза хуже армии. И не в казарме, заметь. Катюха, ты осознай: он за этот год к тому, что у него женщина есть, привыкнет, как к своему богоданному праву.

— Наташ, — жалобно взглянула на неё Катя, — ну вот охота тебе каркать? Конечно, мне страшно... У них — знакомый оттуда говорил — девочек даже больше, чем мальчиков. Представляешь?! И все в полтора раза моложе меня...

— Ну, всё ж не в полтора... Хотя, может, в полтора оно и лучше было б... — Наташа в нерешительности умолкла, прежде чем осторожно продолжить: — Слышь, подруга, ты только не обижайся. Ты ж меня знаешь, я это не чтоб гадость сказать... Но ты уверена, что он просто не пользуется тобой — если вот так на раз готов от тебя уехать? Люди разные бывают, в таком возрасте тоже.

Катя уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь поубедительнее — но поняла вдруг: выглядеть будет, словно убедить

она пытается саму себя. И ограничилась лишь одним словом:

— Уверена.

Они помолчали немного, и Наташа, бросив взгляд на циферблат ходиков, засобиралась уходить.

— Пора… И вот что… Не бери в голову, что я тебе сказала, всё у тебя будет на пять с плюсом. Хорошо, когда есть на этом свете кто-то, кому *так* веришь…

— «Годовщина революции»?! «Долго готовились»?! Андрей, ты в своём уме? У нас клуб *послезавтра*! Ты хоть примерно представляешь, чего мы ему такого на уши можем навесить?

— Слушай, Белка, а у тебя были другие идеи? Ну так чего там молчала? И, если хочешь знать, да, представляю. Только мне нужно время подготовиться. Хочешь помочь — постарайся сделать так, чтобы меня эти два дня не вызывали.

— Как я это сделаю? У тебя точно крыша поехала.

— Заставь всех своих воздыхателей руку на всех уроках тянуть. Или слабо?

— Мне ничего не слабо! — Белка гордо блеснула глазами.

— Ну вот и действуй. Пошли Русалке звонить.

— Пошли… Только тут ещё одна вещь… Я почерк узнала.

— Какой почерк? — не сразу понял Андрей. — Подожди. Хочешь сказать, ты *знаешь*, кто стукнул?!

— Знаю… Но тебя это не обрадует. Фантомас. Как думаешь, Катьке надо сказать?

Кличку свою Илья Тихонович, учитель физики, получил после одного случая лет семь или восемь назад. Рассказывали, что когда у него начала редеть макушка, кто-то присоветовал ему испробовать «проверенное народное средство» — обриться разок налысо. «Лечение», правда, не помогло — но голый

синий череп произвёл на всю школу неизгладимое впечатление...

— Обязательно... — Андрей на секунду задумался. — Только не сейчас, когда закончится всё. Незачем её лишний раз волновать. Но ты уверена? У него, конечно, всегда что-то сволочное в натуре было...

— Абсолютно. Помнишь, я в прошлом году на машинопись ходила...

— Да я и не знал никогда.

— Ну, неважно. Так нас эксплуатнули тогда, заставили характеристики на десятиклассников перепечатывать. И сейчас я половину учителей по почерку узнаю. А у него ещё и «б» такая характерная.

— Но почему? Не псих же он какой идейный.

— Скорее всего, из-за того, что ты от него ушёл — и ещё двоих увёл. Скажи, правду говорят, тебя Катька заставила?

— Нет... Ну как... В клуб записаться потребовала — но я бы и так пошёл, ясно же. А насчёт «увёл», так ты Чижа больше слушай, — Андрей ехидно ухмыльнулся. — Как будто кого-то уговаривать пришлось. Физику нам Кикимора зарубила: сказала, два факультатива — и не больше. Но тоже мне, нашёл страшенную обиду.

— Так не в обиде же дело. Если у него народу мало останется, факультатив могут вообще прикрыть. А ты много таких знаешь, чтоб физика нравилась, а фантастика — нет? Вот о чём речь. И плакали тогда лишние денежки.

— Не понял, — удивлённо глянул на неё Андрей, — им, что, за факультативы отдельно доплачивают, что ли?

— Ну а ты думал, они так, за спасибо тут с нами горбатятся? Прямо как с Луны свалился.

А хоть бы и с Луны... Но Катя-то ему почему про это не рассказала? Хотя он ведь и не спрашивал никогда об её зарплате: пошлая какая-то тема...

— Да я вообще ничего не думал… Но если так, из-за денег, то и совсем уж скотство. Я о нём лучшего мнения был…

— Очень приятно, Иван Митрофанович, добро пожаловать, — поднялась навстречу важному гостю Катя, когда Белова завела его в класс. — Екатерина Максимовна Шевченко, руководитель факультатива.

Секретарь райкома пожал протянутую ему руку и внимательно оглядел приготовления, удовлетворённо покивав головой при виде написанной на доске темы: «Изображение коммунистического общества в творчестве советских писателей по контрасту с характерной для западной фантастики атмосферой страха перед будущим». Когда Андрей сказал ей, что собирается подготовить образцово-показательный доклад по мотивам путешествия Привалова в воображаемое будущее, Катя сначала приняла это за неудачную шутку. Но потом подумала, сатира ведь тем и смешна, что слишком уж похожа на правду. Да и в любом случае, других-то идей всё равно нет…

— Занятия мы проводим в неформальной обстановке, — слегка кивнула она в сторону сдвинутых вместе столов с расставленными на них чашками. И добавила после небольшой паузы: — В своей работе я пытаюсь использовать опыт Василия Александровича Сухомлинского.

Отнести к методам знаменитого педагога чай с пирожными можно было разве что с очень большой натяжкой. Но вряд ли райкомовский начальник удосужился прочесть нашумевшую книгу полностью. А идею провести сегодня более-менее обычный урок «военный совет» решительно отклонил: кто ж его знает, что там ещё в этом злосчастном доносе понаписано. Когда весь расчёт на то, что скрывать им нечего, любая нестыковка может оказаться фатальной…

— Всё, ребята, тишина! — Катя три раза хлопнула в ладоши и начала торжественным, как на комсомольском собрании, голосом: — Мне не надо напоминать вам, что через неделю наша страна и всё прогрессивное человечество отмечают пятьдесят восьмую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Это эпохальное событие привело к поистине тектоническим сдвигам не только в истории нашей планеты, но и в мировой культуре, породив целый пласт новой, коммунистической литературы. Включающий в себя, разумеется, и научную фантастику. В честь одного из таких революционных произведений назван наш клуб, а сегодня мы обсудим несколько ставших уже классическими литературных образов победившего коммунизма. — Она повернулась к Андрею: — Пожалуйста, Кузнецов, тебе слово.

Прочистив горло и отхлебнув из чашки, докладчик начал с «Туманности Андромеды». Отдав должное превосходному описанию государственного устройства и системы народного просвещения Эры Великого Кольца, он отметил, что автор, к сожалению, уделил недостаточно внимания жизни трудящихся масс, сосредоточившись, в основном, лишь на судьбах ограниченного круга исследователей дальнего космоса и выдающихся представителей науки и искусства. В результате в романе оказалась слабо отражена экономическая составляющая коммунистической формации. Каковой пробел был удачно восполнен в не менее известной книге Георгия Гуревича «Мы — из Солнечной системы», где подробно рассмотрены принципы и механизмы распределения общественного продукта в бесклассовом обществе, включая и такой сложный аспект, как временная нехватка отдельных видов потребительской продукции. Однако, при всех вышеперечисленных достоинствах, большая часть героев обоих этих произведений выглядит излишне шаблонно, не позволяя читателю увидеть целостную картину межличностных отношений в мире освобождённого

труда.

В этом месте он сделал ещё глоток и продолжил:

— Последняя тема более полно раскрывается авторами, к творчеству которых мы уже обращались ранее. В цикле повестей и рассказов о двадцать втором веке, Аркадию и Борису Стругацким удалось показать жизнь и быт людей будущего с позиции рядовых тружеников — строителей, инженеров, работников сельского хозяйства и сферы образования...

Катя скосила глаза на посетителя. Тот едва отпил из предложенной ему чашки, но выражение его лица выглядело доброжелательным. Он внимательно слушал и даже делал иногда какие-то пометки у себя в блокноте.

Успешно покончив с коммунизмом, Андрей перешёл к критике идеологического противника. Первой жертвой которой пал Айзек Азимов, в чьём мрачном предвидении разделённое на имущественные касты человечество от рождения до смерти ютится, не видя солнца, в чудовищных стальных пещерах.

— И здесь следует обратить особое внимание на то, что под давлением объективных исторических фактов автор вынужден был признать неоспоримые преимущества централизованной плановой экономики перед разрушительной стихией рынка. Но привитая оголтелой буржуазной пропагандой приверженность антинаучным теориям не позволила ему сделать следующий логический шаг, подняться до понимания вытекающих из этого способа производства социальных перспектив...

После ещё пары нарастающих по степени безысходности примеров, Андрей закончил противопоставлением подвига Савёла Репнина, героически отказавшегося от возможности дезертировать в светлое коммунистическое завтра, трусливому бегству в прошлое героев одного из рассказов Брэдбери.

Когда он сел, Катя заговорила опять:

— Ребята, поблагодарим нашего сегодняшнего докладчика за содержательное и очень интересное выступление. Перейдём

к обсуждению. И прежде всего, мне хотелось бы попросить высказать своё мнение нашего уважаемого гостя. Иван Митрофанович?

Гость, однако, явно не планировал засиживаться дольше необходимого и лишь сдержанно похвалил Андрея за доклад, а затем, сославшись на дела, собрался уходить.

— Я провожу вас, — тоже встала со своего стула Катя. — Ребята, начинайте без меня.

— Ну что ж... — с серьёзным видом произнёс секретарь, когда за ними закрылась дверь класса. — Скажу вам честно, Екатерина Максимовна, принимая приглашение на ваш семинар, я сомневался. Очень сомневался. Но сейчас я вижу, что полученный нами сигнал был... назовём это так, недостаточно продуман. К сожалению, в нашей работе тоже встречаются иногда просчёты — и я рад, что сегодня удалось вовремя исправить одну такую ошибку. Я не могу вам пока ничего обещать, но, возможно, мы ещё рассмотрим ваше начинание на бюро. Не исключено, мы действительно недооцениваем роль научно-фантастической литературы в идеологической подготовке подрастающего поколения... До свиданья, — протянул он ей на прощанье руку. — Возвращайтесь к вашим ученикам, они ждут вас. Я сам найду выход.

Он свернул на лестницу, и Катя осталась в коридоре одна. Напряжение последних дней постепенно спадало. Ну, слава богу, обошлось... В окно она увидела, как чёрная «Волга» отъехала от подъезда школы... За дверью литкаба стояла необычная тишина. Чего она стоит здесь? Они же действительно ждут её, молча ждут, боясь сглазить. Её ученики... Сегодня они защитили её. Не стали слушать никаких возражений, саму чуть не выдворили с «военного совета» — «за пораженческие настроения». Может, из неё и правда вышел не такой плохой учитель, как она сама думает...

— Победа! — радостно объявила она прямо с порога. — А

сейчас — если нет возражений — давайте больше не будем об этом. Просто попьём чаю и поговорим. О чём-нибудь совершенно постороннем...

Обычно, закрывая клуб, Катя просила кого-нибудь из девочек остаться, помочь ей с посудой. Но сегодня отпустила всех, велела только задержаться на минутку Андрею — «договориться насчёт пропущенного занятия».

— Нарушаем правило номер один: никаких шуров-муров в школе, — обнял он её, лишь только они остались одни.

— Я соскучилась, ты вчера не приходил... А тут и вообще чуть со страху не умерла. Казалось иногда, вот сейчас он как вскочит и как заорёт: «Да вы надо мной издеваетесь!»

— Ну, видишь, не вскочил и не заорал. Правильно говорят, гвозди бы делать из этих людей. Забудь, всё позади уже... Но какой слог! — Андрей прикрыл глаза и с пафосом произнёс: — Тектонический... культурный... сдвиг... Это у вас в институте так выражаться учат?

— Себя б послушал, — съязвила в ответ Катя, высунув язык.

— А что — я? Я — продукт твоего смелого педагогического эксперимента. Жертва, можно сказать.

— Вот уж прямо и жертва, — она поцеловала его. — Но, по крайней мере, за вступительное твоё я больше не беспокоюсь. Вот ни капельки. В этой части эксперимент точно удался.

Школа танцев

Прижавшись, они сидели вдвоём на лавочке в занесённом снегом лесопарке и пили кофе, по очереди грея руки о стаканчик термоса. Зима давно уже вступила в свои права, покрыла льдом реку, намела по всему городу сугробы. А лес после вчерашней метели стоял белый-белый, как на новогодней открытке.

— Слушай, есть идея, — Андрей обдумывал её со вчерашнего вечера, и всё, вроде, складывалось как надо. — Давай с нового года на танцы запишемся.

Накануне он вернулся домой не в лучшем расположении духа. Ему пришла в голову мысль опять сходить на дэкашный бал. Откуда он — как истинный джентльмен — проводит до дома «случайно встреченную» там училку. А она — как истинная леди — пригласит его зайти отогреться, попить чаю с тортом и досмотреть праздничный «Огонёк». Но билетов в кассе ДК не оказалось: их, как выяснилось, все распределяют по предприятиям. И произошло это ещё на позапрошлой неделе.

— Андрюша, что-то в школе? — его настроение не укрылось от вернувшейся с работы матери. — Плохая оценка?

— А? Нет, мам, всё в порядке. Пять по общаге и четвёрка по

украинскому.

Год назад о таком и помыслить было невозможно. Но сейчас плохие оценки остались у него в прошлом — и родители просто нарадоваться не могли, относя успехи сына целиком на счёт благотворного влияния его новой любимой учительницы. Что, по сути, было даже правдой... Вероятно, мать тоже подумала об этом, поскольку ни с того ни с сего спросила:

— А почему ты, кстати, Екатерину Максимовну свою к нам ни разу ещё не пригласил?

— К нам? — Андрей постарался, чтобы его голос прозвучал как можно равнодушнее, и состроил слегка удивлённую мину. — Зачем?

— Ну как, зачем. Нам с папой с ней поближе познакомиться. А то она полгода уже с тобой мучается, и совершенно бесплатно притом. Я сначала думала даже денег ей предложить, но потом как-то постеснялась. Некоторые люди обижаются на это — и она, мне кажется, как раз из таких.

— Ну давай тогда на Новый год её позовём — а то чего без повода-то?

Может, оно и к лучшему, что с балом этим у него сорвалось...

— Нет, на Новый год, я думаю, не получится: у неё ведь наверняка какие-то свои планы уже.

— А чего, планы? В самом крайнем случае откажется. Ну а если наоборот, нет у неё никаких планов и податься особо некуда? Я ж тебе говорил, она одна живёт. Так спросить?

— Ну, спроси... Пожалуй, так оно даже ещё лучше будет. Только подипломатичней как-нибудь, ты же умеешь. Мол, родители пригласить хотят, так когда ей удобно будет? Но тогда уж не тяни, вот прямо в понедельник на перемене к ней и подойди.

Он позвонил ей тут же, лишь только выбравшись из дому. Но вопреки ожиданиям, никакого энтузиазма приглашение

это у Кати не вызвало.

— Андрюша, ну ведь когда-то они всё равно всё узнают. И чем больше мы врём сейчас, тем сложнее нам будет тогда.

— В смысле, сейчас я один вру, а так и тебе придётся?

— Ну да, наверно... Тебя-то они всяко простят...

— Так что, не придёшь? — её отказ расстроил Андрея даже сильнее, чем неудача с билетами.

— Нет, почему... Приду... Если ты так хочешь.

— Хочу. А что в результате они на тебя катить потом будут, так на самом деле тут мало что изменишь. Мать в любом случае взовьётся как ракета. А отец... Он ей никогда ни в чём не перечит.

— Что ж... Будешь, значит, один без меня родителей навещать.

— Не, без тебя не стану.

— Хочешь сказать, совсем рассоришься?

— Почему я? Они... Ты знаешь, я в последнее время много думал об этом. Вот и в библии твоей сказано, что оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей. В самом начале почти.

— Но там же, наверно, не в столь радикальном смысле имелось в виду. Да и какая разница? Там столько глупостей понаписано...

Порыв ветра поднял с сугроба небольшую вьюжку, припорошив поверхность кофе мгновенно тающими снежинками...

— На танцы? — Катя выглядела даже не удивлённой, а ошарашенной. — Куда?

— В ДК. Они там как раз начинающую группу набирают — я вчера объявление видел. И помнишь, ты говорила, что всегда хотела научиться?

— Мало ли, что я говорила. Как ты это объяснять собираешься? Литературу подучили — решили потанцевать на радостях?

— А тебе больше и не нужно никому ничего объяснять, — шутливо ответил Андрей. — Ты у нас сейчас — «гражданка вне всяких подозрений».

Все почти забыли уже об истории с доносом — когда в начале декабря в школу нагрянула вдруг, вызвав большой переполох, целая бригада газетчиков. И в тот же день в актовом зале, на спешно созванном общем комсомольском собрании Кате торжественно вручили почётную грамоту райкома. «За большие успехи и использование новаторских методов в деле коммунистического воспитания молодёжи» — ни больше, ни меньше. А на следующей неделе в областной комсомольской газете появилась хвалебная статья об их клубе и его молодом руководителе, достойном продолжателе славных традиций советской педагогики. Кикимора вывесила её на доску объявлений возле учительской — а затем отправила в ленинскую комнату на вечное хранение.

— И вообще, как объясним — потом. Ты в принципе ответь, хочешь?

— В принципе — почему нет. Но какой смысл об этом говорить...

— Очень даже большой смысл, ты просто мою маму не знаешь. Она ведь в курсе, что ты не замужем. А за ужином всё равно о чём-то трындеть надо — ну вот ты ей и пожалуешься, что думала записаться на танцы, но туда берут только парами.

— А туда точно берут только парами?

— Понятия не имею. Но ведь и она тоже.

— А если проверит?

— Новогодним вечером? Да и с чего бы ей в твоих словах сомневаться. Нет, она предложит тебе меня.

— Сама? Нет, Андрюша, ты что-то не то совсем говоришь. Она наверняка считает, что тебе учиться надо, а не по танцулькам бегать.

— Она считает, что мне надо поменьше собак по улицам

гонять. А учусь я сейчас и без того, как она не мечтала даже никогда. И всё, заметь, лишь твоими непосильными трудами, — он весело ухмыльнулся. — Ну, она так думает. А потому чувствует себя обязанной. Вот и пригласить тебя, её ж идея была, не моя.

— Ну хорошо, допустим. Но почему именно тебя?

— Ну а кого ещё? Ты пойми, она обожает *решать вопросы*. Быстро, на месте — на том и в профорги протырилась. А тут её благодетельнице вдруг помощь понадобилась. И больше-то ведь действительно некого, даже если поискать. Из институтских — так если женатого, её тут же в разрушении семьи обвинят. А если нет, то это, фактически, сватать — чего она, в отличие от Светки твоей, как раз не любит. Типа, нафиг-нафиг ей такая ответственность. Вероятнее всего, она решит, что ты на этих классах сама кого-нибудь подцепить надеешься. И я при таком варианте — идеальная кандидатура: под ногами путаться не буду.

— Ну ладно, уговорил… — в Катином голосе по-прежнему звучало сомнение. — Я попробую. Но только если мама твоя сама не предложит, я просить не стану.

— Конечно, нет. Но она предложит, сто процентов. Я с ней уже семнадцать лет знаком.

Вечер тридцать первого выдался тихим и безветренным. Крупные хлопья снега медленно падали в свете фонарей, укутывая ночной город пушистым искрящимся покрывалом. Катя шла по уже опустевшим улицам и мысленно готовилась к предстоящей встрече. В сумке через плечо были подарки под ёлку: роскошный альбом импрессионистов для родителей Андрея и фотовспышка ему самому. Наконец-то она может подарить ему что-то открыто… Интересно, как бы она чувствовала себя, иди

сейчас знакомиться с ними не как с родителями ученика? Уж точно, волновалась бы ничуть не меньше. Даже больше, наверное...

Дверь ей открыл Виталий Викторович — но его тут же оттеснила в сторону хозяйка дома. Алевтина Степановна была броской, хоть и чуть располневшей уже, к своим сорока двум годам, женщиной. Сразу после окончания института она начала было активно работать, часто ездила в командировки. Но тут родился Андрей — и это радостное событие положило конец многим из её планов. А когда из-за ухудшившегося здоровья врачи порекомендовали переехать, она окончательно поняла, что как стоящий инженер уже не состоялась. И направила всю свою немалую энергию в альтернативное русло.

Заметив, должно быть, что гостья чувствует себя немного не в своей тарелке, она не стала донимать её расспросами, начав, вместо этого, рассказывать о себе и своей семье. А Катя старательно делала вид, что слышит всё это в первый раз... В какой-то момент из своей комнаты вышел Андрей с белым ангорским котом на руках — и, поздравив её мимоходом с праздником, прошёл на кухню.

— На свитер его обратили внимание? — заговорщически подмигнула ей Алевтина Степановна. — Не снимая носит.

— Да, отличный свитер, — ухмыльнувшись про себя, откомментировала Катя. — Ручная вязка.

— Вы тоже заметили? Представляете, кто-то подарил его Андрюше на день рожденья — и мы даже не знаем, кто!

В этом году Андрей не стал, как обычно, сразу распаковывать подарки, а свалил их все в одну кучу на кровати, подложив туда же и Катин свёрток. И к концу вечера никто уже не мог сказать, где был чей...

— Мне кажется, — шёпотом продолжила мама, — это кто-то из девочек. Но ведь столько труда! И пряжа очень хорошая, чистая шерсть. Как вы думаете, это что-нибудь значит?

Катя терялась в сомнениях, стоит ли ей поддерживать этот разговор, но в конце концов хулиганское начало взяло верх.

— И что, у вас нет совсем никаких предположений? — с невинным выражением лица так же шёпотом поинтересовалась она.

— Ни малейших. В этот раз он девочек пригласил даже больше, чем мальчиков — благодаря вашему клубу, несомненно: раньше-то он с девочками не очень дружил. Но ни к одной я не заметила какого-то повышенного внимания, никого не пошёл провожать. Хотя в последние месяцы он действительно начал чаще пропадать из дома, особенно по выходным.

— То есть вы думаете, сам-то он знает, чей это подарок?

— Несомненно. Но спрашивать же — без толку. Не мне вам объяснять, какие они в этом возрасте. Тем более, в таких вопросах... А вам он, случайно, ничего не рассказывал? Может быть, упоминал вскользь какое-то имя...

Катя поняла, что Алевтина Степановна вовсе не сплетничает с ней о сыне — мысль о чём поначалу даже привела её в некоторое замешательство — а наоборот, сама пытается выведать у неё хоть что-нибудь.

— Нет, — решила она прекратить наконец этот разговор, — ничего. Да мы ведь с ним о совершенно других вещах разговариваем. Но если я что-нибудь услышу, то разумеется...

Когда подошло время садиться за стол, Кате — как почётной гостье — досталось место возле хозяйки. А Андрей устроился на диване напротив.

— Да-да, мне кажется, я тоже слышала, что туда только парами берут, — с понимающим видом закивала головой Алевтина Степановна, когда Катя помянула к слову о своей «незадаче». — Прямо не знаю даже, чем вам помочь... — но по лицу видно было, с какой лихорадочной скоростью заработала её мысль. — Хотя... Вот разве что наш охламон вас устроит. Ему тоже танцевать научиться не помешает: впереди выпускной.

Да и вообще вся жизнь.

— Мам, ну ты чего?! — тут же запротестовал со своего места Андрей, пнув под столом Катину ногу.

— Чего, чего? — строго взглянула на него мать. — Екатерина Максимовна такую массу времени на тебя тратит. Совесть у тебя есть? Да это ещё вопрос, захочет ли она сама с тобой связываться.

— Нет-нет, — поспешила согласиться Катя. — Конечно, я была бы очень признательна... Но если Андрей категорически против...

— Я этого не сказал... — буркнул он в ответ, всем своим видом показывая, что с совестью у него всё в порядке.

— Ну, значит, вопрос решён! — довольно заключила Алевтина Степановна, опять подмигнув своей соседке.

Внезапно Катя поняла, в кого Андрей такой интриган. Яблочко от яблоньки... Ей стало немного жалко его маму. Так радуется, с какой ловкостью удалось ей приставить к сыну свою филёршу. Не подозревая даже, что давно уже сама превратилась из охотника в жертву...

«Голубой огонёк» закончился, и гости начали расходиться.

— Андрей, мне кажется, тебе следует проводить Екатерину Максимовну, — обратилась к сыну Алевтина Степановна. — Ночь на дворе.

— Хорошо, мам. Мне самому как раз примерно в ту же сторону.

— Погоди, ты собрался куда-то?

— Ну к ребятам же — помнишь, я тебе говорил?

— Когда?

— Пока ты готовила. А ты меня, как всегда, не слушала. Завтра буду.

Скорее всего, подумала Катя, ничего он ей не говорил — специально чтоб избежать излишних расспросов. Которыми при гостях она его конфузить не станет...

— Ну хорошо... Звони только.

— Обязательно. Завтра прямо с утра. Ну или как проснусь. Чао.

— Благородному дону кофе в постель, или оне на кухню выползти соблаговолят?

Андрей протёр глаза и потянулся.

— Соблаговолят. Привет.

По квартире уже распространился аромат свежесваренного кофе.

— А вот ты как думаешь, — спросил он, хрумтя вафельным тортом, — это место за новое всё ещё катит?

— Наверно. Спишь-то ты тут в первый раз.

— Тогда, значит, это неправильная примета. Мне приснилось, что как будто это не я к тебе ушёл, а наоборот, ты у нас ночевать осталась. И вот стою я утром на кухне, варю кофе... Унюхал, наверное, во сне. И тут заходит мама и спрашивает: «А что, Катюша не встала ещё?» А я ей отвечаю: «Нет, я её пока не стал будить.» А кофе сварился как раз, и она говорит: «Ну я пойду тогда, подниму её. У тебя ж всё готово уже.»

— Так может, это я просто у вас в гостиной на диване спала?

— Не. Чего б я тогда тебя вообще будить стал? Да и она тебя почему Катюшей назвала, а не по имени-отчеству?

— Да уж, действительно не самый правдоподобный сон... Но, может, он как раз и означает, что когда придёт время, всё будет хорошо? Мама твоя ведь только добра тебе желает.

— Так почему она тогда не хочет дать мне самому за себя решать?

— А откуда ты знаешь, что не хочет? Ты же её не спрашивал ещё.

— Ну, может, и так... А вообще, как они тебе?

— Твои? Ну, ты мне о них столько рассказывал, что казалось, я их уже давным-давно знаю. А кстати, кто из них догадался ручки мне под ёлочку положить?

— Это не они, это я.

— Ты?! —удивлённо переспросила она. — Вот уж от кого никак не ожидала...

На день рожденья Андрей купил ей помаду такого жизнеутверждающего цвета, что Катя ни разу не решилась накрасить ею губы даже на прогулку в воскресенье, не то что в школу. Так и лежала она без дела — пока не превратилась наконец в «помаду для дополнительных занятий».

— Ну... я подумал, в которую с золотым пером, ты можешь красных чернил набрать. А шариковой — в журнале оценки ставить. И когда я уеду, они всегда будут с тобой...

— Спасибо... — сказала она, погрустнев. И поспешила переключиться на более весёлую тему: — А я же тебе вчера самое смешное забыла рассказать. Мама твоя подозревает, что какая-то девочка на тебя неровно дышит — раз такой свитер связала.

— Ну так и правильно ведь подозревает, — Андрей перегнулся через угол стола поцеловать её.

— А ещё — приготовься не упасть — она уговорила меня пошпионить за тобой. Выведать, кто ж такая.

— Эт она опрометчиво, — рассмеялся он. — Но ты мне напомнила, я ей позвонить с утра обещал.

— Андрюш, подожди. Ты уходить когда собираешься?

— Да наверно пора уже, — взглянул он на часы. — Мы ж чёрт-те во сколько встали, обед скоро.

— А ты скажи ей, что ещё к кому-то зайти хочешь...

— Так она спрашивать будет, к кому... Слушай, я завтра, наверно, смогу прийти. Скажу, нам надо насчёт танцев окончательно договориться.

— Завтра — само собой... А сегодня в программе кино обещают. И завтра — продолжение.

— Какое?

— Не помню точно, новое какое-то... — она взяла с холодильника газету. — «Ирония судьбы, или с лёгким паром!» Без пятнадцати шесть.

— Дурацкое название. Наверняка мура какая-нибудь.

— Не обязательно. На Новый год обычно что-то хорошее бывает...

— Думаешь?

— Не знаю... Просто не хочу, чтобы ты уходил...

Андрей задумался на несколько секунд...

— Тогда вот что: звони сейчас ты моим.

— Зачем?

— Спросишь меня и скажешь, что у тебя *опять* телевизор сломался. Как в прошлый раз.

— В какой?

— Ни в какой, просто скажи так. И что я с ним что-то сделал, что он опять заработал.

Через полчаса он позвонил сам.

— Что, мам?.. Катерина Максимовна?.. Да, я знаю, у неё уже было такое, «снег» по всему экрану. Я ей тогда лампу пошевелил... Хорошо, мам, зайду... Не, тогда я лучше у неё прямо кино и посмотрю, на всякий случай... Конечно покормит, куда она денется. За труды... Да, мам, пока.

Ну, вроде, всё в порядке. Причёска, платье... Изогнувшись как кошка, Катя в последний раз оглядела себя в зеркале со всех сторон. Пора на сцену...

— А сейчас, в завершение нашей программы... — объявила в микрофон Вика Белова...

Бежит время... Вот и прошёл этот год. Андрюше только что вручили аттестат, почти с одними пятёрками. А ей самой вчера

на педсовете объявили благодарность и пообещали осенью дать свой класс. Трудно поверить, что когда-то она думала уйти из школы...

— ... с солнечных берегов Острова свободы...

На самом деле, это было неправдой. Пластинка, под которую они выступали, была американской — её Игнатию Хуановичу, инструктору танцкласса, прислал кто-то из оставшихся в Испании родственников. Кубинского в их номере было разве что название. Только когда Белку останавливали подобные мелочи? «Катерина Максимовна, ведь так будет звучать *гораздо* лучше!»

— ... зажигательное мамбо. Исполняют лауреаты городского конкурса...

Конкурс самодеятельного танца среди начинающих был просто частью отчётного концерта Школы искусств городского Дворца культуры. Да и участвовало в нём всего четыре пары. Но тут даже и не возразишь...

— ... Екатерина Шевченко и Андрей Кузнецов!

Она вспомнила, как они танцевали в самый первый раз. Он был такой неуклюжий, пару раз чуть не наступил ей на ногу. И просто ужасно смущался...

Первой из-за кулис вышла Катя. Посматривая с независимым видом по сторонам, она дошла до центра сцены и остановилась спиной к залу, будто разглядывая что-то, недоступное зрителям...

На это платье они с Алевтиной Степановной убили почти две недели. Ярко-красное, без одного плеча, с большим белым цветком на другом. С оторочкой из страусового пуха по краю сильно скошенного подола. Катя видела похожее по телевизору...

Андрей появился с противоположной стороны. Небрежно продефилировал мимо — и вдруг резко остановился, словно лишь сейчас заметив её присутствие. Медленно развернувшись

и засунув руки в карманы, он подошёл к незнакомке с видом избалованного вниманием повесы, но та лишь мельком скользнула по нему взглядом и презрительно тряхнула головой, прогоняя прочь...

Его костюм она сшила сама. Чёрные брюки, узкие, почти в обтяжку сверху и сильно расклешённые от колена — «класс, как в „Бременских музыкантах“», с восторгом одобрил он, кривляясь на примерке перед зеркалом. И чёрная приталенная рубашка, расстёгнутая до середины груди...

На лице молодого франта последовательно сменились неверие, растерянность и, наконец, уязвлённая гордость. Но едва лишь он начал отворачиваться, тишину разорвала первая волна звуков, и красотка поманила его пальцем, дерзко взглянув прямо в глаза. Он замер — и вместе с ним смолк оркестр, только кампана продолжала отсчитывать участившиеся удары сердца. Новый всплеск музыки, он бросился к ней... И снова одни лишь удары двух бьющихся в унисон сердец посреди застывшего во времени мира...

Оглядываясь назад, эта авантюра с танцами оказалась на редкость удачной идеей. После двух четвертей сплошных пятёрок их «дополнительные занятия» начинали выглядеть уже... несколько излишними. А тут Игнатий Хуанович, плюс к трём урокам в неделю, фактически потребовал практиковаться каждый божий день. За что Андрей, разумеется, тут же предъявил претензии маме: в какую беду она его втравила.

«Sway me smooth, sway me now...» — допел и затих голос Розмари Клуни. Под гром аплодисментов, в которых утонули последние ноты, танцоры замерли в имитации страстного поцелуя. Который *должен* был быть имитацией — но сегодня Катя почувствовала у себя на губах горячие губы Андрея.

— Хулиган! — больше кокетливо, чем испуганно, отругала она его, когда, раскланявшись залу, они убегали за кулисы. — А если заметил кто?

— То решил, что ему показалось. И вообще, ты мне больше не училка. Имеем полное право, свободные люди.

— И ты их всех в этом собираешься убедить?

— Вот ещё, — с шутливым презрением отмахнулся Андрей, — было б перед кем бисер метать. Но заметь, какое лицемерие: вот учуди мы такое на выпускном сегодня, в уголке где-нибудь — так это ж был бы натуральный конец света. Со смертоубийством и выносом тел на поругание общественностью. А на сцене, у всех на виду? Народ рукоплещет, и мы — гордость школы. Потому что, типа, *искусство*. И первое место в придачу.

— Андрюша, но ведь так оно и есть. На сцене мы художественный образ создаём, а в уголке в спортзале — это разврат.

— Ну, во-первых, не разврат, а любовь. А во-вторых, сама ж нас учила, что искусство — это отражение жизни. И как, по-твоему, что-то хорошее может быть отражением чего-то плохого? Нет, вот ты объясни!

— Андрюш, — со смехом поцеловала его в щёку Катя, — а ты уверен, что будущей профессией не ошибся? Может, с такими склонностями тебе на философский лучше? Ещё не поздно передумать. В общем, кончай умничать — и побежали на бис кланяться. Видишь, публика всё никак не уймётся.

Прощание славянки

«Граждане пассажиры! Наш поезд прибывает в столицу нашей Родины, город-герой Москву.»

Вслед за объявлением из репродуктора зазвучала «Москва майская», и Андрей прилип носом к стеклу. Не считая проездом в детстве из одного аэропорта в другой, он был здесь впервые. Столица встретила его солнцем, шумом и обычной вокзальной толчеёй, но как будто возведённой в превосходную степень. Многотысячная толпа ошалело мечущихся во все стороны людей поначалу почти оглушила его.

— Простите пожалуйста, вы не подскажете, как добраться до униве...

Заканчивать не имело смысла: человек, к которому он обратился, уже пробежал мимо, не удосужившись даже повернуть голову. Ещё пара попыток дала ненамного больше. «На метро» — максимум чего ему удалось добиться. Но об этом Андрей догадывался и сам... Метро, впрочем, искать долго не пришлось — а там на стене висела здоровенная схема, напоминающая чем-то картины Малевича в одном из Катиных альбомов.

— Слышь, как до МГУ доехать, не знаешь? — раздалось вдруг откуда-то сбоку.

Андрей повернул голову. Нескладный чернявый пацан, ростом чуть повыше его, в очках, с таким же потёртым чемоданом в руке, тоже изучал разноцветную схему.

— Вон туда, я думаю. Станция «Университет», на красной линии. А ты тоже поступать?

— Угу. На мехмат.

— Так и я туда же. Андрей, — протянул он руку новому знакомому.

— Стас.

Живьём знаменитая высотка выглядела ещё внушительнее, чем на фотографиях. Просто целый город в одном доме. Действительно, храм науки — куда там настоящим храмам...

У лифтов их пропустил вперёд какой-то добродушный седой старикан.

— Проходите, молодые люди. Судя по чемоданам, абитуриенты? Похвально. Вам на двенадцатый, — он нажал на пульте одну из кнопок. А когда двери кабинки закрылись, опять повернулся к своему спутнику, парню лет на пять всего старше Андрея: — Нет, Семён, боюсь, завтра мне тоже не успеть. Обещал быть в Академии, а потом ещё к Иван Матвеичу в институт заскочить. Оставьте на кафедре, я посмотрю при первой возможности...

Из приёмной комиссии их отправили селиться в какую-то зону «Б» — по дороге куда им попалась навстречу шумная компания вьетнамцев, громко спорящих о чём-то своими мяукающими голосами. Это была совершенно другая жизнь, так непохожая на всё, что было у Андрея раньше...

Весь вчерашний день мать собирала его в дорогу. Гладила что-то, готовила, паковала... А перед самым уже выходом, он неожиданно заявил, что поедет на вокзал один: вещей у него немного, помощь не нужна. Да и не школьник он больше, чтоб опекать его как дитё неразумное. Родители, ясно, были сбиты с толку и даже, наверно, немного обижены. Но спорить не стали:

в конце концов, провожают ведь, чтобы человеку приятное сделать, а не наоборот.

Хотя истинной причиной была, конечно, вовсе не проснувшаяся вдруг самостоятельность. Выйдя из троллейбуса, Андрей свернул в сторону от вокзала, на всегда безлюдную площадку перед багажным отделением. Катя уже ждала его там, и когда он появился из-за угла, подбежала к нему с деланой улыбкой на лице... Давно объявили посадку, а они всё так же стояли, держась за руки, почти не разговаривая, только глядя друг другу в глаза.

— Ну, ни пуха... — пожелала она, когда прозвучало последнее предупреждение.

— К чёрту...

Он в последний раз поцеловал её и, подхватив чемодан, побежал к поезду. А обернувшись на ходу, увидел, что по щекам её текут слёзы... Когда он выглянул в окно купе, Катя была уже на перроне и, заметив его, помахала рукой. Вокзальные громкоговорители ожили и вагон тронулся. Сначала Андрей перестал различать её лицо, затем и вся её фигурка слилась в одно бесцветное пятнышко, потом исчезло и оно... Лишь обрывки старинного марша всё ещё, казалось, доносились сквозь чёткий, как метроном, стук колёс на стыках рельс...

А через несколько дней он стоял в затаившей дыхание толпе на ступеньках клубного входа, где на колоннах были вывешены густо испещрённые чёрными крестиками огромные листы с результатами первого экзамена. Андрей практически не сомневался, что сдал, но всё равно сердце его колотилось как сумасшедшее пока он отыскивал свой номер.

— Стас, а ты как?

Но приятель его куда-то исчез — должно быть, нашёл уже себя и убежал звонить домой. Андрей тоже поспешил на переговорный, но там царило форменное безумие. А когда, отстояв в очереди к автомату больше двух часов, он вернулся в

общежитие, койка Стасика была пуста... Даже не попрощался... Да ясно, что за удовольствие выслушивать лицемерные соболезнования. Сам бы на его месте так же, наверно, поступил...

Устная математика, сочинение, физика... Оставшиеся экзамены прошли один за другим, но почти не сохранились в памяти. Затерялись где-то между Кремлём и ВДНХ, гранитными набережными Москвы-реки и раскрытыми «книжками» Калининского. Между встречами с теми, с кем был знаком ещё по олимпиадам, и заведением новых друзей...

В какой-то меланхоличной задумчивости Андрей стоял на смотровой площадке двадцать четвёртого этажа... Взгляд его бессознательно скользил по ставшей привычной уже картине раскинувшейся под ним Москвы. Задержался на серебрящейся вдали игле Останкино — куда он так и не успел съездить... Абитура закончилась, только что объявили проходной. Осталось лишь собрать вещи и ехать на вокзал...

Поезд давно скрылся из виду, а Катя всё стояла и смотрела ему вслед. Она больше не плакала, ветер высушил слёзы. Московский состав всегда отправляли под «Славянку» — кто-то говорил ей, это потому что дважды в год на нём увозят призывников... Может, и так... Какая страшная, безжалостная музыка. Раньше этого не замечала... Катя развернулась и медленно побрела назад, к остановке. Как там Наташа сказала, в два с половиной раза хуже армии?.. Но он же может ещё не поступить. Вернётся, побоится ехать даже в Киев, пойдёт здесь, в строительный — чтоб уж точно в эту самую армию не загреметь... Эгоистка, ей должно быть стыдно за такие мысли... Да и как он может не поступить, когда она сама, своими руками добавила ему до проходного целых три балла. Если вообще не спасла от пары... Всё сделала для того, чтобы он уехал от неё. Может

быть, навсегда...

Все следующие дни она не могла найти себе места, за что ни бралась — валилось из рук. Попробовала чаще ходить в кино, но быстро исчерпала скудный репертуар немногочисленных кинотеатров. Большую часть времени Катя просто лежала на маминой кушетке в кабинете, пытаясь читать, но смысл прочитанного ускользал от неё, и она часто ловила себя на том, что не может вспомнить содержание последнего абзаца... Зачем она уговорила его не звонить — попробовать, как у них получится жить порознь... Вот ведь точно, мозгов нет. Хоть бы только Андрюша это легче переносил, как в таком состоянии экзамены сдавать?..

Но почему не звонит его мама? Она же обещала ей, когда они разговаривали перед выпускным. Может, забыла?.. Катя решилась наконец, и сама набрала знакомый номер.

— Алевтина Степановна? Здравствуйте. Извините, что побеспокоила. Это Екатерина Максимовна говорит. Скажите, у Андрея ещё не было сочинения?

— О, здравствуйте, очень хорошо, что вы позвонили. Нет, пока только письменная математика. Но мы тоже не знаем ещё результата, известно лишь, что не двойка. Завтра у него устная, и там им окончательно выставят обе оценки — это какая-то система, что на устном экзамене можно попытаться улучшить результат письменного. Да вы не волнуйтесь, я же обещала держать вас в курсе. Сразу, как он нам сообщит, я тут же — вам.

Они поболтали о том о сём ещё минут пять и распрощались. Катя повесила трубку. Действительно, о чём тут звонить? Не двойка по письменной математике. Какое может быть до этого дело училке по русскому?.. Интересно, а Елене она звонила? Наверное, да...

— Андрей?! — удивлённо уставился на него отец. — Что произошло? Мы тебя только послезавтра ждали. — Но тут голос его стал тревожным: — Не прошёл по конкурсу?

— Нет-нет, пап, всё в порядке, поступил! Потому и приехал. Объявили раньше, ну я и решил, чего я там зря торчать буду? Мне эта Москва тыщщу раз ещё надоест.

— А почему не позвонил?

— Так на вокзале ж — дурдом. А мне — билет сдать, с проводницей договориться. Мест левых совсем нет, только в пятом или шестом вагоне в служебном купе нашлось.

С местами было и правда туго, но звякнуть он, конечно, мог время найти. Просто Андрею хотелось, чтобы первой узнала Катя. Подумал даже нарушить их уговор — но в последний момент сдержался. Позвонил ей сразу, как вышел из поезда, огорошив своим ранним приездом ничуть не меньше, чем родителей.

— Ну вот, а у меня ж ничего не готово, — вырулила с кухни мать. — Разувайся, умывайся, я тебе сейчас яичницу зажарю. С ветчиной, как ты любишь — в коопторге на той неделе выбросили.

— Мам, да не суетись ты, я не голодный. В поезде утром поел — набрал в дорогу лишку, с вечера осталось.

— Точно не голодный? Ну ладно тогда... Но учти, обед не скоро ещё.

— Да нормально, говорю ж, сытый. Ма, я по ребятам пройдусь?

— Похвастаться?

— Ну почему сразу похвастаться? — Андрей посмотрел на неё с деланой обидой: как могла она заподозрить его в столь низменных мотивах. — Я их месяц уже никого не видел. А многие сами скоро на экзамены разъедутся. Так я пошёл?

— Вот прямо так с ходу? Может, хоть в чистое переоденешься? А ещё лучше, помойся, с дороги-то.

— Хорошо, убедила. Значит я — в душ, а ты мне пока приготовь всё.

— Иди. Да, и вот ещё что. Мы тут с папой коробку ассорти достали. Может, заскочишь по дороге к Екатерине Максимовне, передашь? Ну и сообщишь заодно.

— Да ну, — Андрей отмахнулся с таким видом, будто предложение и правда раздосадовало его. — И вообще, с чего б это я ей конфеты дарить стал?

— И ты ещё спрашиваешь? А пятёрка твоя по сочинению, она, что, ничего не стоит?

— А чего мне та пятёрка? Проходной был — двадцать один всего, я и с тройкой набирал. И с четвёркой за аттестат. Зря только целый год над этой дурацкой литературой корпел.

— Андрей, ну как ты можешь так! — в голосе матери прозвучал упрёк. — Она для тебя старалась — не стыдно? Ты вспомни, ты же сочинение вообще завалить боялся. И сейчас она за тебя так переживала, обзвонилась вся... Конечно, наверное, не обязательно прямо сегодня...

— Да нет, — тут же пошёл на попятный Андрей, — коли так, лучше уж сразу развязаться.

— Тогда, может, ещё на рынок заскочишь — цветов ей купить? Нехорошо быть таким неблагодарным.

— Ма, ну это ж крюк какой... Ладно, ладно, куплю. Только тогда я, наверное, на обед уже не успею. Но ты не волнуйся, где-нибудь меня обязательно покормят. А к ужину вернусь. Идёт?

— Ну хорошо, договорились. Давай купайся уже наконец, студент.

— Ты с ума сошёл! — только и смогла вымолвить Катя, когда Андрей появился на её пороге с букетом белых роз. — А что соседи скажут?

— А чего им говорить? Я им всё сам уже рассказал — без этого не пропускали. Куда поступил, да что, да как... Они меня уже любят. И вообще, это ж не от меня цветы, а от предков — послали к тебе выразить благодарность лично. Вот, конфеты ещё. Так что часа два на «рассказать про Москву» у нас точно есть. А потом смоемся по очереди и пойдём куда-нибудь, я до вечера свободен.

Катя отнесла коробку на кухню и налила воды в вазу.

— А это — от меня, — обнял он её сзади, когда она поставила цветы на стол в гостиной, и надел ей на средний палец левой руки нефритовое колечко. — Здравствуй.

— Ой, прелесть какая! — она отставила руку. — Это в Москве такие продают?

— Да там, знаешь, выбор вообще всего получше, не одной только колбасы.

— Уж наверное... — Она повернулась к нему. — Спасибо. Ты кушать хочешь?

— Просто умираю. Со вчерашнего обеда ничего не ел.

— Ну я тогда приготовлю что-нибудь на скорую руку, а ты садись пока и рассказывай, всё-всё-всё. Твоя мама мне ведь только про оценки говорила, никаких подробностей вообще.

Пока Катя готовила ему завтрак — ту же самую яичницу, только с сардельками вместо ветчины — Андрей говорил об экзаменах, университете, куда сходил, что видел...

— А в Мавзолее был?

— Не-а, не вышло у нас. Зря только простояли несколько часов — хоть и приехали на первом метро. Совершенно патологическая очередь, хуже, чем за самым дефицитным дефицитом. В общем, нам не хватило. Больше не пробовали.

— А «мы» — это кто?

Катя постаралась задать этот вопрос как будто мимоходом, словно ответ ей не очень-то и интересен. Но вышло настолько фальшиво, что у Андрея мгновенно сползла с лица улыбка.

— Кать, ну ты чего... Ну хочешь, я вообще туда не поеду? Нет, серьёзно: меня с этими оценками куда угодно возьмут. Вот в Харькове тоже университет есть. Хочешь в Харьков? Я сам тебе обмен искать буду.

— Нет, Андрюша, что ты... я же ничего... я только спросила...

Ей захотелось плакать. Она *уже* начинает портить ему жизнь. В самом начале... Да это ещё и не начало даже, так, прелюдия к началу...

— Кать, ну я не знаю, что тебе сказать. Как будто оправдываюсь... «Мы», в данном случае, это пацаны из нашего и соседнего блоков. Но не о том ведь речь... На факультете — половина девок, не могу же я с ними вовсе не общаться. Только это не значит, что я чего-то там...

— Нет, конечно... Андрюша, извини. Не обращай на меня внимания, я это... с непривычки. Но ты не беспокойся я привыкну, обещаю... Просто тебя не было целый месяц...

— И вообще, — он прижал к щеке её руку, — ты абсолютно зря волнуешься: никогда на меня никто внимания не обращал. Вот честно, никак не пойму, что *ты* во мне нашла. Ты — красивая, а я...

— Тоже не совсем урод, — улыбнулась Катя. — Не хочешь же ты сказать, что у меня вкус никудышный? И ты — умный. А там вокруг будут уже не дуры-троечницы... Всё, всё, молчу. Больше не буду. Ты кушай, остынет... Кофе сварить? Или с конфетами лучше чай?

— Давай чай. И... Кать, я же тебя правда люблю. Мы с тобой уже больше года вместе...

— Ой, действительно! А я со всеми этими тревогами как-то не вспомнила даже... Правда, не будем больше об этом. Мы же сегодня твоё поступление отмечаем. И нашу годовщину заодно — с небольшой задержкой, по техническим причинам. Хочешь, мускат тот откроем — на что его ещё беречь? А допьём на мой

день рожденья. — И тут же забеспокоилась: — Ты когда уезжаешь? Зайти сможешь?

— Наверно. Как билеты будут. В самом крайнем случае отпразднуем с небольшим опережением — по техническим причинам.

— Тс-с, тишина! — прошептал Андрей. — И чтоб в глазок тоже никого не видно было.

Он нажал на кнопку звонка и через несколько секунд за дверью послышались шаги.

— Кто там?

Но Андрей только приложил палец к губам. Замок щёлкнул…

— С днём рож-день-я!

Клуб «Аэлита» в полном составе ввалился в сразу ставшую тесной прихожую.

— От имени и по поручению… — Андрей достал из-за спины перевязанную фиолетовой лентой пластинку и торжественно вручил её имениннице.

Катя изумлённым взглядом обвела неожиданных гостей.

— Ой, это же та самая! — обратила она наконец внимание на подарок. — Все её ищут. Спасибо огромное! Мы вчера только о ней говорили, после педсовета. Ни у кого ещё нет.

— Ну вот и похвастаетесь первого сентября.

— Катерина Максимовна, — деловито вмешалась в разговор Белка, — у нас собой два торта.

— Конечно-конечно. Ребята, давайте, проходите в гостиную, я сейчас самовар поставлю. Кузнецов, организуй пока стол, раздвинуть надо будет…

Следующий час был заполнен разговорами о том, кто куда поступил, с какими результатами и вообще о планах на

будущее... Когда, продолжая галдеть, они спускались вприпрыжку по лестнице, Андрей споткнулся на последнем пролёте и чуть не полетел головой вниз.

— Вот же ж осёл! — стукнул он себя кулаком по лбу, глядя на свалившийся с ноги тапок. — Переобуться забыл... Ладно, люди, идите без меня. Мне всё равно домой уже пора: завтра на поезд. Чао-какао, в январе увидимся, — он поднял над головой сомкнутые руки и начал не спеша подниматься назад.

— Кузнецов... — окликнула его вдруг снизу Белка.

Он обернулся. Вика как-то странно, почти заворожённо смотрела на него.

— Удачи тебе. Во всём.

— Тебе тоже... Ты чего?

— Ничего. Пока... — А затем отвернулась к остальным и поторопила: — Ну, давайте, быстро, быстро, пошли. Нечего его ждать.

— С тобой не соскучишься, — Катя распахнула дверь, едва Андрей опять появился на лестничной площадке. — Я подумала, соседские дети хулиганят.

— А здорово получилось? И не говори, что не обрадовалась.

— Конечно обрадовалась — какому учителю такое не приятно будет.

— И, совмещая приятное с полезным, толпой пришли — толпой ушли. Твои «чекистки» пребывают в блаженном неведении.

— Хитрец. Так я накрываю? Всё готово уже. Тортом, надеюсь, аппетит себе не испортил?

— Здоровый аппетит одними углеводами не удовлетворишь. Тащи сюда свою «синюю птицу». А я пока подарок твой поставлю.

Они уселись за стол.

— Андрюш, а правда, где ты её достал? — кивнула Катя в сторону телевизора.

— В ЦУМе, случайно. На позапрошлой неделе ещё. Там завоз был, одна коробка всего. Мне предпоследняя досталась.

Она взяла со стола конверт от пластинки.

— «Из Сафо»?! И наш Минкульт это пропустил?

— А в чём криминал?

— Ты не знаешь, кто такая Сафо? — с игривой улыбкой подняла брови Катя.

— Чему сама научила, то и знаю. И вообще, нечего над гостями потешаться.

— Ты — не гость.

— Тем более. Так и кто она?

— Древнегреческая поэтесса. С острова Лесбос.

— И?

— Лесбос? Никаких ассоциаций?

Но Андрей молчал с полным непониманием на лице, и она добавила:

— Лесбийская любовь?

— А-а, ну так бы сразу и сказала. И Сафо твоя из этих, что ли?

— Говорят, — пожала плечами Катя. — Точно-то сейчас никто уже не знает.

— М-да... — саркастически заметил Андрей. — Проморгали наши блюстители чистоты и непорочности новой исторической общности.

— Ну так ещё Вяземский говорил, — рассмеялась она в ответ, — что в России от дурных мер правительства спасает дурное же их исполнение. Как тебе курочка?

— На пять с плюсом. И рис тоже.

Но тут Сафо кончилась — а за ней прозвучало нечто совершенно неожиданное:

Во французской стороне
На чужой планете
Предстоит учиться мне
В университете.

До чего тоскую я,
Не сказать словами.
Плачьте ж милые друзья
Горькими слезами...

— Андрюша, что это? — Катя в испуге взглянула на него. — Я сейчас точно расплачусь... Ты знал?

— Нет... — растерянно произнёс он. — Я её даже из конверта не вынимал. Как купил, сразу спрятал подальше, чтоб не увидел никто... Везёт нам с тобой на песни, вот что я тебе скажу...

— Ага... Эльфы, видно, такие попались, музыкальные не в меру. Ладно, есть давай, остывает...

Вот и опять она на целых шесть лет старше его... А завтра он уезжает, уйдёт сейчас — и всё... За окном зелень, цветы, птицы поют. А когда вернётся, будет уже снова зима, и сугробы, и вьюга. И так — пять лет... И каждый раз на её день рожденья... Надо сказать ему, что решила не ходить завтра на вокзал...

«Беларусь» вдруг запела по-английски...

— Андрюша, ещё одна песня, совсем про нас. Вот слушай... Доброй ночи? Да какая ж она, к чертям, добрая, когда разлучает тех, кого должна соединить. Ночь добрая, когда «доброй ночи» не говорят... Андрюш, останься, а?

— Кать, ну мне же ехать завтра.

— Именно поэтому... И ещё. Я подумала... Я не пойду тебя провожать.

— Почему?

Они договаривались, что Катя окажется на вокзале «случайно», скажет, подруга уехала на другом поезде.

— Опять разревусь, как в прошлый раз. Даже хуже... Прямо у твоих на глазах — вот тебе и вся конспирация... Андрюша,

правда, останься. Пожалуйста… Наври им что-нибудь. Ну какая твоей маме разница, где ты спать будешь? А утром я тебя подниму рано-рано…

Пока Андрей звонил домой и плёл что-то насчёт ребят, кино, бутылки «Трифешты» на семерых, идущих в парк троллейбусов и отсутствия телефонов у большинства друзей, она убрала со стола и зажгла свечи. Можно было больше не спешить. Они сидели с ногами на диване, обнявшись, слушали музыку и пили искрящееся в резных хрустальных бокалах янтарное вино… Как волны в тот их самый первый вечер на море, когда они вдвоём сбежали с танцев…

— Какие грустные стихи… — вздохнула Катя, когда пластинка кончилась. — Твой подарок… Он ведь тоже как осенний листочек…

— Кать, ну что за похоронное настроение, — Андрей прижал её покрепче. — Может, подарок действительно не самый удачный — но уж точно не последний.

— Нет, что ты, замечательный, — она прильнула к нему. — Я её каждый день слушать буду… И хвастаться ещё — забыл? Но ты же знаешь, какая я мнительная… Кажется, вот уедешь ты — и всё у тебя изменится. Новая жизнь, друзья, тревоги, радости… А я останусь в прошлом, как старая забытая кукла… Ты не слушай меня — и не отвечай: это я так, для себя. Какую-нибудь совсем уж глупую глупость сказать, чтоб самой смешно стало… — Катя беспомощно улыбнулась. — Помнишь фильм на Новый год? Там ещё песня была, потешная такая, про тётю и собаку. Её недавно по радио передавали. И я подумала… Я настолько привыкла терять всех, кого любила — и кто любил меня — что, наверно, инстинктивно уже не позволяла себе ни к кому привязаться. Пока тебя не встретила… А сейчас вот тебя ужасно боюсь потерять. И, как дура, рада этому…

Ленинские горы

адим размахивал над головой сложенным вчетверо бланком, ловко уклоняясь от всех попыток Андрея завладеть им.

— Вадька, ну кончай! Достал уже своими интернатскими штучками. Дай сюда!

— А ты пляши.

— У меня, может, случилось что.

— Случилось. Но ничего плохого кроме хорошего.

— Ты прочитал?!

— Телеграмма — послание открытое, — ничуть не смутился Вадим. — Ну а вдруг бы там и правда, что плохое? Я должен был бы тебя подготовить. И за проявленную заботу тебе даже сплясать жалко?

Видя, что иного выхода нет, Андрей махнул рукой и изобразил нечто, отдалённо напоминающее лезгинку. Только вместо того, чтобы отдать бланк, Вадим развернул его и с интонациями диктора ЦТ начал:

— Как сообщает с мест наша специальная корреспондентка... которую, заметим, зовут отнюдь не мама...

Но тут Андрею удалось наконец выхватить телеграмму у

него из рук. На криво наклеенных обрывках телетайпной ленты значилось:

ПРИЕЗЖАЮ ПЯТНИЦУ МОСКОВСКИМ КУРСКИЙ ВАГОН СЕМЬ ВСТРЕТЬ ЕСЛИ СМОЖЕШЬ ЛЮБЛЮ ЦЕЛУЮ=КАТЯ–

— Мужики, не, ну вы хоть раз видели такую цветущую физиономию? — не унимался Вадим, обращаясь к двум другим обитателям комнаты.

— Судя по реакции, — поднял глаза от конспекта не обращавший до того внимания на происходящее Жора, — некая пассия приезжает поздравить лично.

— В точку!

— Вот так и рушатся все великие начинания. Из-за баб, — не оборачиваясь, констатировал стоящий у окна Санька — продолжая пялиться на двух достаточно легкомысленно одетых девиц, играющих на спортплощадке в бадминтон. — Плакало, значит, завтрашнее пиво...

— А ты уж и обзавидовался сразу, — насмешливо бросил ему в ответ Андрей. — Напомни лучше, как, ты говорил, температуру для врачихи набить?

— Капля йода на кусок сахара, за дельта-тэ до — минут десять-пятнадцать. — Будет тридцать семь и две, освобождение на два дня с гарантией.

— А йод у нас есть?

— К девкам сходи. И в гастроном за сахаром, кстати. Твоя очередь.

— Ага... Завтра, надеюсь, никто больше не сачкует?

— Да вроде не собирались... — протянул уже опять уткнувшийся в конспект Жора.

— Ну вот и отлично. И ещё. «Тайвань» никуда не отменяется, после третьей пары — как договорились. В мыслях я буду с вами. И спешить вам совершенно некуда.

В голову пришла вдруг неожиданная мысль: ведь всё это могло быть её жизнью. Москва, МГУ... Работала бы сейчас переводчицей-японисткой, где-нибудь на Дальнем Востоке. Может, даже в Японию съездила бы... И не было бы ни педа, ни школы, ни... Катя взглянула на шагающего рядом Андрея... И вовсе никакие не сомнительные они, их эльфы... Она прикрыла глаза и представила себя опять студенткой, первокурсницей ИСАА. Интересно, они в одном общежитии жили бы или в разных? А если люди женятся тут, им отдельную комнату дают?..

— ... Катя? — она почувствовала, что Андрей сильнее сжал её ладонь и очнулась от своих мыслей.

— Извини, задумалась. О чём ты говорил?

— Я говорю, махнём сразу в общагу?

— А ты там договорился уже, где меня поселить?

По его внезапно ставшему задумчивым лицу, она поняла, что этот момент он на радостях упустил.

— Ну тогда давай лучше не рисковать: сам понимаешь, не хотелось бы на полу спать. Мне тут несколько адресов дали... — Катя порылась б своём пакете. — Вот, номер один. Дом колхозника. Говорят, почти всегда места есть.

Метро, автобус, опять метро, с пересадкой, опять автобус... Как тут люди живут? Хотя привыкнуть, наверное, ко всему можно. Андрюша, похоже, совсем уже освоился...

— Ну вот и наши пенаты. ФДС, филиал дома студента. Мехматский корпус — шестой, там, по диагонали, сразу за столовкой. Пожрать не хочешь, кстати?

— Нет пока — я в дорогу бутербродов наготовила. А что это за магазин мы прошли?

— «Балатон», венгерский. Можем попозже зайти. Или завтра.

— Давай. Хочу Свете подарок купить — она меня подменяет эти дни.

— Тогда возьми бутылку «Токайского». Отличная вещь, наверняка понравится. У вас там такого не бывает.

«*У вас...*» Естественно. Сейчас его жизнь — здесь, а возвращаться он будет только в гости. И это уже навсегда: после окончания «здесь» просто станет где-то ещё...

— Я вообще-то думала из бижутерии что-нибудь... Но, может, ты и прав: она хорошее вино любит.

ФДС оказался почти точной копией их педовской общаги, такая же типовая пятиэтажка с умывалками по концам коридора и холлом посредине. И ощущение было, как тогда — когда тётя Люба дала им в конце лета комнату...

Андрей бросил взгляд на часы и высвободил у неё из-под шеи руку.

— Одеваться пора. Мои там пивом, наверно, упились уже, скоро явятся. Ты уезжаешь когда? В воскресенье?

— В ночь с субботы, ближе к утру уже.

— Так рано? А почему не на нашем?

— На нём я к началу уроков не успеваю, даже если прямо с вокзала на такси. Иначе никак не получалось, извини. Еду с Киевского, с пересадкой. Проводишь? В зале ожидания посидим, поболтаем.

— Конечно. А поезд у тебя во сколько точно?

— В полпятого.

— Тогда давай прямо к нему и подойдём — отсюда это не так далеко, часа полтора пешком максимум. А ночью по Ленгорам пошляемся.

— Хорошо, — улыбнулась она, — как скажешь.

— А перед этим, если хочешь, можем на скачки сходить.

— Ты играешь на скачках?! — ужаснулась Катя.

— Да нет, ну ты чё? Это просто танцы здесь почему-то так называются. Так хочешь?

— Конечно. Обязательно сходим. А как ты меня своим соседям представить собираешься, кстати?

— Почему, собираюсь? Уже представил, заочно. Как свою жену.

От неожиданности Катя замерла, как стояла, с носком в руках.

— Ну, будущую, — уточнил он, явно довольный её реакцией. И с ехидной ухмылкой прибавил: — Это чтоб у них никаких мыслей дурных насчёт тебя не возникало. А то знаю я их.

— Юморист, — взглянула она на него с кривой усмешкой. — А кто я тебе бывшая, тоже сказал?

— Нет. А надо было?

— Андрей, да ну тебя. Вот тогда я уж точно ни на какие ваши «скачки» не пошла бы... Ой! Я же тебя до сих не поздравила ещё. Для чего приехала, спрашивается... — она залезла в свой пакет и протянула ему шарф и вязанную шапочку. — С днём рожденья! Извини, я не оригинальна. Куча пряжи от свитера осталась — а шарфы такие, двухметровые, сейчас в моде. Я его на вязальной машине смаздрякала — Свете недавно муж подарил. Вжик-вжик — и готово. Даже мотивы на концах: она в два цвета умеет. А шапочка — по твоей формуле. Нравится?

— Класс! Только ты, мне кажется, над моей мамой в натуре издеваешься.

— Почему?

— Ну ясно же, что это комплект: морские картинки, как на свитере.

— Правильно, я так и хотела.

— И вот что она теперь вообразит — когда я во всём этом на каникулы приеду? Тем более, в Москву из наших никто больше не поступил.

— Ой, не подумала, — рассмеялась Катя. — Так куда мы сейчас?

— Куда хочешь. У тебя, вообще, какие планы? За полтора

дня мы не так много успеем.

— Да никаких особых... Хотя, вот. Сам университет посмотреть можно? Представить хочу, как ты тут.

— Изнутри? Организуем. Там заодно и поедим. А ну-ка, взгляни на меня... — Андрей слегка склонил голову вправо, влево, уставившись задумчиво на Катю, как будто видел её впервые. — Знаю, кто нам нужен.

Они спустились на второй этаж, и он постучался в одну из комнат.

— Есть кто живой?

— Андрей? — послышалось изнутри. — К нам нельзя сейчас.

— Привет, Лен. А Галка там?

— Ну, тут, — раздался другой голос. — Чего тебе?

— Твой читательский.

— Зачем?

— Да человека одного в ГЗ провести надо.

За дверью послышалось лёгкое шебуршание, она приоткрылась на несколько миллиметров и в образовавшуюся щель просунулась синяя корочка.

— Вечером вернёшь.

— А утром можно?

— Можно. Надеюсь, он симпатичный хоть — этот твой человек?

— Несмотря на то, что на тебя похож?

— Ну вот фиг я тебе ещё когда чего дам.

— Не язвите — да не язвимы будете. Спасибо, Галь, выручила.

— Пожалуйста. Кушай, не обляпайся. С днём рожденья, кстати.

Прежде чем бросить в пакет, Катя открыла читательский билет, взглянуть на фотографию. Действительно, немного похожа. Для вахты должно сойти... А вот Андрей очень изменился. За неполный месяц — больше, чем за весь прошлый год.

И с девочками он так раньше не умел... Всё это время ей казалось, она по-прежнему видит в нём что-то от того наивного, неуверенного в себе мальчика, что ждал её тогда у балюстрады над морем. А сейчас этот мальчик исчез совсем. И это, конечно, хорошо и правильно — но всё равно немножко жалко...

Экскурсия затянулась на час. Он провёл её по похожим на дворец нижним этажам, по почти опустевшим после учебного дня аудиториям и коридорам мехмата...

— Андрюш, а на самый верх, к звезде можно забраться?

— Не, туда не пускают, я пробовал. На двадцать четвёртом выход на крышу есть — смотровая площадка, типа. Вот оттуда вид классный. Дальше ещё музей, но там ничего интересного.

В скоростном лифте от неожиданной перегрузки у Кати подкосились ноги.

— Ведь специально не предупредил! — обняла она Андрея, когда он в последний момент подхватил её.

— Конечно. А когда вниз поедем, будет, наоборот, почти невесомость. Если подпрыгнуть, держась за поручни, пролетишь несколько секунд в воздухе. Бесплатный аттракцион.

Они вышли на покрытую плиткой площадку.

— Ой, красота какая... — Катя восторженно обвела глазами протянувшуюся до самого горизонта панораму города.

— На абитуре мы каждое утро почти сюда поднимались — прикинуть, в каком районе дождя нет.

— Это с соседями своими? А кто они вообще?

— Не, из тех никто не прошёл. А эти — интернатские, откуда Сергей. Вот помнишь, как он нам про себя на вокзале заливал, а мы не верили? Так, может, не очень-то и приврал. Совершенно отвязный народ, прямо как в Шкиде. Интернаты, похоже, все одинаковые — что для беспризорников, что для

вундеркиндов. Один вот — Жора — ему, представь, *курить* в школе разрешалось. Официально, мать заявление написала. Кать, не поверишь, я с ними рядом сам себе поначалу домашним пай-мальчиком казался.

— Успокойся, — ласково взъерошила она его отросшую за последние месяцы шевелюру, — больше не кажешься — мне, во сяком случае. Я тебя иногда просто не узнаю. Учился ты всегда быстро, дурному особенно. На себе убедилась. Нисколько не удивлюсь, если ты у них ещё самым беспутным станешь, как д'Артаньян у трёх мушкетёров. Так куда дальше?

— Выбирай, — Андрей сделал широкий жест рукой.

— Сам выбери. Я же тут, кроме Красной площади, вообще ничего не знаю.

— Ну, раз так, вот туда и отправимся. — Он сверился с часами. — Как раз к смене караула должны успеть. А потом, знаешь, что? Пошли в бар. Мы с тобой ни разу ещё в баре не были — а у меня сегодня день рожденья, между прочим.

И это пустило его мысли в совершенно другом направлении.

— Слушай! Я понял, чем мы завтра займёмся.

— Чем?

— День у нас завтра какой?

— Двадцать пятое.

— А недели?

— Суббота.

— И мне — восемнадцать!

Ещё с полсекунды Катя глядела на него в полном непонимании, но тут выражение её лица изменилось.

— Андрюша, — испуганно переспросила она, — ты это серьёзно? Я не могу.

— Почему? — ответ немного обескуражил его. Но он попытался свести всё к шутке: — Сама ж говорила, на Руси спокон веку заведено: как только — так сразу. И тут же детей начинать

плодить пачками.

— Ещё и детей… — Катя, похоже, полностью лишилась на время чувства юмора и жалобно посмотрела на него. — Андрюш, ну ты что, совсем с ума сошёл?

— Кать, да что с тобой? Ну ясно же, про детей — это просто тебя повеселить.

— Удачно, — кисло улыбнулась она.

— Но правда, почему? Ты не хочешь за меня замуж?

— Хочу, конечно… Но я же тогда в школу должна буду сообщить — и как ты это себе представляешь?

— В школу? Зачем?

— В бухгалтерию — чтобы налог за бездетность вычитать начали. Ты, что, не знал об этом?

— Вообще понятия не имел. Что такое бывает даже.

— С мужчин его сразу берут, а с женщин — только после замужества. Шутка ещё такая есть: «Каждая честная советская девушка обязана родить на следующий день после свадьбы.»

— Дурдом… Ну ладно, убедила. Будем продолжать жить во грехе.

Катя на минуту задумалась.

— Андрюш, а ты правда на мне жениться хочешь?

— Кать, а ты правда в ответе сомневаешься?

— Нет… — Она помолчала ещё немного. И начала, как будто совсем о другом: — Меня Наташа давно уже в гости зовёт — с тобой. В июле мы к ним могли бы заехать. А у Павла Алексеевича — он деревенский сам, из-под Борисполя откуда-то — брат есть, двоюродный, кажется. Так вот он — поп. Там же, в соседнем районе. Возможно, удастся договориться, чтобы он нас обвенчал — если тебя это устроит.

— Устроит?! Да в церкви — это ж ващще класс!

— Только, Андрей… — выражение её лица опять изменилось, стало напряжённым и замкнутым, — сначала я должна сказать тебе что-то очень важное… Я ведь из-за этого, на самом

деле, к тебе и приехала...

Озадаченный, он непонимающе взглянул ей в глаза.

— Ну, говори... — в голосе его прозвучало беспокойство.

— Не сейчас. Мне надо подготовиться, морально... Нет, нет, что ты! — она вдруг поспешно замахала на него руками. — Это совсем не то, что ты подумал.

— Не то — не что? — опять не понял он. — Что я должен был подумать?

— Ну, раз не подумал — так и неважно. Ладно, поехали на Красную площадь. А потом и правда — в бар.

Катя молчала, погружённая в себя, задумчиво размешивала соломкой остатки зеленовато-коричневой жидкости в бокале. Они сидели за стойкой в «Валдае» — и за всё время она едва проронила несколько слов, никак не могла собраться с духом...

Этот последний месяц был просто ужасен. Днём, в школе, было ещё ничего: уроки, классное руководство, клуб... Но по вечерам, по воскресеньям особенно... На днях ей приснился сон, будто Андрей приехал из Москвы с какой-то незнакомой девочкой. Из его группы, как он сказал. И спросил, не может ли та пожить несколько дней у неё — а то дома у них негде. Причём это даже не было кошмаром, какой-то совершенно обыденный сон. Словно так и надо, ничего странного. И Катя тоже повела себя в нём совершенно обыденно: тут же согласилась и пошла стелить гостье на кушетке в кабинете...

Она не знала, как начать. Всю дорогу в поезде представляла себе их разговор — но каждый раз получалась эдакая манерная мелодрама. «Я была первой женщиной, увидевшей в тебе мужчину...» Или ещё какая-нибудь пошлость в том же духе... Она покажется ему дурой... Ну, может, она дура и есть — по

сравнению...

— Андрей, я хотела сказать тебе... — но опять не решилась и вместо продолжения спросила: — А что мы, кстати, пьём?

— «Привет». Тебе от меня.

— Намекаешь, что я у тебя «с приветом» сейчас? — Катя улыбнулась через силу. — А что в нём?

— Коньяк пополам с «Шартрезом» — это ликёр такой, французский. И ещё немного лимонного сока. Тебе нравится?

— Вкусно... Только крепкий он очень, ты мне такого больше не бери... Так что я хотела тебе сказать... У меня в последнее время такое ощущение, будто я... воровка. Украла у тебя целый период жизни. Нет, я вовсе не горю желанием вернуть его тебе, — она ещё раз вымученно улыбнулась, — не настолько я альтруистка... Но я хочу попросить тебя об одной вещи. Пообещай, что сделаешь.

— Что?

— Нет, ты сначала пообещай.

— Втёмную? Ну хорошо, обещаю. Так что?

— Если ты когда-нибудь... — по Катиному лицу пробежала судорога, — найдёшь себе кого-то ещё, я... пойму. Но только скажи мне сразу. В тот же день. Позвони в любое время, хоть посреди ночи. Не надо меня жалеть и из жалости скрывать. Пожалуйста...

— Катя, ты что, мне не веришь? — Андрей выглядел оглушённым подобной просьбой.

— Наоборот... Иначе какой вообще смысл просить? Не обижайся. Так позвонишь?

— Кать, но ты же в результате от любого звонка в панику впадать будешь.

— Мне не так часто звонят. И ты ведь пообещал уже...

— Я не отказываюсь... — Он помолчал немного... — Только можно, я это обещание слегка изменю? Я пошлю тебе телеграмму, срочную. Их носят быстро, и они никогда не бывают к

добру. Так сойдёт?

— Сойдёт.

— Ну вот и хорошо, — он притянул её к себе и поцеловал в щёку. — А ещё я обещаю, что никогда тебе этой телеграммы не пошлю.

— Я знаю... — Катя сжала его руку и вздохнула с облегчением. — Но мне так всё равно спокойнее... — Неприятный разговор был позади и сейчас ей хотелось лишь поскорее забыть о нём. — Не сердись.

— Я не сержусь, просто расстраиваюсь, что тебе плохо...

— Мне уже опять хорошо...

— Ну и слава богу тогда. И зря ты выдумываешь, что чего-то там у меня украла. Вот Света твоя, она ж, как я понял, замуж на первом курсе вышла — так что, муж еёйный тоже всё у неё украл? Ну чушь же несёшь.

— Да, наверное... — она подняла свой стакан, и они ещё раз чокнулись. — С днём рожденья. И чтоб всё у тебя было, как ты сам пожелаешь...

На скачках их, похоже, ждали. Андрей не успел ещё даже зайти вслед за Катей, как к той уже подскочил неизвестно откуда вынырнувший Санька. Обернувшись, она с улыбкой пожала плечами и ушла со своим новым кавалером — и вскоре их затянуло куда-то вглубь этого неспешно кружащегося, полутёмного водоворота пар...

— Андрей, потанцевать не хочешь?

Он удивлённо взглянул на подошедшую к нему девчонку. Это был белый танец? Да нет, не может быть: Санька же Катю пригласил...

— Конечно, Ир. Пошли.

— Ты на скачках совсем не бываешь...

Что это с ней сегодня? На себя непохожа...

— Я слышала, к тебе приехал кто-то?

В общаге вообще бывает так, что не всем всё сразу известно? И ей-то чего?.. Подождите-подождите... А может, зря Вадька тут хвост распускает, вовсе не на него она глаз положила? Или, по крайней мере, не он один у неё на радаре? Просто он из них самый болтливый — вот она и трындит преимущественно с ним, когда к их компании подсаживается...

— Правильно слышала.

— А кто она тебе?

Быка за рога. Хотя, наверное, так и надо: зачем тратить драгоценное время на безнадёжных кандидатов? Их следует отсеивать сразу же и без сожалений... А вот интересно, как бы он сам на её месте поступил? Скорее всего, просто в туман ушёл, не вдаваясь в излишние подробности... Ну, за рога — так за рога...

— Невеста.

— Даже так... Понятно... Ну, поздравляю...

— Спасибо. С чем?

— Со вчерашним днём рожденья... Тебя весь день в общежитии не было. И на занятия ты не пришёл...

Танец закончился, и Ирина отошла, не сказав больше ни слова. Андрей проводил её глазами. Не глядя ни на кого, она быстро вышла из телевизионки и сразу свернула направо, к лестнице... Ему вдруг стало ужасно стыдно за свои циничные рассуждения. Он представил, как вчера она, наверно, искала его, болталась по их этажу, не решаясь постучаться в комнату... И вдруг получила, как обухом по голове...

Кто-то случайно задел его, сбив с этих мыслей... А где она, кстати, его невеста? Он протолкался ближе к центру и нашёл её в компании своих приятелей.

— Андрей, ты куда пропал? — окликнула его Галка. — А то мы сами уже с человеком твоим знакомимся.

— Ну вот видишь, прекрасно справляетесь и без меня, — отшутился он и выпихнул её в центр круга, заняв освободившееся место.

Когда опять заиграло что-то медленное, он был начеку и увёл Катю из-под носа у зазевавшегося Жоры.

— Ну и как тебе моя компашка?

— Нормально. Студенты — себя вспоминаю. Но у вас тут... фривольненько, я бы сказала. У нас в институте свет всё же не тушили.

— Столичные нравы. Мужики говорят, у них и в интернате уже так было.

— Саша твой, кстати, упорно домогался, откуда я да что.

— Ну и что же ты ему сбрехала?

— Абсолютно ничего, — задорно оскалилась она. — Сказала чистейшую правду: что учились в одной школе. Ты же знаешь, я врать не люблю.

— Честная ты наша, — ухмыльнулся в ответ Андрей.

А вот сам он, врёт он ей сейчас или нет — что про Ирку не говорит? Вчера ведь только обещал... Но он же ей совсем другое обещал, тут-то вообще ничего нет... Хотя, не будь у него Кати, вполне мог бы, при таком раскладе, с Иркой вчера на крыше ГЗ целоваться. Или вот, допустим, решила бы она, что невеста — это просто слово такое красивое. А уж невеста за тридевять земель — и подавно... А может, ещё и решит... Нет, не то чтоб он хоть чуть-чуть в себе сомневался...

Андрей попытался понять, что же, собственно, мешает ему рассказать. Наверно, просто расстраивать не хочется: ведь всё равно ж расстроится, хоть реального повода и нет. Вот в симметричной ситуации... А действительно, почему он-то в неё до сих пор ещё не попал? Ну не может быть, чтоб за целый год никто больше на Катьку не позарился. С ней на улице знакомятся, сам же видел. Молодая, красивая, *свободная* — как все считают. Вон, практикант их прошлогодний по биологии. После

армии — значит, старше её. А эта коза Светка спит и видит, как бы свести её с кем-нибудь… Стоп! Вот чего она испугалась вчера — что он подумает, будто она там, без него…

— Андрюша? — встревоженно тряхнула его за плечи Катя — от неприятной мысли он замер, остановился прямо посреди танца.

— А, всё нормально, — он чуть сильнее прижал её к себе, и они закружились опять. — Вспомнил, что ещё хотел тебе сказать. Прочёл же я ту повестуху — которую ты от меня на море прятала. В «Иностранке» была, в двух последних номерах. Только называлась немного по-другому, «Человек-ящик».

— Конечно, так тоже можно перевести. Ну и что скажешь?

— Классная вещь, но совершенно ж неприличная. Никогда бы не подумал, что училка такое читать может.

— Так все училки когда-то студентками были. Слышал бы ты, о чём они между собой откровенничают — когда мальчиков поблизости нет.

Рабы божии

Нет, ну не свинство ли? Катя повесила трубку и расстроенно уставилась в окно, за которым уже начинало понемногу темнеть. Сегодня она не ждала звонка от Андрея и по его тону, по тому, как он поздоровался с ней, сразу почувствовала беду. Вот тебе и планы на лето... Сегодня им сообщили, что сразу после сессии весь первый курс силком загоняют в стройотряд. Из-за олимпиады. Ну дурь же полная, чего они там понастроить могут, эти горе-строители, коровников олимпийских для олимпийской деревни?

Скользнув глазами по стопке ждущих проверки тетрадей — надо бы закончить — Катя вышла из комнаты. Успеется... Зажгла торшер в гостиной и поставила «Алису в стране чудес». Она купила эту пластинку Андрею на Новый год — странный, бессмысленный даже подарок: проигрывателя у него в Москве нет, а на магнитофон он её уже у друзей переписал. Но на вопрос, что хочет под воображаемую ёлочку, не задумался ни на секунду. Сказал, весь мехмат стоит от «Алисы» на ушах, и что там одновременно про математику и литературу — будто специально для них двоих... Наверное, ему просто очень хотелось, чтоб она тоже её послушала...

Андрей приехал тогда почти на неделю раньше: договорился каким-то образом сдать последний экзамен досрочно. И все эти дни безвылазно прожил у неё. Они не виделись больше трёх месяцев, и Катя была на седьмом небе от счастья — тем более, это был сюрприз. Вернулась как-то из школы — а он валяется на диване с таким видом, словно и не уезжал никогда. Она бросилась ему на шею, и он тоже обнял её... но как-то нерешительно, ей показалось, отстранённо даже. А когда она с тревогой взглянула ему в лицо, смущённо отвёл глаза и признался, что за это время совсем отвык от неё. И сейчас ему опять немного страшно прикасаться к ней, почти как тогда, в самый первый раз...

А потом они обедали столичными дефицитами и вместе слушали «Алису». И Андрей объяснял ей, что такое «просто множество» и как его рисуют... А ещё сказал, что она сама — вылитая Алиса: такая же умненькая, приличная, идеально воспитанная. Но при всём при том, совершенно безалаберная, выпендрёжная хулиганка...

Ну а сейчас их встреча отодвигается ещё на месяц. Это будет уже целых полгода...

Свадьбу тоже на август придётся переносить... Хотя тут-то как раз и чёрт с ней: всё равно в *их* день не выходит. Ну вот что попам за разница, когда венчать? Кругом бюрократия... Может, вообще зря они это затеяли? Тайком, в какой-то полузаброшенной часовне, не совсем даже по-настоящему: кто б мог подумать, что по правилам венчаться можно только *после* загса — но никак не *вместо*? Отделили, называется, церковь от государства, ничего не скажешь... Хотя Андрюша, наоборот, в полном восторге. Называет теперь отца Николая не иначе, как «наш Лоренцо». Ладно, главное — чтоб он доволен был. А что оно там по чьим-то порядкам значит, не всё ли равно...

— Андрей, ты *должен* их пригласить. Ну не поступают так, пойми. И времени осталось в обрез.

— Кать, опять ты начинаешь... Говорю ж тебе, ничего хорошего из этого не выйдет.

Они шли к остановке через привокзальную площадь, кажущуюся пустынной после вчерашнего столпотворения на Курском. Принудительный июльский стройотряд обернулся обычной летней отработкой на территории самого университета. Ну а убедить соседей свалить куда-нибудь, во имя мужской солидарности — плёвое дело. Целый месяц вместе. В Москве. Если бы только все их проблемы разрешались таким же образом...

— Ты просто вбил себе это в голову, — продолжала убеждать его Катя. — Они же твои родители, самые близкие люди. И не сказать им...

За последние дни Катя заводила этот разговор уже в третий или четвёртый раз. И с каждым разом Андрею всё больше и больше хотелось согласиться с ней. Рано или поздно всяко придётся расколоться — так почему не сейчас? Да и потом, как им ещё объяснить, почему он, едва вернувшись, опять уезжает куда-то...

— Ну, может, ты и права... Момент только подходящий выбрать...

Момент, как ему показалось, настал, когда мама накрыла на стол, а отец смешал в своём любимом графинчике водку с бальзамом — «достойно встретить рабочего человека».

— Мама, папа, подождите, — не слишком решительно начал он, по-прежнему немного сомневаясь, — у меня есть, за что выпить. Всё никак не выходило вам сказать... Я... — он чуть запнулся, — у меня появилась девушка — и довольно давно уже...

Алевтина Степановна при этих словах вся просто расплылась в улыбке.

— Да мы-то догадывались, конечно. Кто она, мы её знаем?

— Знаете... Только она вам может не понравиться...

— Андрюша, ну что ты такое говоришь! — с несколько излишней поспешностью воспротивилась подобному предположению мать — но при этом на лице у неё явственно отразилось беспокойство. — Как же она может нам не понравиться, когда ты сам её выбрал? Да и не стали бы мы с папой тебе указывать. Так кто она?

Андрей глубоко вдохнул и максимально бесстрастным голосом, на который был способен, произнёс:

— Катя Шевченко.

— Катя Шевченко? — с недоумением повторила Алевтина Степановна. — Какая Катя Шевченко? Она из вашей школы? Я не припомню среди твоих знакомых никакой Кати Шев...

И тут до неё дошло... Она изменилась в лице и на какое-то время потеряла дар речи. Наконец, оправившись от потрясения, поставила рюмку на место и произнесла ледяным голосом:

— Это такая глупая шутка или я что-то не так поняла?

— Нет, мама, — Андрей почувствовал пустоту внутри и тоже опустил свою рюмку на стол, — ты всё поняла правильно. Но ты ведь сама только что сказала, что не станешь мне указывать. Вот и отнесись к моему выбору с пониманием и уважением.

Только непохоже было, что кто-то здесь собирается что-то понимать. Не говоря уж об уважать.

— Ты... Она... Вы же врали мне. *Она* мне врала, врала прямо в глаза, мило улыбаясь... И ты... Это же всё, — Алевтина Степановна схватилась руками за голову, — *всё* было подстроено! С самого начала! Это же с тех пор ещё! И ты тоже бессовестно врал мне! Всё это время!

— Мам, ну не надо, — без особой надежды на успех Андрей

попытался апеллировать к логике: — Вот если ты даже сейчас так завелась, представь, что было бы два года назад. Так и что нам, по-твоему, делать оставалось?

— Ты даже не отрицаешь! — просто-таки захлебнулась она от возмущения. — Не-ет, я этого так не оставлю! Она у меня во-от такими слезами плакать будет!

— Мама, ну успокойся. Пожалуйста. Никто ничем плакать не будет. Всё уже давно решено, и ничего ты тут изменить не можешь.

— Кем решено, *ею*?! — мать разошлась ещё больше. — Я ей покажу, что я могу, а что нет! Она у меня с работы вылетит, с таким треском, что в уборщицы никуда не возьмут! Я её под суд отдам!

— Мам, ну какой суд, что ты заладила. Серьёзно! — Андрей тоже начинал уже терять терпение. — Никаких законов мы с ней не нарушали — и ты сама это прекрасно знаешь. А и нарушили бы, так какие у тебя доказательства? Ладно, не нравится она тебе — не надо. Насильно мил не будешь. Но и не лезь тогда, пожалуйста, не в своё дело.

На что Алевтина Степановна окончательно взорвалась:

— Не в своё дело?! Это *не её* дело!!! Законов она не нарушала! Доказательств у меня нет! Мне не нужны никакие доказательства! Я её так ославлю, до конца жизни не отмоется! В мать пошла, безотцовщина! Повія!

Мама Андрея была культурной женщиной и не позволяла себе при сыне излишне грубых выражений. Разве что очень изредка, в шутку, вставляя что-нибудь «на мові». Но сегодня она определённо перешла черту.

— Значит так, — очень холодно и с расстановкой отчеканил в ответ слегка побледневший Андрей. — Начать трепать её имя ты, конечно, можешь. Но учти, максимум, чего ты добьёшься, это что её переведут куда-нибудь в другой город. Что для нас с ней, строго говоря, даже удобней будет. А вот ты *здесь*

останешься. И к перманентному шушуканью за спиной *тебе* привыкать. Ну и в месткоме своём ты с подобной историей нафиг никому не сдалась — придётся вспоминать, с какой стороны к кульману подходить. Хочешь устроить скандал на всю округу и на свою голову — валяй, действуй. Переживём как-нибудь. Смотри только, что б сама потом не пожалела.

Мать молчала и только беззвучно, как рыба, хватала ртом воздух.

— Это во-первых, — ещё холоднее продолжил он. — А во-вторых, или ты сейчас же, немедленно возьмёшь свои слова обратно и извинишься, или можешь считать, что сына у тебя больше нет. Я достаточно ясно выразился?

— Это всё она, она! — со смесью ненависти и отчаяния в голосе уже не прокричала, а почти простонала Алевтина Степановна. — Она настроила тебя против меня, против папы... Господи, да будь она проклята...

— Ни против кого она меня не настраивала, наоборот... А, что толку, — Андрей безнадёжно махнул рукой. — Думай, что хочешь...

— Аля, ну правда, — решился наконец подать голос Виталий Викторович, — давайте не будем ссориться, помолчим минуту, остынем. Потом обсудим всё спокойно... Ты совершенно права, ситуация не из самых приятных. Но мне кажется, всегда можно найти какое-то устраивающее всех компромиссное решение...

Слова его, однако, произвели эффект прямо противоположный желаемому.

— Так ты их ещё и защищаешь?! Он ест наш хлеб...

— Всё, хватит! — выкрикнул окончательно выведенный из себя Андрей. — Больше не ем! Подавитесь вы своим хлебом! — Он выскочил в прихожую и схватил всё ещё стоящий там неразобранный чемодан. — Счастливо оставаться! Ах, да... — порывшись в кармане брюк, он вытащил ключ от входной двери

и с силой швырнул его через всю комнату на накрытый стол.

— К ней? — ядовито поинтересовалась мать. — Скатертью дорожка!

— К друзьям. Хотя тебя это с данного момента абсолютно не касается.

На выходе из подъезда его нагнал отец.

— Сын, ну ты не сердись на неё, она же это не со зла...

— По доброте душевной, — съязвил в ответ Андрей.

— Ты её тоже пойми...

— Нет уж, хватит. Пусть сейчас *она* меня понимает. А до тех пор разговаривать мне с ней не о чем.

— Вот, возьми, — Виталий Викторович протянул ему два помятых четвертных, — заначка от матери, всё, что есть. На первое время. А то негоже здоровому мужику за счёт бабы жить... Ну, бывай...

Андрей пожал протянутую ему руку.

— До свиданья, пап. Спасибо.

— Оценки-то хоть будешь присылать?

— Конечно, после каждой сессии. Тебе. Извини, что так вышло.

Ну зачем, зачем она не послушала его? Хотелось, чтоб всё было как у людей... Катя бездумно шагала по тротуару, не видя, что происходит вокруг, не зная, куда идёт и зачем... Андрей позвонил ей из автомата и сказал, что едет на автостанцию возле рынка, запереть чемодан в ячейку. Они встретились в сквере неподалёку, и она приготовилась покорно выслушать все его упрёки — но вместо этого он начал утешать её. От чего она почувствовала себя ещё хуже, ещё более виноватой. Уж лучше бы обругал...

— Катя, что с тобой?!

Она чуть не налетела на кого-то, идущего навстречу...

— Света?.. — с трудом сфокусировала она зрение на стоящей перед ней фигуре. — Привет...

— Да на тебе ж лица нет. Что стряслось?

— Ой, Свет, не спрашивай даже...

— Рассорились?

Катя испуганно уставилась на подругу.

— Ты о чём?

— Ты знаешь, о чём. Послушай, Кать, поехали сейчас ко мне — пока ты в таком состоянии под машину не попала, — Света взяла её под руку и потащила назад, к троллейбусной остановке. — И не запирайся. Я ведь тоже, наверное, не совсем дура. Ты как с Кавказа вернулась тогда, весь год цвела, что та майская роза. А в сентябре — ну словно подменили. И вдруг в Москву укатила, ни с того ни с сего. Но вот шарф тебя выдал. Не заметила, думаешь, на чей свитер похож? Я и в личном деле сверилась: так и есть, день рожденья. Нет, ты не думай, я тебя нисколько не осуждаю. Знаешь мой принцип: сам живи и другим не мешай. Я на твоей стороне на все двести процентов. Но что случилось-то?

Не сопротивляясь, Катя дала увести себя. Подруга усадила её на кухне, выгнав в гостиную собравшихся пообедать мужа с сыном, и принялась отпаивать чаем с вишнёвым ликёром, выслушивая сумбурный рассказ.

— Счастливая ты, Катерина, — мечтательно улыбнулась она в конце, откинувшись на спинку стула и заложив руки за голову. — Не хочу сказать, что я своего не люблю, но чтоб такое... Это ж крышу совсем снести должно было...

— Ох, Светка, не представляешь... Напрочь...

— Ладно, — Света выпрямилась и сменила тон на деловой, — не расслабляемся. Где он сейчас?

— У Чижова договорился переночевать.

— Звони ему. Нет, лучше я позвоню, незачем тебе там

светиться. Условимся, где встречаемся.

— Зачем?

— На дачу к нам поедем. Мы на днях в Крым отчаливаем, так что до сентября она — ваша. Живите. А мне перед отъездом всё равно захватить там кое-что надо — вот заодно и вас забросим.

— Спасибо, Свет...

— Да не за что. — И рассмеялась: — А ведь ты, выходит, послушалась-таки меня.

Катя непонимающе взглянула на неё.

— Окрутила себе там, на югах, перспективного мужа. Перспектива, может, и не из самых близких, но, согласись, МГУ. Не наша с тобой богадельня.

— Никого... — Андрей озадаченно озирался по сторонам, стоя на почти опустевшем перроне. — Ты уверена, что она обещала нас встретить? Как к ней проехать, помнишь?

— Кажется... У меня телефон где-то записан.

Катя полезла рыться в своей новой, купленной неделю назад в ГУМе югославской сумочке, когда он тронул её за плечо и кивнул в направлении перехода через пути:

— Не она?

По платформе в их сторону бежала молодая пухленькая женщина с ребёнком на руках.

— Наташа! — Катя кинулась ей навстречу, бросив Андрея разбираться с багажом.

— Извини, опоздала — из-за этой вот, — чуть отдышавшись пояснила её подруга. — Хотела с соседкой оставить, так расшалилась... Ксана, прекрати! — дочь попыталась вытащить у неё серьгу из уха.

— Наташ, а можно мне?

— Ксанку? Забирай. То ещё сокровище. Ф-фу…

Катя не слишком умело взяла девочку на руки — и та немедленно занялась уже её серьгами…

Весь остаток дня Андрей чувствовал себя как на каких-нибудь феминистских смотринах. Наташа сгоняла его за чем-то совершенно ненужным в два разных магазина — не объяснив даже толком, как их найти. Поставила чистить картошку. А после обеда свалила на него эту малолетнюю «вождицу краснокожих». Полегче стало только когда Павел с работы вернулся — с ним хоть поговорить получилось нормально, не опасаясь всяких там хитрых подвохов…

— Ну и каков вердикт? — шёпотом поинтересовался он, когда они с Катей остались наконец одни — им постелили на разложенном диване в гостиной.

— Наташа велела немедленно бросить тебя и уйти лучше в монастырь, — прошептала она ему в ответ на ухо. — Шучу. Какой вердикт, скажешь тоже.

— Но я им понравился хоть?

— Да понравился, понравился, не переживай. И больше всего — Оксаночке. А её мнение в этом доме, похоже, решающее. Ты вообще всем нравишься, в отличие от меня.

Андрей на это только вздохнул. Затем поинтересовался:

— А вот твоя мама, как бы она ко мне отнеслась?

Катя задумалась.

— Ну, поспокойней… надеюсь — хотя тоже, скорее всего, отговаривать бы стала… А на следующий день села бы мне платье подвенечное шить. Хотя, может, и вообще ничего не сказала б: ей в таком деле, сам понимаешь, советовать не очень с руки…

Огромный серебристый шар лежал посреди лужайки, отблёскивая на солнце множеством стеклянных граней. Словно

прилетевший с далёких звёзд космический корабль пришельцев. И этот корабль в мгновение ока перенёс их из шумного, наполненного суетой и автомобильными гудками города в неведомую заморскую страну... Извилистая тропинка вела сквозь вечнозелёные джунгли к заросшему тростником пруду, где розовые фламинго грациозно выгибали шеи, выискивая что-то в неподвижной, пронизанной падающими сквозь прозрачный купол лучами воде... Вокруг не было ни души, только одинокая скамья ждала их у самого берега. Это место будто специально было создано для романтических свиданий...

— Катерина Максимовна! Андрей!

Они отскочили друг от друга как ошпаренные.

— Белова?.. — растерянно выдохнула Катя, заливаясь постепенно румянцем.

— Здравствуйте! Да что вы прямо как семиклассники какие? Всё я про вас давным-давно знаю.

— От-откуда? — от смущения Катя даже начала заикаться.

— Ну я же тогда — на концерте перед выпускным — тоже за кулисами была. Только с другой стороны, вы меня не заметили. Я вас объявляла — не помните?

— И... что ты видела?

— Всё! Ах, Катерина Максимовна, *как* вы танцевали! Так смотрели друг на друга, ну словно всё — на самом-самом деле. А когда поняла, что всё *и правда* на самом деле... Чуть не разрыдалась, вот честное слово!

— И за целый год никому не растрепала? — со смесью неверия и ехидства не то спросил, не то констатировал Андрей. — Я в шоке.

— Хам, — беззлобно отмела его выпад Вика. — Вот Катерина Максимовна, она понимает — правда? Помешать *такому*. Никогда бы себе не простила.

Андрей с Катей переглянулись, и та едва заметно кивнула головой.

— Ладно, Бел, кончай заливать. Другое скажи, ты послезавтра что делаешь?

— Ничего. В кино собиралась... может быть. А что такое?

— Мы в это воскресенье венчаемся.

— Венчаетесь?! — восторженно захлопала она в ладоши. — А где?

— Да сами ещё толком не знаем. В области где-то, в деревне. Но можешь считать себя официально приглашённой. Придёшь?

— Ну ты спросил! Конечно приду... — она замолчала, видимо, не зная, что ещё сказать. — А хотите, я вам Киев покажу?.. Или я уже достала вас вконец, завалила сюда невовремя? Я тут часто бываю, почитать, просто посидеть...

— Нет-нет, Белова, всё в порядке, — опять вступила в разговор Катя. Она почувствовала себя неудобно, как будто они прогоняют Вику. — Конечно, это было бы здорово... А сама ты что сейчас в Киеве делаешь — у тебя ведь каникулы?

— Практика. В библиотеке Лавры. И не так просто устроиться было, между прочим... Так поехали? Давайте, я вас сначала к Золотым воротам отвезу, а оттуда — к Софии и на Владимирскую горку. А ещё я вам могу *такую* экскурсию по Лавре устроить! Когда нет никого: у меня пропуск круглосуточный.

Катя подала Андрею знак глазами, и все трое направились к выходу.

— А кто ещё у вас будет? На свадьбе, в смысле.

— Да никого почти. Однокурсница моя с мужем — они в Киеве сейчас живут, всё нам и устраивают. Ну и знакомый наш один, с того лета ещё, на Кавказе. Всё.

В список гостей Сергей Анатольевич попал случайно. В мае он был в Москве в командировке и разыскал в общаге Андрея. И как тот ей потом рассказывал, после второй кружки в «Пльзени» они перешли на «ты», к концу четвёртой исчерпали запас воспоминаний, а на середине пятой Андрей не выдержал и

спросил-таки про «жену». В ответ на что последовало: «Ну только не говори, что я это зря!»

— С *того лета*? — глаза у Вики округлились, и она перешла на громкий шёпот. — Катерина Максимовна, так у вас, значит... весь десятый класс...

— Ну да...

Катя почувствовала, что опять краснеет. С кем она сейчас разговаривает? Со своей бывшей ученицей? С одноклассницей будущего мужа?

— Вот что... Белка, — она впервые обратилась к ней по прозвищу. — Зови-ка ты меня Катей. И на «ты».

— Как будто мы с вами... с тобой — подруги, да? — глаза её заблестели. — А ты знаешь, девочки в классе с самого начала сплетничали, что Андрей в тебя тайно влюблён. Ещё в девятом классе. Как в первый раз на линейке увидел, так прям аж рот раскрыл!

— А ты знаешь, — Катя взяла её под руку и доверительно понизила голос, — я ведь его однажды приревновала к тебе. В самом начале, когда ты — помнишь — в кинотеатре к нам прицепилась. Ох и злая же я на тебя была...

— Что, правда?! Эх, тогда бы знать... Катя, а раз мы подруги сейчас, можно, корону твою на венчании я держать буду?

Старая, покосившаяся слегка деревенская часовня походила на небольшую избушку без окон, утонувшую с трёх сторон в пышных, чуть не в рост человека, зарослях кладбищенской крапивы. Андрей стоял в задумчивости у крайней могилы, оставленный другими членами их небольшой группы. Небо чертили ласточки, со стороны деревни доносился то и дело заливистый перебрёх собак. По истрескавшейся от жары глинистой площадке перед входом вереница утят прошествовала

вслед за мамашей в направлении озера, зеркальная гладь которого отражала лубочные завитки плывущих в синеве облаков...

Он опустил глаза на покрытую мхом могилу. Деревянный, рассохшийся от времени крест покосился, на прибитой к нему проржавевшей жестяной табличке не разобрать ни имени, ни дат... Кто похоронен здесь? Возможно, где-то поблизости всё ещё живут его внуки или правнуки. А может, никто и не помнит уже, кем был этот человек, как звали его... Будет ли кто смотреть за их с Катей могилами? Их дети — если они у них когда-нибудь будут. И не разъедутся кто куда, по городам и весям... А потом — такие же безымянные холмики, интересные в лучшем случае лишь будущим археологам. Да и то вряд ли...

Из двери часовни появился Павел, забрал у него кольца и опять скрылся внутри — они с «Лоренцо» возились там уже минут двадцать, если не все полчаса. Кольца были старые и какой-то совсем низкой пробы, оставшиеся от Катиных бабки с дедом. На новые у них просто не было денег... Андрей бросил последний взгляд на могилу и отвернулся к озеру. Катя с Наташей хихикали о чём-то в сторонке, поглядывая за резвящейся неподалёку Ксанкой. Судя по суетливым движениям, непоседа пыталась ловить кого-то в высокой траве... Сегодня его невеста казалась ему ещё красивее, чем обычно — в расшитой узорами блузке, по спине веером рассыпались разноцветные ленты... Но так ведь оно, наверно, и должно быть...

— Сергей Анатольевич, я не могла поверить своим глазам. Андрей всегда был таким тихоней — в отношениях с девушками, я имею в виду.

— Да что вы говорите, Виктория Леонидовна. А мне он тогда совсем другим показался...

Белка предусмотрительно отвела своего собеседника подальше, но неверно выбрала направление — и слабый летний ветерок доносил обрывки их разговора.

— И что, никто не догадывался даже?

— Ну как вам сказать... Многие, я думаю, подозревали что-то: такая зацикленность друг на друге. Но без каких-то более веских оснований...

Сплетники, подумал он. Маме родной косточки перемоют, в порядке светского трёпа. Однако, выходит, не так уж и мастерски они конспирировались, как сами думали... «Кузнецов, опять у тебя музыка допоздна играла. Сколько можно повторять?» — «Извините, Катерина Максимовна, зачитался...»

Наконец, всех позвали внутрь... Слабые огоньки лампадок перед иконами, чуть колышущиеся по стенам полутени от двух расписанных серебряной краской свечей... Полузабытый, откуда-то из детства, когда бабушка брала его с собой в церковь, запах ладана... И это новое, странное ощущение холодного металла на безымянном пальце правой руки. К которому он, наверно, привыкнет скоро настолько, что перестанет замечать совсем... Андрей скосил глаза на Катю. Его почти уже жена, казалось, тоже была зачарована этим древним таинством. Взгляд отрешённый, как на ликах православных святых... Умеют же попы обставить всё так, чтобы запомнилось на всю жизнь...

С застеленного расшитым рушником стола «Лоренцо» поднял первую из двух изукрашенных самоцветами корон.

— Вінчається раб Божий Андрій рабі Божої Катерині в ім’я Отця, і Сина, і Святого Духа. Амінь...

Shikata ga nai

Под спокойной, лишь изредка вздрагивающей от стремительных прыжков водомерок поверхностью озера лениво шевелили плавниками две рыбы. Катя рассеянно следила за их безмолвным танцем, сидя у самого берега, в редкой тени склонившейся к воде липы. Карпы. Кoi. Пусть и не цветные, самые обыкновенные...

— Паша, ну тебя только за смертью посылать!

Она оглянулась на Наташин голос. Откомандированный за провиантом Павел Алексеевич вернулся из деревни с сеткой овощей, трёхлитровой банкой домашнего кваса и толстенным, в четыре пальца, шматом сала.

— Зранку ще бігало, — известил он присутствующих с такой гордостью, будто собственноручно бедную свинку зарезал. — Та й найголовніше... — из кармана брюк была благоговейно извлечена заткнутая скрученной бумажкой поллитровка, в которой плескалась мутная беловатая жидкость.

— А вот без этого, Паша, вполне можно было и обойтись.

— Наталко, та що ж це за весілля, без справжньої козацької горілки?

Весілля... Катя вспомнила, как представляла себе когда-то

свою будущую свадьбу — давно ещё, когда бабушка читала ей перед сном «Золушку». И как плакала потом, узнав, что сейчас такого больше не бывает… А позже, в школе, это был шикарный дворец бракосочетаний из какого-то фильма, марш Мендельсона и открытая белая «Чайка» во главе растянувшегося на квартал кортежа… Но в какой-то момент она перестала думать о подобных вещах вообще. Какая, в сущности, разница. Не в пышных же торжествах дело… И не в сегодняшних заунывных песнопениях, если уж на то пошло. Пока отец Николай читал свои молитвы, мысли её витали далеко-далеко… Неяркий, лишь подчёркивающий полумрак номера свет торшера. Вино, фрукты на столе… И рука Андрея, коснувшаяся вдруг её плеча — от чего сердце забилось так, словно собралось выскочить из груди…

Она бросила в воду камешек и рыбы уплыли. Пора перебазироваться к «столу»…

— Внимание… тост, — Сергей Анатольевич церемониально поднял наполненный самогоном бумажный стаканчик. — За молодых! Господа гусары, локоть на уровне эполета… До дна!

Ну и гадость же эта ваша «горілка», Павел Алексеевич!

— Горько!!!

Вот тут уж не возразишь. «Гусары», называется. Дам бы пожалели… Прежде чем целоваться, Катя кинулась заедать обжигающий глоток чёрной ржаной горбушкой с салом и зелёным луком…

Вечером их проводила на вокзал Белка, полностью освоившаяся уже с ролью лучшей подруги. И слегка разочарованная известием, что в ближайшие лет пять услуги крёстной от неё вряд ли потребуются…

— О чём задумался? — Катя бросила считать проплывающие за окном столбы и повернула голову к сидящему напротив Андрею… За что люди так не любят боковые места? Хоть какое-то подобие уединения в бесцеремонной панибратской

атмосфере плацкартного вагона. Всё лучше, чем назойливые соседи со своими расспросами и откровениями...

— Так, вообще... Как думаешь, может, стоит попробовать на следующее лето в какой-нибудь нормальный стройотряд записаться? — в голосе его не чувствовалось привычной уверенности. — Говорят, рублей пятьсот можно заработать, а то и больше...

Она вздохнула: праздник кончился, а проблемы остались...

— Это вместо того, чтобы ко мне приехать? Ну не говори глупостей, пожалуйста. И папа твой — ты уж извини — тоже глупость сказал, несусветную. Обидно даже... Кто мне всегда о женском равноправии твердил? Вот работал бы ты сейчас, а я училась — и что, было бы так ужасно, что ты меня кормишь?

— Ясно, нет... Но я же не к тому, что мне за счёт жены жить оскорбительно. Да ты меня и так подкармливаешь, два года уже как. Просто на одну твою зарплату нам совсем хреново будет. А если я ещё и без стипендии останусь...

— Ну вот и постарайся не остаться. И в самом крайнем случае, мы же всегда можем мамину комнату сдать. У нас в педе половина иногородних без общаги была, в других институтах — не лучше.

— Тоже план... — безо всякого энтузиазма отозвался Андрей. — Только пусть он у нас на совсем уж крайний случай остаётся. Что это за дом, когда там чужие люди... Ладно, бог с ним, со стройотрядом. Мне и самому туда как-то... Поищу просто что-нибудь, на полставки. Многие же учатся и работают одновременно — да хоть маму твою взять — и ничего...

Но, оказалось, искать работу и найти работу — это две очень большие разницы. Нигде не требовались дворники, кочегары, ночные сторожа, полотёры, мойщики витрин и окон. Никто не

откликнулся на расклеенные по столбам объявления «опытного репетитора по математике и физике». Чудом — и всего на одну ночь — удалось Андрею устроиться грузчиком на товарную станцию. Хотя дольше он, наверно, и не выдержал бы…

Слабая надежда затеплилась лишь в середине октября, когда по этажу пронёсся слух, будто где-то — и на очень неплохую зарплату — требуются санитары в морг. Вроде бы, работа заключается в том, чтобы загружать невостребованные трупы в автоклав, а потом чистить кости для отправки на фабрику наглядных пособий. Большого доверия новость ни у кого не вызывала, и даже авантюрный обычно Санька громогласно объявил её полным бредом. Но по возвращению из холла в комнату тон его мгновенно переменился: ведь откуда-то же скелеты в кабинетах биологии берутся…

Весь остаток вечера их мушкетёрская компания провела над картой, планируя завтрашний марш-бросок по наиболее обещающим объектам Минздрава… Увы, в первой же из солидного списка отобранных клиник им тактично указали, что в Москве, вообще-то, есть два меда — студенты которых тоже подзаработать не прочь. А при упоминании об автоклаве совсем уже нетактично покрутили пальцем у виска.

И всё же, кое-какие плоды эта бесславная поездка принесла. Пока Санька «вёл переговоры», Андрей глазел по обвешанным плакатами стенам. Где среди советов бросить пить-курить, заниматься физкультурой и спортом, правильно питаться и вообще вести здоровый образ жизни, внимание его привлекло одно объявление. На котором жизнерадостно улыбающиеся парень с девушкой, держась за руки, призывали вступать в стройные ряды советских доноров. Донором он — как все студенты — был и без них. Но здесь за это предлагали деньги… Предприятие с самого начала показалось ему сомнительным. Только не в его положении было отказываться пусть даже и от такого заработка. И назавтра, не сказав никому ни

слова, он явился по указанному адресу — занять своё место в неразговорчивой, угрюмой на вид очереди...

На мехмате, день донора всегда ощущался чем-то вроде праздника. Не потому, что в этот день отменяют занятия. И не потому, что в профессорской столовке все уступают тебе очередь — а какой-нибудь знаменитый на весь мир академик вполне может похлопать по плечу: так держать! И не потому даже, что строгая обычно курсовая инспектриса суетится вокруг них со стаканами морса как переволновавшаяся квочка вокруг своих цыплят... Просто мир кажется лучше, солнце — ярче, люди — счастливее... Андрей вспомнил, как парень из группы позвал их неприступную комсоргшу — будто бы в шутку — пойти сдавать кровь вместе. На что та вспыхнула до корней волос и молча кивнула...

А тут... «Донор, сюда, пожалуйста. Закатайте рукав...» Вежливо, по-деловому, *холодно*... По виду, те самые студенты мединститутов. Которым тоже деньги нужны. И у каждого на халате — значок «Капля крови». Каких здесь не дают, здесь вместо них ставят жирный красный штамп в квитанцию: «КРОВЬ ВЗЯТА». Пожалуйста, донор, в кассу. Получите свои двадцать два с половиной сребреника... Так, наверное, чувствует себя проститутка после первого раза. За некоторые вещи нельзя брать деньги...

Тем временем листья на деревьях успели пожелтеть — а затем и облететь, укрыв траву неровным, шуршащим под шагами ковром. Который сам вскоре скрылся под робкой ещё белизной первого снега... А работы всё не было. И лишь в самом конце семестра, прямо перед началом зачётной сессии Андрею наконец повезло. Препод по программированию замолвил словечко в Институте ядерной физики, где только что освободилось место оператора ЭВМ. Вечерние и ночные смены, ровно то, что надо. И главное, всего в двух шагах от ГЗ.

Ну вот и всё. Последняя тетрадь. Катя выпрямила спину и потянулась. Можно сейчас на диване поваляться немножко, заняться без помех своим новогодним подарком... Она бережно сняла с полки привезённую Андреем книгу. Kumihimo, японское искусство плетения всевозможных тесёмочек и шнурочков. С первой зарплаты купил. По виду, дорогая просто жутко. Не стала даже спрашивать, почём — чтоб не переживать лишнего. Как же хорошо, когда не надо считать каждую копейку... Вчера она проводила его — но уже в конце марта сама будет в Москве. Два месяца, всего ничего...

Катя вышла в прихожую, и в этот момент раздался звонок в дверь. Кто бы это мог быть?.. От увиденного в глазок у неё похолодело в груди. Сердце сжалось и словно перестало биться. Деревянными пальцами она оттянула защёлку замка...

— Здравствуйте. Разрешите войти?

— К-конечно, Алевтина Степановна, пожалуйста... — отступив на шаг от двери, Катя пропустила незваную гостью. — Раздевайтесь, проходите в гостиную...

Мама Андрея была у неё впервые и с интересом, который ей не удалось полностью скрыть, огляделась по сторонам. Катя заметила, как скривились её губы при виде лишней пары стоптанных тапочек под вешалкой. И как эта недобрая мина перешла в жёсткую гримасу, когда та увидела две фотокарточки на её рабочем столе... На одной они с Андреем были у моря, в один из последних дней. Сергей Анатольевич предложил тогда отщёлкать всех на цветную плёнку — его последнее хобби. Катя держала подмышкой разноцветный Маринин мяч, а Андрей стоял рядом, скрестив на груди руки и чуть касаясь её плечом... Вторая была со свадьбы, на фоне часовни, уже с кольцами на руках. Хотя эту деталь из прихожей вряд ли разглядишь...

— Садитесь в кресло… Хотите чаю или кофе? — с чисто светской, неискренней вежливостью предложила Катя. Она не знала, как себя вести. Вряд ли этот визит предвещает что-то хорошее…

— Нет, спасибо. — Алевтина Степановна села и сделала паузу, но хозяйка дома продолжала в растерянности стоять. — Я пришла поговорить с вами… Попросить… — она тоже выглядела немного потерянной. — Вы пока ещё не понимаете этого. Когда-нибудь, когда у вас самой будут дети…

И вдруг осеклась. Взгляд её панически заметался по Катиной фигуре.

— Нет-нет, не беспокойтесь, — догадалась та, — я не беременна. Неужели вы думаете, я стала бы… Да и не ко времени это совершенно сейчас…

Обмен репликами вывел её из оцепенения. Она заметила, что всё ещё держит в руках книгу, и положила её на стол. Присела на диван.

— Хорошо, — уже увереннее продолжила гостья. — Я рада, что мы с вами понимаем друг друга. И поэтому прошу… нет, умоляю, как мать. Пожалуйста, оставьте в покое моего сына.

— Алевтина Степановна… — Катя замешкалась, приложила руку ко лбу, — не знаю, может быть, на вашем месте я рассуждала бы так же… Вы пытаетесь представить всё так, будто я удерживаю Андрея какой-то хитростью — и стоит лишь мне перестать… То, о чём вы просите, называется не «оставить в покое». Это называется *бросить*. И больно от этого будет не только мне.

Она постаралась говорить как можно спокойнее, нейтральным тоном — не хватало ещё в мелодраму удариться. Только в результате сказанное и самой ей показалось какими-то тусклым, неубедительным… Но неожиданно её собеседница согласилась:

— Что ж, возможно, вы правы. Но разве не ясно, что когда-

то этому всё равно должен прийти конец? Андрей пока ещё ребёнок и плохо понимает, что делает. Он совершил простительную в его возрасте ошибку, и ваш долг — помочь ему поскорее исправить её, прекратить раз и навсегда эту порочную связь. Тем более, вы ведь и без меня понимаете, что рано или поздно он встретит девушку, которая ему действительно подходит. В ваших же собственных интересах начать устраивать свою личную жизнь уже сейчас, не дожидаясь, пока это произойдёт. И я хочу, чтобы вы пообещали мне...

— В моих интересах?! — Катя перебила её речь на середине фразы. Она не верила своим ушам. — Мою жизнь?! — в голосе помимо воли прозвучал едкий сарказм. — Алевтина Степановна, вы — мать человека, которого я люблю, и я пытаюсь относиться к вам с уважением. Но зачем делать вид, будто вас вот хоть настолечко волнует моя судьба? Вы рассчитываете, что в Москве Андрей быстро найдёт себе кого-нибудь, кто его утешит. А чего это *мне* будет стоить, вам в голову не приходило задуматься — нет? Ну так вот что я вам скажу. Не брошу я его никогда, и не надейтесь. *Это* я вам могу обещать! И ещё. Вы извините, конечно, я не пытаюсь давать вам советов, но мне кажется, вы несправедливы к Андрею. Ему девятнадцать лет, он поступил в один из лучших вузов страны, и он давно уже не ребёнок. Он всё прекрасно понимает и заслуживает гораздо большего уважения с вашей стороны.

От такой отповеди Алевтина Степановна слегка опешила.

— Хотите сказать, он и в шестнадцать лет уже не был ребёнком? — выдавила она наконец, глядя на Катю почти с ненавистью.

— Нет, не был. И если уж начистоту, *тогда* вы на вещи совсем иначе смотрели. Вы *знали*, что у Андрея кто-то есть — сами мне об этом говорили. И не имели ничего против. Окажись на моём месте любая из его одноклассниц, вы бы только радовались сейчас, что они по-прежнему любят друг друга. Не

нравится вам не когда начался этот роман, не нравлюсь вам лично я.

Катя замолчала и в комнате воцарилась неуютная тишина. Гостья или не знала, что сказать, или старательно обдумывала свою следующую реплику...

— Там на Кавказе... — не дождавшись её, заговорила опять хозяйка. — Это просто случилось — и всё... И мы пытались бороться... — Она снова умолкла и продолжила после паузы, сначала совсем тихо, как будто сама себе: — Да нет, о чём я говорю... Не так уж мы и пытались... Но не было в наших отношениях ничего... безнравственного — как вы не можете понять! Мне нечего стыдиться! Мы были счастливы тогда — и счастливы до сих пор. Неужели счастье вашего сына не значит для вас ровным счётом ничего?!

Алевтина Степановна по-прежнему молчала. Катя терялась в догадках, как та восприняла её слова. Вдруг ей удалось убедить её...

— Это я виновата в вашей ссоре, уговорила его всё рассказать... Никогда я не настраивала Андрея против вас и больше всего на свете хочу, чтобы вы помирились. Но вы же знаете своего сына, он ни за что не пойдёт у вас на поводу...

— Ну, это мы ещё посмотрим, — холодно произнесла гостья, вставая с кресла. — Время покажет. А оно, дорогая моя, работает не на вас. Да и с вами самой тоже много чего может произойти. Благодарю за приятную беседу.

— Нет, это положительно бесполезно. Что бы я ни говорила, ей всё как об стенку горох... — Алевтина Степановна в отчаянии покачала головой. — Как таких людей допускают к работе с детьми? Не понимаю...

— Аля, ну ведь с самого начала было ясно, что ты к ней

зря идёшь. И я тебя отговаривал — разве нет? Не ожидала же ты и впрямь...

— Я ожидала, — жёстко оборвала она мужа, — что у неё наконец-то проснётся совесть! Видел бы ты, что за фотография у неё на столе стоит. Цветная! — Алевтина Степановна произнесла это слово с такой силой, словно в нём заключался важный пункт состава преступления. — Оттуда ещё, с курорта. Они там вместе, и она — практически голая!

— Тогда это, наверно, на пляже было? — попытался урезонить её Виталий Викторович. — На пляже все практически голые.

— Но не все своими телесами перед учениками трясут! Она обольстила нашего мальчика, вскружила ему голову...

— Обольстила, не обольстила... Ну теперь-то какая разница? Аля, я же не спорю с тобой. Да, было бы гораздо лучше, не случись ничего этого вообще. Но исходить надо из того, что есть. А есть то, что Андрей не зашёл. Приезжал, но не зашёл, даже не позвонил. Мы теряем сына — если уже не потеряли. Неужели ты сама этого не видишь?

— Я вижу, что ребёнка нужно срочно спасать!

— Ну от чего его спасать, от кого? Что ему эта Катя, если разобраться, такого плохого сделала? Он прекрасно окончил школу, гораздо лучше, чем мы с тобой рассчитывали — и не ты ли сама всегда <u>ей</u> это в заслугу ставила? Учится дальше, в МГУ, не где-нибудь. Сессию только что всего с одной четвёркой сдал. Чего тебе ещё надо?

— Нет, Витя, ты определённо ничего не понимаешь! Опять взялся её защищать. Как я смертельно устала от всего этого... Она была его учительницей! Вдумайся в это слово. Ей <u>доверили</u> ребёнка — и как она с этим доверием обошлась?! Это бесчестная, распутная женщина. Ей не место рядом с нашим сыном. И, пожалуйста, не называй её больше при мне так, ну сколько можно просить...

— Да как ни называй... Не место рядом с ним пока что только нам с тобой, а вовсе не ей...

— Неправда! Когда-нибудь он поймёт, кто его по-настоящему любит. И скажу тебе, напрасно она так уповает на свои чары. У Андрюшеньки в Москве на выбор сотни невест — красивых, порядочных, не ей чета. А про саму-то, недотрогу, вовсю уже слухи ходят, что в старых девах останется. Я узнавала.

— Так, может, не такая уж она и распутная, коли так... — словно бы даже не обращаясь к жене, пробормотал про себя Виталий Викторович.

— Помяни моё слово, — проигнорировала его замечание Алевтина Степановна, — впутается она ещё в какую-нибудь очень некрасивую историю. И тогда Андрюша увидит, кто она на самом деле. Бедный мальчик...

Прождав в холле минут пятнадцать, Андрей решился-таки постучать.

— Кать, ну ты скоро там?

— Сейчас, сейчас, немного совсем осталось...

— Ты куртку зашла надеть.

— Андрей, не мешайся, — это был уже Галкин голос.

Он понял, что спорить бесполезно, и со вздохом вернулся скучать в холл. Ну что там можно делать столько времени? Или она вещи взялась разбирать? Нашла, когда... Они только полчаса, как приехали с Курского, в столовку собрались...

— Ну вот и всё. Я же сказала: быстро, — появилась она в холле ещё через полчаса. Конечно, по-прежнему без куртки. — Загляни-ка на минутку.

В комнате, под восторженный щебет соседок, Галка вертела перед зеркалом головой, строя сама себе глазки и пробуя все

ужимки, какие, наверно, только знала. Раскрашенная, как кинозвезда с буржуйской обложки.

— А, ну тогда всё ясно, — не удержался чтоб не съязвить Андрей. — Красота требует жертв. И преимущественно, от окружающих.

— Ой, ну не ворчи. Похвалил бы лучше мою работу. И вообще, слетай по-быстрому наверх: я у тебя шарфик забыла. Давай, давай, пошевеливайся — а то вечно тебя ждать приходится. Нам ещё к Леночке в профилакторий заскочить надо, конспект ей занести...

Весна в Москве всё никак не спешила начаться, но этот день выдался тёплым, и Катя потащила его в ГЗ пешком.

— А после в НИИЯФ твой зайдём — можно? Ни разу вживую ЭВМ не видела, только в кино. И ты говорил, у вас на ней игра есть, галактику от кого-то спасать. Покажешь?

— От клингонов. Но тебя ж тогда от монитора за уши не оттащишь.

— А тебе жалко? Так сам виноват: нечего хвастаться было. Ой, я-то тебе тоже не похвасталась ещё. О нас же опять в газете написали, в рубрике «По следам наших выступлений». Мне кажется, это Кикимора постаралась. Большая часть — её разглагольствования на тему нелёгкого самоотверженного труда советских женщин-педагогов. Это в восьмимартовском номере было. Они хотели, чтоб я кого-нибудь из самых первых наших пригласила, в качестве «почётного гостя». Но кроме Чижова твоего никого не нашлось, а он — представляешь — пошёл рассказывать, как на обсуждение «Элджернона» живую мышь приволок. И все девочки с перепугу на стулья попрыгали.

— Взрослые тёти, если память не изменяет, тоже...

— Сам дурак. В газету это, понятное дело, не пошло... — И тут в глазах у Кати сверкнул вдруг мстительный огонёк. — А Фантомаса-то, между прочим, бог покарал. Кикимора ему на следующий год факультатив закрывает: желающих

недостаточно. Так он, говорят, запил с горя, с энвэпэшником дружбу завёл.

— Туда ему и асимптота, — злорадно прокомментировал Андрей.

— Да нет, жалко человека, на самом деле... Он ведь тоже для детей старается. Сам же к нему сколько лет ходил.

— Добрая ты, Катерина, не в меру. Тебе всех жалко. Ну а ещё какие новости?

— Да никаких особо... Как меня на «Зарнице» взводом командовать поставили, я тебе уже по телефону рассказывала... Фотки получил, кстати?

— Всем показал. Какая ты у меня Анка-пулемётчица, с «Калашом» наперевес.

— А вот такая я, — Катя самодовольно ухмыльнулась. — Да нет, это мне солдатик прикомандированный подержать только дал, на привале. Ну а больше, вроде, с твоего отъезда ничего примечательного не произошло...

Толпа встречающих облепила остановившийся у перрона поезд, но Катя осталась стоять в стороне, хмуро глядя на обнимающихся на платформе людей. Радостная встреча, ага... Она даже не улыбнулась Андрею, не помахала ему рукой, когда он спускался по ступенькам из тамбура. Просто стояла и уныло ждала, пока он подойдёт.

— Кать, что случилось? — на лице его была написана тревога. — Ты не заболела?

— Здравствуй. Поехали... — уклонилась она от дальнейших расспросов. — Потом объясню...

Всю дорогу до автостанции Катя сидела, отвернувшись к окну троллейбуса, и думала, что надо было, наверно, всё же привести себя в порядок. Незачем ему видеть её такой —

невыспавшейся, с опухшими глазами... Ну а какой? Беззаботно прихорашивающейся с утра — будто и не произошло ничего?..

— А Света где? — не выдержал молчания Андрей. — Она же, я понял, нас отвезти обещала. Или с дачей сорвалось — и из-за этого ты?

— Нет, там в порядке всё. Сказала ей, сами доберёмся... Мне с тобой поговорить надо...

Они купили билеты и устроились в стороне, на выставленных за ограду рынка пустых ящиках из-под овощей...

Вчерашним утром Катя проснулась в приподнятом, праздничном настроении. Последний день школы. Торжественное собрание, аттестаты, концерт самодеятельности... Расфранчённые, впервые накрасившиеся при учителях выпускницы — и поглядывающие на них с каким-то совсем новым интересом их уже бывшие одноклассники. Всё, как положено, всё, как оно и должно быть в этот день... А завтра ещё Андрюша из Москвы приезжает...

Она болтала с девочками из «Аэлиты» возле импровизированного буфета с лимонадом и мороженым — когда в дверях спортзала появился школьный военрук. Он определённо успел уже «отметить» событие и, споткнувшись о порожек, ухватился рукой за косяк.

— Кого я вижу, — глаза его остановились вдруг на стоящей в нескольких шагах Кате. — Такая женщина — и без кавалера.

Пригладив ладонью волосы и приосанившись, он отвесил ей нечто вроде галантного поклона.

— Екатерина Максимовна, не откажите в любезности...

Разило от него, как от пивной бочки, и первым её желанием было именно отказать. Только кто ж его знает, как он на это отреагирует — в таком-то состоянии. Ещё обидится смертельно, устроит безобразную сцену. Проще уж потерпеть, не дышать несколько минут носом... Она кивнула в ответ — и тут же пожалела об этом. Пьяный схватил её в охапку, как

хватаются, должно быть, за фонарный столб, и с силой прижал к себе. В надежде, что он поймёт без слов и прекратит, Катя слегка упёрлась ладонями ему в плечи — но это не возымело никакого эффекта. Наоборот, руки его начали беззастенчиво шарить по её спине.

— Вы выпили. Пожалуйста, отпустите меня, — вполголоса, чтобы не привлекать внимания, попросила она.

На что энвэпэшник лишь похабно хохотнул, и Катя почувствовала, как его пальцы скользнули под пояс юбки. Тогда она начала вырываться уже по-настоящему, без оглядки на окружающих и не жалея ногтей...

— Ах ты!.. — прозвучавшее на весь зал нецензурное слово заставило всех обернуться. — Ещё и царапаться?! Ну чё ты ломаешься-то, курва? Не знаю, будто, как ты за стакан водяры ноги по кустам раздвигаешь. Мне Илья всё про тебя рассказал...

Школьный ансамбль перестал играть. В наступившей тишине они остались одни в центре мгновенно расчистившегося от пар неровного круга. Катя сделала ещё одну безуспешную попытку вырваться — отчего нарядная летняя блузка треснула на груди, вырванные с мясом пуговицы брызнули во все стороны... В отчаянии, она со всей силы лягнула отставника, стараясь попасть каблуком по коленке, не удержалась на ногах и грохнулась спиной на пол. А тот всей тушей рухнул на неё сверху... Но в этот момент первый шок от увиденного прошёл, и сразу несколько мальчиков бросились ей на помощь. Завязалось потасовка. Один из Катиных защитников упал, по белой крахмальной рубашке потекла кровь... И это словно сняло все барьеры. В следующую секунду уже сам военрук мешком валялся на полу, не пытаясь даже отвечать, лишь прикрывая руками голову от сыплющихся со всех сторон ударов...

В оцепенении Катя глядела на это зрелище. Конечно, он — грязная скотина, но ведь нельзя же так...

— Ну хватит, не надо, что вы делаете... — никто не расслышал её слабого голоса...

К ней подскочила Света, помогла встать и увела из спортзала на второй этаж, в медпункт. Там их и нашла приехавшая на вызов милиция... Протокол, показания потерпевших и свидетелей. Предложение зайти завтра в райотдел, написать заявление о покушении на изнасилование... Завернувшись в наброшенный поверх порванной блузки белый халат, Катя добралась кое-как до выхода, где уже ждал на «Москвиче» выдернутый из-за карточного стола Владимир Николаевич. Полночи она не могла заснуть, и подруга опять приводила её в чувство своим универсальным средством — горячим чаем с ликёром...

А наутро, подняв её из постели, заявились директор с Кикиморой и слёзно, чуть не на коленях умоляли не ходить в милицию, спустить дело на тормозах, спасти школу от позора и потери места в соцсоревновании... Обещали, что энвэпэшника прямо сегодня уволят по статье. А над Ильёй Тихоновичем будет товарищеский суд... если она настаивает. Хотя лучше бы дать ему уйти тихо, без скандала, по собственному желанию... Кате опять вспомнилось вчерашнее избиение, и она ответила, что да, конечно, интересы школы — прежде всего...

Не успели они уйти, как опять примчалась Света: пора было ехать на вокзал. И по дороге сообщила, что «через заслуживающих доверия девочек» ей удалось выведать некоторые подробности. Подпоили военрука несколько десятиклассников, человек десять, может, пятнадцать. Сговорились подходить к нему по очереди и предлагать выпить по стопочке «за непобедимую и легендарную». Имён ей, правда, добиться не удалось — да и в любом случае, как их сейчас накажешь, когда все документы им уже выданы... На что Катя сказала, что и ладно, зла на ребят она не держит, откуда ж им было знать. А про себя подумала, что и Андрей вполне мог бы поучаствовать в подобной шкоде. А то и организовать её...

— Вот такие у меня новости, — грустно закончила она свой рассказ, глядя в сторону, на свару не поделивших какой-то объедок воробьёв.

— Ну и чего, шишка есть? — потрогал Андрей её затылок. — Е-есть… Знатная шишка. Хотел сказать, «до свадьбы заживёт» — но тут вспомнил, что замуж ты уже вышла. А умереть мы договаривались в один день — так что второго шанса у тебя не предвидится.

Катя улыбнулась шутке.

— Андрюш, скажи — только честно — ты правда не считаешь, что это я сама во всём виновата? Вела себя как-то не так… Повод подала…

— Кать, ну ты чего? Ясно, нет. Что за глупости.

— Многие на твоём месте так решили бы… И мама твоя… Я не хотела тебе говорить, расстраивать… Она заходила ко мне — зимой, сразу как ты уехал. Ну и накаркала…

— Подожди… Думаешь, это она здесь руку приложила?

— Нет, что ты. Даже мысли не было. Просто на что-то такое она ведь и рассчитывала…

— А чего она вообще с тебя хотела?

— Просила, чтоб я тебя бросила.

— Ну а ты?

— Попыталась объяснить… Только она, по-моему, поняла так, что я её послала… Я сорвалась тогда, наговорила лишнего…

— Ты? Не верю. Ты, по-моему, ругаться в принципе не умеешь. Ладно, чёрт с ней. Главное, не переживай лишнего — ни из-за неё, ни из-за вчерашнего. Бывают в жизни неприятности.

— Да я больше из-за того, как ты отреагируешь… А сейчас ну прямо в панике! — она со смехом отвернула от себя его лицо. — Не смотри на меня, я выгляжу просто ужасно. Вот приедем на дачу, первым делом под душ залезу. И тогда уже встречу тебя, как полагается.

Время перемен

Шр-р-р-р-р-р… Шкряк! Шр-р-р-р-р-р… Шкряк! Погружённый в своё занятие, Андрей вышел из плавно разъехавшихся дверей лифта. Шр-р-р-р-р-р-р… С лёгкими щелчками упругие бамбуковые спицы расходились одна за другой, открывая белое поле с выведенным чёрной тушью иероглифом. Ещё немного, и ему удастся раскрыть весь веер целиком, одним лишь тщательно выверенным движением пальцев… Шкряк! От резкого удара по ладони другой руки бумажный полукруг мгновенно сложился опять.

Сегодня, от щедрот общества японо-советской дружбы, в го-клубе была раздача слонов. Доставшийся ему веер, конечно, не бог весть что, но зато Катьке наверняка понравится: настоящий японский. А все прочие училки с зависти лопнут, особенно как жара придёт.

Да и вообще, всё у них наконец-то налаживается. Три дня назад она позвонила ему — и умудрилась же как-то дежурную упросить, на вахту его вызвать. «Очень срочное и очень важное известие.» Что именно за известие, могла бы даже не уточнять: по голосу и так ясно. Только что говорила по телефону с Сергеем, брошенный по сектору клич принёс-таки долгожданные

плоды. У подруги жены приятеля из отдела машинников соседи-пенсионеры намылились в Свердловск, к детям-внукам поближе. А у них же в Свердловске как раз два варианта обмена, один почти идеально подошёл.

— Так я в школе скажу тогда — раз к сентябрю мы уже точно оба едем? Им ведь на моё место тоже ещё найти кого-то надо. А распределение в педе — как и у вас.

Искать обмен они начали сразу после ноябрьских — но без малейшего успеха. Договорились в конце концов подождать ещё полгода, а если и к зимним каникулам ничего не выйдет, Катя поменяется с доплатой на какую-нибудь конуру и приедет к нему в общагу. Поживут пока так, ничего страшного. Зато, когда квартиру дадут, деньги на обустройство будут...

— Говори, конечно. Ну всё, пока?

— Пока... Ой, подожди, не вешай! Чуть же вторую новость на радостях не забыла. Ухватись за что-нибудь, а то упадёшь. Сергей Анатольевич женится.

— Сергей?! Ну, собрался наконец.

— И там такая история...

Чувствовалось, что она разрывается между двумя взаимоисключающими желаниями: выпалить всё одним махом — и растянуть удовольствие на как можно дольше.

— Ну так не томи.

— Ой, ну у них же прямо как в настоящем дамском романе. Сергею Анатольевичу твоему — до интерната ещё — одна девочка в классе очень нравилась. И он ей, вроде, тоже небезразличен был — так ему казалось, во всяком случае. Но потом же он в Москву уехал, а эта его любовь после школы в медицинский пошла, у них там, в Рязани. И очень быстро замуж выскочила, за курсанта какого-то — он тоже, как я поняла, одноклассник их бывший... Да. А в прошлом году он — муж её — рапорт подал, чтоб в Афганистан послали. И, представляешь, в первый же день его там убили. Нет, ты представляешь?! Ужас!

Двое мальчиков у неё осталось... — Катя грустно вздохнула... — Так Сергей Анатольевич ничего этого не знал, но на Новый год к родителям ездил, и там из гостей кто-то случайно — а может, и нет — историю эту помянул. Ну он и решил тогда зайти, проведать...

— Правду говорят, старая любовь не ржавеет, — иронически заключил Андрей.

— Вот-вот. Короче, через какое-то время они объявляют, что поженятся. А родня первого мужа — категорически против. Такой скандал вышел... Не разговаривают с тех пор. Хотя их — ну, родителей — тоже понять можно: ведь года ещё не прошло. Но я считаю, детям отец нужен, тем более — мальчикам. И переезжать лучше всего летом, чтобы учебный год не рвать...

Шр-р-р-р-р-р-р-р-р-р... Шкряк! Он сложил веер в последний раз — когда из дверей их блока, чуть не сбив его с ног, вылетел взъерошенный Санька.

— Пардон! Опаздываю, в кино с Ермешей идём. Она меня, наверно, материт уже про себя по-казахски. А ты где был? К тебе пришли там.

— Ко мне? Кто?

— Понятия не имею, мужик какой-то. Вадим его сразу к вам увёл.

Сергей? Обещал в этом году на распределение приехать, но вроде рано ещё... Андрей открыл дверь, приготовившись отпустить какую-нибудь шуточку на тему безвозвратно утраченной свободы — и замер на пороге как вкопанный.

— Пап?.. Ты что здесь делаешь?

По лицу Кикиморы, как сахарный сироп по блюдцу, разлилось выражение слащавого умиления.

— Екатерина Максимовна, дорогая вы моя, поздравляю от

всей души! И от себя лично, и от всего нашего дружного коллектива. Такая радость, ну просто такая радость... — Но вопреки сказанному мина её тут же сменилась на озабоченную. — Вот только замену вам нелегко будет найти, ох нелегко... Я ведь и класс вам уже новый присмотрела, такие хулиганы — на вас одну вся надежда была. Без ножа меня прямо режете. А уезжаете куда, если не секрет?

— Самое смешное, Кима Родионовна, что это и правда секрет. — Катя улыбнулась про себя, сообразив вдруг, что почти слово в слово повторила ответ, данный когда-то ей самой. — Что-то связанное с обороной, город с номером... Вы извините, но у него правда могут быть серьёзные неприятности, если я по неосторожности сболтну чего-нибудь лишнего. Чего мне, может, и знать-то было не положено.

— Ну что вы, что вы, — тотчас согласно закивала головой завуч, — о чём речь. Я же всё прекрасно понимаю...

Куда распределяется Андрей, знали на курсе все его знакомые — так что вряд ли это было такой уж страшной государственной тайной. Но насколько, оказывается, удобно, когда можно без излишних объяснений просто взять — и сослаться на режим секретности. И все смотрят на тебя с эдаким уважением, как на... Катя едва сдержала смешок, найдя подходящее сравнение: как Наина Киевна на Привалова — когда тот с неё пятьдесят рублей запросил.

— Так насчёт моих ребят, — вернулась она к волновавшему её вопросу, — я могу рассчитывать?

— Вне всяких сомнений, не было нужды и спрашивать. Ваш клуб — это же наша гордость. Конечно, без вас... Хотя... Самостоятельная инициатива комсомольских масс — ведь именно об этом на Съезде Пастухов говорил... Наш почин может оказаться ценнейшим опытом, тенденцией...

Кикимора в своём репертуаре. Ещё и на конференции межобластной выступит, аплодисменты сорвёт...

— Кима Родионовна, вы просто не представляете, как я вам признательна, — рассыпалась в благодарностях Катя, когда они закончили обсуждение деталей. — Огромное спасибо, от ребят, в первую очередь. Ну, я побежала. А то они заждались меня уже.

Формально клуб «Аэлита» по-прежнему считался факультативом для десятых классов, но практически записаться туда могли все желающие. И в этом году таких «перспективных» членов из девяти- и восьмиклассников набралось даже больше, чем «действительных». Ещё только подходя к классу, Катя услышала привычный галдёж и прислушалась у дверей...

— Да ежу понятно, что скакунцы — однополые. Иначе Саймак обязательно бы про какую-нибудь скакуниху написал.

— И вовсе не обязательно. И вообще, может это вам без разницы, а ни одна нормальная женщина в таком мире ни за что бы жить не захотела. Девочки, ну скажите ему...

Конечно. Нашли вот прямо *самое* важное место в романе... Но правда, что сам-то Саймак, интересно, по этому вопросу думал? Да ничего, скорее всего...

— Ребята, — с порога прервала она их спор, — я должна сделать одно очень важное объявление. Касающееся, в основном, наших перспективных членов. Я ухожу из школы.

Такой гробовой тишины клуб не знал, наверное, со времён приснопамятного визита секретаря райкома. Но уже через несколько секунд она взорвалась шквалом вопросов: «Когда? Куда? Зачем? Почему? А что будет с нами?»

— Тихо, тихо! — помахала руками над головой Катя. — Успокойтесь, не прямо завтра. После окончания учебного года. А о вашей судьбе я только что переговорила с Кимой Родионовной. С сентября вы становитесь самодеятельным клубом при комсомольской организации школы. Собираться будете в ленинской комнате — если обещаете порядок там поддерживать.

— Катерина Максимовна, но что произошло? — Зина

Новикова из девятого «А» привычно взяла инициативу в свои руки. Своей решительностью и целеустремлённостью она напоминала Кате Белку. Не такая красивая, но зато гораздо лучше умеет ладить с людьми… — Вас переводят в новую русскую школу?

— Нет. Просто я выхожу замуж и уезжаю в другой город.

Все девочки при этих словах дружно пооткрывали рты — а затем сорвались со своих мест и бросились, чуть не визжа от восторга, обнимать её.

— Ну, довольно, довольно, — с напускной строгостью приструнила она их, — хватит об этом. У нас ведь не девичник тут — как кому-то, возможно, показалось.

— Катерина Максимовна, — словно не слыша её, робко попросила восьмиклассница Таня Приходько, самая младшая и застенчивая из всех, — а расскажите, как вы встретились. Пожа-алуйста…

— Это, Танюша, слишком длинная история. Да и мальчики наши, я вижу, заскучали уже совсем.

Те действительно демонстративно глазели по углам, старательно изображая на лицах полное безразличие к происходящему.

— Ну хоть немно-ожечко…

Катя обвела взглядом одиннадцать пар уставившихся на неё немигающих девичьих глаз.

— Ну вот что мне прикажете с вами делать? Хорошо. Но только совсем чуть-чуть. Он тоже из наших мест, уехал несколько лет назад. Мы даже знакомы были немного. И вдруг столкнулись нос к носу, случайно совершенно, в чужом городе. И — не поверите — первым делом поругались, из-за какой-то ну сущей ерунды. Вспомнить смешно.

— А дальше?.. — шёпотом вклинилась в паузу Таня.

— Помирились, поужинали вместе. Разговорились о том о сём… Вот, кстати, клуб наш его очень заинтересовал.

Оказалось, он, как и я, фантастику любит...

Все три квартала до кафе самообслуживания, где они обычно обедали в перерыв, Виталий Викторович лишь молча хмурился, не проронив ни слова и избегая глядеть на идущую рядом жену. Только когда они уже отошли от раздачи и устроились за своим обычным угловым столиком, он сообщил бесстрастным голосом:

— Всё. Она уезжает.

Не донеся ложку до рта, Алевтина Степановна опустила её назад в тарелку, но так ничего и не ответила.

— Кто? — переспросила она наконец — хотя ясно было, что всё она прекрасно поняла.

— У Бондарь нашей обе девочки в «Аэлите», — пропустил мимо ушей бессмысленный вопрос Виталий Викторович. — И вчера она им сказала, что этим летом выходит замуж и уезжает навсегда. В какой-то закрытый город.

Алевтина Степановна, казалось, забыла, зачем они пришли сюда. Застыла неподвижно и только пальцы судорожно крошили хлеб на скатерть.

— Ну и что ты предлагаешь? — с оттенком безысходности произнесла она после ещё более долгой паузы. — В ножки ей пойти броситься?

По какому-то негласному уговору они старались избегать этой темы. Что толку?.. Андрей с тех пор так ни разу и не зашёл. После того злополучного выпускного, несколько дней они продолжали надеяться, что он, наверное, всё ещё в Москве — но тут пришло его второе письмо с оценками, как и первое, с местным штемпелем. Только на этот раз ещё и с обратным адресом, как будто окончательно расставляя все точки над i... Сейчас этих писем накопилось уже семь штук,

и с каждым из них надежды, что сын когда-нибудь одумается и вернётся, таяли всё больше и больше. Но Алевтина Степановна даже не пыталась что-либо предпринять — может, от подсознательного страха, что ничего уже исправить нельзя. Слишком поздно, слишком далеко всё зашло... А в результате не останется и вообще никаких надежд...

— Аля, ну я же вовсе не то имел в виду... Да вообще ничего... Но ясно же, что это — конец. Давно уже ясно. Зачем самих себя обманывать...

— Витя, — голос её вдруг стал жалобным, — да я бы и пошла, и бросилась... Но она же меня после того раза на порог не пустит...

— Хочешь сказать, ты бы на её месте так поступила?

В былые времена подобная шпилька не сошла бы Виталию Викторовичу с рук, но сегодня жена словно даже не заметила её. Оба они сильно сдали за последние годы — хотя внешне это и не слишком бросалось в глаза. Они редко когда ходили в гости и давно уже не принимали никого у себя. Обычное светское пустословие в любой момент грозило превратиться в мучительный допрос: «Ну и как он там, в столицах? Наверное, совсем уже взрослый стал, девушку завёл? А на снимки последние можно взглянуть? Странно, он же раньше так много фотографировал...»

— Поезжай к нему, завтра же... Нет, лучше прямо сегодня. Ты ведь давно в министерство собираешься — успеешь ещё командировку оформить. А я полдня возьму за свой счёт, соберу тебя. Вы же хорошо расстались, тебя он послушает.

— Что он послушает? Что ты хочешь, чтобы я ему сказал?

— Скажи, что мы... что я была неправа...

— Будто он и без меня не знает...

— Скажи, что раскаиваюсь. Что извиняюсь — он же этого хотел... Скажи что угодно, лишь бы только он вернулся и всё

опять стало хорошо...

— Ну, здравствуй, сын, — отец встал со стула и протянул ему руку.

— Привет... — Андрей пожал её и, побледнев вдруг, испуганно спросил: — С мамой что-то?

— С мамой? Нет, нет, с ней всё в порядке...

— Так я пошёл тогда... — Вадим поскорее ретировался к двери. — Приятно было познакомиться.

— Взаимно, — Виталий Викторович кивнул ему на прощанье. — Андрей, ты с ужина?

— Нет, со встречи с японцами... Да неважно. Как раз кого-нибудь сагитировать собирался.

Он повертел в руках веер и сунул его на полку, поверх стопки старых конспектов.

— Тогда, может, составишь мне компанию?

— Пошли. Наша столовка тебя устроит?

— Вполне. Хотя вообще я думал в ресторан тебя пригласить.

— В порядке облагодетельствования нищего студента? — последовал саркастический вопрос.

— Андрей, не заедайся. Я поговорить приехал.

Они вернулись к лифтам... Приезд отца выбил его из колеи. Не то чтоб он был совсем уж не рад... Но вот начнётся сейчас давление на психику, типа, мать извелась там вконец...

— Мы слышали, ты распределился уже? — начал разговор Виталий Викторович, когда они сели.

— Информация и впрямь распространяется со скоростью света, — иронично хмыкнул в ответ Андрей.

— Сын, я надеялся, мы с тобой нормально поговорим...

— Да не, пап, ну чего... Я ж не отказываюсь. Спрашивай, что хочешь — раз уж приехал. Распределился, хоть и не совсем

официально ещё.

— Мы же ничего о тебе не знаем, нам всё интересно... Это туда, где знакомый твой? Сергей, кажется?

— Ну да.

— Андрей, я сейчас, может, глупость спрошу... А забрать тебя оттуда не могут? Ты ведь офицер? Сейчас все беспокоятся...

— Лейтенант запаса войск ПВО страны, честь имею. Нет, пап, это ж не армия, обычный НИИ. Ну, почти. Наоборот даже, нам на первые шесть месяцев войны отсрочка положена. Хотя это и условность чистая: сколько та война вообще продлится. Да и шарахнут по нам, если что, в первую очередь.

— Настолько серьёзное место? А где это хоть примерно, можешь сказать? Или тут я действительно не должен спрашивать?

— Строго говоря, нет. Но родичи, я так понял, у всех знают. На карте покажу, как в комнату вернёмся. Только в институте у вас — да и вообще нигде — об этом правда лучше не трепать.

— И гостей к вам туда, ясно, не пускают...

— Не знаю точно, не спрашивал, — пожал плечами Андрей. — Скорее всего, нет. Только вам-то что?

— Опять ты заедаешься... — покачал головой отец. — Мать помириться хочет.

— После четырёх лет? Да нет, я ж не против. Вопрос только, что *она* под этим понимает.

— Что понимают под помириться...

Андрей взглянул ему в глаза.

— Не знаю. Кто что, я думаю. Слушай, пап, серьёзно. Четыре года от вас — ни слуху, ни духу. Вот словно вам на меня ну абсолютно наплевать. И знаешь, я уже даже свыкся как-то с этой мыслью. Но тут вдруг образуешься ты и заявляешь, что она, оказывается, мириться хочет. Хочет — так чего ждала столько времени? Надеялась всё, что мы с Катей поссоримся —

а как поняла, что не дождётся, так сразу готова, скрипя зубами, терпеть нашу «порочную связь»? Ну и на кой оно мне? Для того только, чтоб через дельта-тэ опять разругаться вусмерть? Да и не со мной ей мириться надо, если уж на то пошло.

— Андрей, не заводись. Она действительно хочет помириться. Совсем. И прежде всего с Катей, конечно.

— Ну а чего тогда тебя в Москву понесло? Она телефон забыла? Так в справочнике есть, на букву «Ш».

— Мать хотела, чтобы ты предварительно Кате позвонил, договорился... Боится, она с ней разговаривать не захочет. Особенно если ты не велишь...

— Ах, так сейчас, выясняется, уже не она меня, а я её против вас настраиваю. Интересная логика. Ну ладно, мне, что, жалко, что ли. Доели? Пошли на переговорный — это здесь же, в здании.

Она почему-то надеялась, что разговор отложится до завтра. Наверное, просто хотелось собраться с мыслями, подумать, что скажет... Но не прошло и пяти минут, как телефон зазвонил опять. В слабой надежде, что это кто-то другой, Катя сняла трубку.

— Алло?

Только кому ещё звонить ей в такое время... Хотелось бы встретиться, поговорить... У них, у неё, в любом месте, где ей будет удобно... В любое удобное для неё время... В голосе Алевтины Степановны явственно слышались просительные, почти что заискивающие нотки — и Катя почувствовала себя крайне неловко, будто она намеренно унижает свекровь за прошлые обиды.

— Через час у меня вас устроит?

— Разумеется. Постараюсь быть вовремя...

В голове ни с того ни с сего родилась хулиганская мысль: переодеться в свободный балахон — и пусть гадает… Но сегодня это было бы, пожалуй, не очень уместной шуткой…

А через час они опять сидели в той же гостиной, на тех же местах, что и три года назад. Только сейчас они пили чай с печеньем и немного нервно улыбались друг другу… И всё равно разговор не клеился. После нескольких дежурных любезностей ни одна из них не знала, как его продолжить.

— Если хотите, можете называть меня Катей… — ей показалось, так им будет легче наладить контакт.

Только в ответ Алевтина Степановна заплакала. Беззвучно, лишь две тоненькие мокрые дорожки пролегли по щекам. Кате хотелось сказать ей что-нибудь утешительное, но в голову ничего не приходило. Тогда она просто сходила в спальню за носовым платком и молча предложила его гостье.

— Спасибо… — поблагодарила та и всхлипнула. — Катенька, ты прости меня, дуру старую… если сможешь…

— Алевтина Степановна, не надо извиняться. Вы же только хотели, как Андрюше лучше…

— А вышло… — она вытерла слёзы и грустно покачала головой. Затем неуверенно улыбнулась. — У вас летом когда-то свадьба — если мы так поняли?..

— Не свадьба, регистрация в загсе. Чисто для допуска. Но в школе же всё не объяснишь… Я на каникулах еду к нему, заявление подавать. Знаете, может, ему удастся вернуться со мной, на пару дней… А обвенчались мы сразу после Андрюшиного первого курса. Он вас тогда пригласить собирался…

При этих словах у Алевтины Степановны опять потекли слёзы, и Катя, глядя на неё, расплакалась тоже.

— Давайте, я вам фотографии покажу, — предложила она, когда обе успокоились.

— Пожалуйста. Я ведь Андрюшеньку уже почти четыре года не видела…

Катя принесла из спальни несколько альбомов. Москва… Латвия… Андрей на картошке в Юрлово… А вот — в Киеве, у Беловой на свадьбе…

— А это вы в горах где-то?

— В Домбае, тем летом. Андрюша в турклубе эмгэушном договорился. Жили в лесу в палатках. Алевтина Степановна, там по ночам *такое* небо…

Перехватив сумку в другую руку, Андрей полез в карман за ключами — но тут сообразил, что от этой двери ключа у него нет. А Катя уже отпирала её своим… Он оглядел незнакомую прихожую. Исчез куда-то древний, дореволюционный ещё буфет — место которого занял новый угловатый холодильник. Линолеум в коридорчике сменило мягкое ковровое покрытие… Похоже, без него тут сделали ремонт… Надо же, Катя сейчас, наверное, знает эту квартиру лучше его…

— Привет, Барс, — опустился он на корточки навстречу выглянувшему из гостиной коту. Спал, значит, как обычно, в кресле в углу… — Давно не виделись. Узнал?

Кот замурлыкал и охотно пошёл на руки.

— Узнал, бродяга…

Гостиная тоже изменилась. Новомодные моющиеся обои в цветочек, сверкающая плексигласовым «хрусталём» люстра-каскад. А вместо их старого «Огонька» — огромный цветной «Рубин»… И ещё, растолкав другую мебель, перекочевал сюда зачем-то его старый книжный шкаф… Зачем, ясно стало, когда он заглянул в свою комнату. Почти всё пространство у окна, где раньше мирно уживались кушетка с письменным столом, заняла широкая тахта, застеленная лимонным вьетнамским покрывалом с птицами — Наташиным подарком на свадьбу.

— Теперь это *наша* комната, я даже спала тут уже один раз,

в ночь перед отъездом, — обняла его сзади вошедшая следом Катя. И игриво пощекотала шею ресницами. — Очень, между прочим, мягкая и удобная кровать — сам убедиться не желаешь?

К приходу родителей в гостиной был уже накрыт праздничный стол.

— Ах, ну что ж вы так без предупреждения-то, — раскудахталась немедленно Алевтина Степановна. — Вы — гости, это мы вас потчевать должны. Спасибо, Катюша. Андрюшенька, дай же мне на тебя хоть посмотреть... Если б я знала, обязательно отгул бы взяла...

— Такое впечатление, — шепнул Кате на ухо Андрей, — что в этом возрасте люди уже чего-то глубоко не понимают — не находишь?

— А ничего, что ты посреди семестра уехал? — продолжала суетиться мать. — Тебя там не хватятся?

— Да нет, мам, у нас занятий уже нет практически. Диплом один остался.

— Ну что ж... — Виталий Викторович извлёк откуда-то из недр холодильника резной хрустальный графинчик с притёртой пробкой. — Надеюсь, не выдохлась. С возвращением, сын.

Андрей изумлённо взглянул на него:

— Хочешь сказать, это всё та ещё, с тех пор стоит?

— Тебя дожидалась. Старый ЗИЛ пережила...

— Дети, — постучала Алевтина Степановна вилкой по краю рюмки. — Прежде, чем сядем за стол, мы с папой хотим поздравить вас. Пусть с большим опозданием, но лучше поздно, чем никогда.

Она выдвинула ящик серванта и достала оттуда новенькую сберегательную книжку.

— Алевтина Степановна, ну зачем… — начала было Катя, но Андрей тут же шутливо отпихнул её в сторону.

— Мама, не слушай её. Всё ты правильно делаешь.

— Поздно спохватились, молодой человек, — мать проигнорировала его протянутую руку и отдала сберкнижку невестке. — Поверь, Катюша, моему долгому и многотрудному опыту семейной жизни. Мужчине деньги доверить — всё равно, что сразу выбросить.

— Ну и сколько же ты за мной приданого взяла, — с кислой миной на лице поинтересовался Андрей.

Катя раскрыла книжку.

— Ой! Две тысячи! Спасибо, Алевтина Степановна, Виталий Викторович. Но правда, зачем же так много…

— Не много. Не больше, чем мы за это время на оболтуса нашего потратили бы. Так что можете даже не считать это подарком. А вам большие расходы ещё предстоят — и, надеюсь, очень скоро уже.

От столь прозрачного намёка Катя смутилась ещё больше. И чтобы как-то скрыть это, пошутила:

— А не боитесь, что с такими деньжищами-то сбегу я от Андрюши — и поминай как звали?

— А чего мне бояться? — отшутилась в ответ свекровь. — Ты мне когда ещё слово дала? Теперь не отвертишься.

— Кать, — вмешался в их диалог Андрей, — я тут чего подумал. Раз мы такие сейчас с тобой богатенькие Буратины…

— Вот! — со смехом прервала его Катя. — *Именно* об этом твоя мама меня только что и предупреждала!

— Не, ну серьёзно. Давай летом в Крым съездим.

— В Крым, — Катя укоризненно взглянула на него, наморщив носик. — Ну а обменом кто тут без нас заниматься будет, Пушкин, Александр Сергеевич?

— А мы маме доверенность оставим, — не моргнув глазом, нашёлся Андрей. — Она такие вещи любит — правда, мам?

— Конечно езжайте, — поддержала сына Алевтина Степановна. — Совершенно незачем вам здесь всё лето торчать. Ну а если что и правда срочное, телеграф ведь никто пока не отменял. Обоим вам хорошенько отдохнуть надо: переезд — это же всегда такой кошмар. Вот, помню, как мы с папой из Красноярска...

Яркий утренний луч предательски подкрался через щель в неплотно задёрнутых шторах... Андрей заслонил ладонью глаза и повернулся на другой бок. Рядом лежала Катя, улыбаясь чему-то во сне. Он приподнялся на локте поцеловать её — но передумал и осторожно вылез из постели, стараясь не потревожить жену. Все в квартире ещё спали, и он на цыпочках прокрался на кухню. Налил воды в джезву... Если завернуть кофемолку в несколько слоёв в махровое полотенце, её почти не слышно...

В коридоре скрипнула дверь родительской спальни.

— С добрым утром, — на кухню, позёвывая, зашла мать. Похоже, он таки разбудил её. — Уже подскочил?

— Привет, мам. Кофе хочешь? Я ещё сварю.

— Нет, спасибо. Мы с папой из «гейзера» пьём, ты же знаешь, не такой крепкий, как у тебя. А что, Катюша не встала ещё?

Эпилог

Катя почувствовала, что вагон замедляет ход, и выглянула в окно. Густой лес, тянувшийся по обе стороны полотна с тех пор, как они миновали свой «официальный», указанный в билете пункт назначения, неожиданно расступился, и поезд выскочил на открытое пространство. «До конца» — эту фразу, словно пароль, надо было произнести при покупке билетов в особой кассе. Вот, наверное, это тот самый «конец» и есть...

Раньше она думала, такое бывает только в кино. Или понарошку, как шесть лет назад, когда они играли в «шпионов». С перепугу сначала — а потом уже просто для собственного развлечения. Тайные знаки, фразы со скрытым смыслом, конспиративные «явки»... Но сейчас нечто подобное происходило на самом деле. Ей вспомнилась безмолвная, без единой вывески на фасаде, громада министерства в центре Москвы. Лишь обойдя его дважды, им удалось найти дверь, которая открылась — да и там их не пустили дальше кабинки внутреннего телефона... Затем поиски вот уж точно «явочной квартиры» где-то на окраине. Дорогу ни у кого не спрашивать, адрес никому не показывать, дело своё ни с кем не обсуждать... Они

заблудились в этих переулках, пока нашли нужную развалюшку, затёртую между другими такими же. Где их встретил затрапезного вида человечек в ещё более затрапезном, лоснящемся на локтях пиджачке. Он принял Катины документы и выдал им последние инструкции...

Состав двигался всё медленнее и медленнее, пока не вполз наконец в узкий коридор из нескольких рядов колючей проволоки, между которыми прохаживались туда-сюда солдаты с автоматами.

— КПП, — прокомментировал один из соседей по купе. — Можем довольно долго простоять, привыкайте.

В вагоне началось какое-то движение, послышались громкие, отрывистые команды, перемежающиеся резким стуком полок...

— Прошу предъявить документы и освободить купе для досмотра, — в миллионный, наверно, раз отчеканил заученную фразу заглянувший в дверь офицер.

Катя подумала, что сейчас начнут обыскивать их чемоданы и сумки, но один из сопровождавших офицера солдат убедился лишь, что никто не прячется среди багажа... Через некоторое время поезд тронулся опять и после ещё одной короткой остановки подошёл к конечной станции, где на перроне их встретил улыбающийся Сергей Анатольевич.

— С прибытием! Доехали хорошо? — он принял у Кати из рук чемодан. — Добро пожаловать в «кузницу щита Родины». Идёмте скорее, сюда. Я на колёсах.

Они погрузились в красный, как пожарная машина, «Жигулёнок».

— Управление института, — кивнул их «гид» в сторону показавшегося за поворотом старинного кирпичного здания. — А дальше — «белый дом», отдел режима. Это куда мы с вами завтра идём. Вам-то, Екатерина Максимовна, всего ничего, только пропуск в зону оформить — а вот мужа вашего подольше

промурыжат. Но Оля обещала, как закончите, подобрать вас и сразу в школу отвезти. И, может, по городу ещё покатает — если время и настроение будет. Магазины наши посмотрите.

— Да-да, спасибо большое... — рассеянно поблагодарила в ответ Катя, глядя мимо него.

Посреди неширокого бульвара, на разделяющем его чахлом газончике мирно паслось два бесхозных телёнка. Действительно... А она до последнего сомневалась... Они проехали под аркой бывшей колокольни с лесом антенн на месте сбитой маковки. И дальше, мимо ещё каких-то старорежимного вида домов, в направлении центра города. Откуда потянулись тихие, производящие впечатление глухой провинции улочки.

Покрутив ещё немного, машина свернула в зелёный, окружённый невысокими домами дворик. Детская песочница, качели, горка-ракета. Непременный дощатый стол для забивания «козла», крашеный в последний раз так давно, что и не поймёшь уже, в какой цвет...

— Приехали, — Сергей Анатольевич затормозил у подъезда и заглушил мотор. — Идёмте, я вас до квартиры доведу.

Отперев дверь, он вручил Андрею кольцо с ключами.

— Мы с мужиками расставили тут всё как вы нарисовали. Телевизор подключили. Если ещё что нужно будет, свистните. Гастроном и общепит ближайший я вам показал — до утра не пропадёте. Ну, с новосельем. А утром я за вами где-нибудь в районе восьми заеду. Не проспите.

Когда он ушёл, Катя побродила немного по их новой квартире. Странное ощущение: свои, знакомые с детства вещи в этих совершенно чужих пока ещё стенах... Она открыла дверь на выходящий во двор балкон. В песочнице возилась малышня, кто-то с гиканьем съехал с горки... Шумно. Придётся привыкать ко второму этажу. Да и вид, прямо скажем, совсем не тот... На балкон соседнего дома вышла молодая женщина и крикнула девочке лет четырёх с синими бантиками на

баранках, что пора идти кушать. Та скорчила недовольную рожицу, но послушно побежала в подъезд… Хотя, конечно, так намного удобнее… Что ей тот вид…

Она вернулась в гостиную, где Андрей, сидя на ковре, разбирал ящик с пластинками. Опустилась рядом с ним на колени и обняла за плечи.

— Ну вот и всё. Вот мы и дома.